

84(2Рсе-69та)6-11343

0-54

САЛЕХАРД

Юрий Неёлов

Эдуард Улыбин

REYKJAVIK

Александр Кухтерин

СРЕДНЕ-КОЛЫМСК

Анатолий Омельчук

Фёдор Ковтун

Игорь Емельянов

NUUK

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Сергей Лыкасов

Максим Марченко

ANCHORAGE

PORT RADIUM

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Анатолий Омельчук - Юрий Неёлов - Эдуард Улыбин

Читальный зал
-Окр-

ТЮМЕНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНФО-ПЛЮС»
2013

«Национальная
библиотека ЯНАО»

ISBN 978-5-9901520-5-15

Анатолий Омельчук, Юрий Неёлов, Эдуард Улыбин. **Полярный круг человечества** — Тюмень: ООО «Инфо-плюс», 2013

Фотографии и тексты:

Сергей Лыкасов, Максим Марченко,
Фёдор Ковтун, Александр Кухтерин,
Игорь Емельянов, Андрей Шапран

Фотокнига издана за счет средств

НО «Фонд содействия северным и арктическим территориям «Север наш»

625048, г. Тюмень, ул. Максима Горького, дом 68, корпус 1/8

© Омельчук А. К.
© Неёлов Ю. В.
© Улыбин Э. Ю.
© ООО «Инфо-плюс», 2013

Прекрасный Полярный круг

Эдуард УЛЫБИН
Сергей ЛЫКАСОВ
Максим МАРЧЕНКО
Фёдор КОВТУН
Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ
Андрей ШАПРАН

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ ПРОХОДИТ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

Через твоё. Не требует уточнения.

Почему? А-а! Мои дети родились на Полярном круге. Сначала Юля, потом Костя. Разве не повод? Разве не причина?

Ты – отец с Полярного круга. Папа Полярного круга. Если даже сам не заиклишься, это само собой тебя зацепит.

Завораживающие цифры: 66° 33' 44"

Вглядитесь!

И после этого кто-то еще смеет утверждать, что мироздание – не мудрый расчет Творящего Начала!

Вселенная – лучшее творение неопознанного Мастера.

Точность математики – отточенный кинжал Вселенского Гения.

В моей жизни Полярный круг, так получилось, играл существенную роль. Незаметно, но постоянно. Казалось бы, он и не собирался ввязываться в мою судьбу, но неизменно ненароком обязательно проявлялся. Проскальзывал. Подсказывал: а вот и я.

Ну не просто ты, как скажет классная дама, «родитель» с Полярного круга. Не просто.

Может, приходит время поразмышлять о нем, несущественно сущностном?

Житейский пунктир жизненных странствий свести в непрерывную линию круга.

Магические числа. Впрочем, никакой магии. Голая математика.

Но цифры – на загляденье! – красивые. Особенно если в них ничего не понимать. Как это и делает воинствующее современное человечество.

Через твое сердце проходит? Полярный круг проходит через сердце.

Сколько раз я пересекал Полярный круг? Боюсь, собою. Но впервые на Таймыре: ехал в Дудинку устраиваться на первую в своей жизни работу, на окружное радио. Дудинка далеко за Полярным кругом.

Мы пересекли неведомый и неразличимый на Ил-18 где-нибудь за Туруханском. Тогдашний суперсовременный Ил-18 из Красноярска подсаживался еще и в Енисейске.

Царство вечного света.

Постой... Или: царство вечной тьмы?

Граница. Рубеж. Рубеж вечного света и вечного мрака. Вечный свет – мечта оголтелых романтиков.

Но мудрая природа всё устраивает мудрее.

И устанавливает границы там, где и свет, и мрак могут показаться вечными.

Он мне родной, этот небывалый, бесплотный, неосознанный, несуществующий, но сущностный – Полярный круг.

Я, помнится (это было в Салехарде – там это запросто), уже совсем обессилел и прилег с устатка прямо на круг. Точно по параллели. 66033'44". Как понимаю, параллельно земному магнетизму планеты. Истинные северяне знают: иногда так устанешь, что вот и тянет прилечь на Полярном круге. И вроде немного выше. По-трезвому, понятно, этот круг просто перешагивают. Могут перескакивать.

А полежать?..

В снегах Полярного круга, конечно, только на основательно хмельную голову. И, приустав...

Жуткий мороз сморил, заводя в мягкосмертельный окончательный сон. Но это-то и толкнуло: сделать рывок и шаг. Что же он шепнул по-родному, по-товарищески, безмолвный Полярный круг? Наверное, напомнил, что у него свой магнетизм, а у тебя, усталый путник, другие задачи.

Никогда не забуду, как мягко ложится на замороженном декабрьском Полярном круге. Тем более, что известно – Бог подбирает пьяниц.

География, я наслушался земляка с Полярного круга, астронома Владимира Якименко, и поверил ему, – скорее, самая гуманитарная наука. Как филология, как философия, т.е. почти уже и не наука. Случайно попала в раздел естественно-го знания. Не строгая проза, даже не расхожая беллетристика – вольная поэзия. Как музыка и математика (сущностные инозначные поэзии), притворяющаяся строгой наукой.

Меридиан – метафора. Параллель – синекдоха, на крайний случай – анапест.

Полярный круг – вздох. Северный полюс – выдох.

Рациональному, насквозь прагматичному человечеству все это, если честно, скорее, по хуй.

Имеет значение только для нас, вольных, нерифмующих безумцев.

Когда же человечество поставило себе этот предел, когда узнало, что у него есть Полярный круг? Круги? Северный и Южный. Когда планета затянулась в корсет параллелей и меридианов?

Выясняется: недавно. С точки зрения человеческой вечности.

Совершенно бесспорно, что первым на планете Полярный круг мог вычислить и обнаружить только народ, обращенный к небу.

Европейцы на эту роль не подходят. Как молоды мы были...

Понятно, рефлексирующие китайцы и их великий чжурчжень (любой Омельчук найдет в его имени явное сходство – иероглифы одни) Чу Конг. Этот бесстрашный звездознавец, овладевший музыкой цифр и чисел, друг отважных мореходов и отчаянных путешественников, произвел все счисления и исследования, свел воедино космические углы и земные круги, разъял свет полярного дня, отъял от тьмы полярной ночи, отделил невосходящее зло от незаходящего добра, и первым нарисовал иероглиф, обозначающий Полярный круг. Произошло это еще до новой эры, но в первом ее тысячелетии. Недавно. Не так давно.

北极圈

Конкурентом Чу Конгу на право автора термина может выступить знаменитый Региомонтан (это по-латыни), немец Иоганн Мюллер. Ему, внимательному знатоку таблиц короля

Альфонса, принадлежит выдающаяся честь разделить границы холодных и теплых областей специальным кругом, который потом поименуют Полярным. Область незаходящего Человечества.

Пожалуй, составители современных Трудовых Кодексов и административного деления северных стран должны быть благодарны именно ему, Региомонтану Мюллеру. Понятия: Север, Крайний Север, районы, приравненные к Северу и Крайнему Северу, явно стартуют от него.

Правда, папаша Мюллер руководствовался космическими и планетарными соображениями, а не грубо прагматически-социальными. Но те, кто получает к отечественной зарплате всяческие северные и крайне северные надбавки и коэффициенты, могли бы не забывать для себя это святое имя.

Дорогого стоит. Для бюджета любой северной страны.

Полярный круг – посланец космоса.

Как бы поточнее...

Дитя космоса. Грубо-производное математических расчетов.

Полярный круг спустился на планету из космоса.

Его водрузили на бесформенную планету (еще существовали подозрения, что она вообще-то плоская) астрономы.

Математика – шифр космоса. Математические астрономы строго повычисляли и определили: 660 33'44.

Земля определилась, попав в сетку параллелей и меридианов.

Скорее всего, автор Полярного круга (полярных кругов) – для цивилизованной Европы – грек Эратосфен. Древний грек. Очень древний. Век второй до новой эры.

А в России узнали, что значительная ее часть будет находиться (новгородские ушкунники присовокупят) в Заполярье, благодаря монаху Кирику.

В России, понятно, без божественного промысла не обошлось.

Эратосфен вышел на полярные круги планеты, основательно занявшись измерением окружности Земли. Его очень волновали земные пропорции и неизбежно вели к исчислению полярных шапок планеты. Знаменитое «решето Эратосфена» Полярный круг не мог миновать.

Великий грек заложил фундамент научной хронологии, долго командовал невероятной Александрийской библиотекой, за его труды о добре и зле за ним шла слава «второго Платона», но выдающийся астроном-математик предпочитал себя числить по касте филологов. Спасибо коллеге.

Новгородской Руси о полярной параллели сообщил, скорее всего, болезненный монах Кирик (Кириак), сочинивший «Учение о числах» и неканонические «Вопрошения». Кирик бился над проблемой «настоящего» времени, хотел вычислить ту малую временную величину, которую человеческий мозг воспринимает как «настоящее время».

Великий вопрос! Мудрый монах. Прошлое – невероятно, будущее беспредельно, и только настоящее – неуловимо.

Кириаковский «часец» отвечал на вызов настоящего и расширял библейскую «точку времени». Задумчивый монах, глубокий. Задумывался фундаментально.

Кому как не ему и возвестить в северной Руси Великой о близости Полярного круга. Математический монах был еще и приличным музыкантом. Видимо, умел слышать музыку сфер.

Круг – он обязательно объединяет. Вокруговую. И внутри. Кто на этой круговой макушке планеты? По кругу.

Больше всего – Россия. Дальше – Канада. Потом Соединенных Штатов – Аляска, датская Гренландия. Заполярная Европа: Швеция, Норвегия, финская Лапландия.

Материк Азия за Полярным кругом представлен только и исключительно Россией.

Попутно. В южном Заполярье стран нет. Государства не присутствуют.

Полярный круг планеты – Полярный круг человечества.

Север – дорогое удовольствие. Арктика – тем более.

Резонны скептики, считающие, что, скорее всего, Господь дал Арктику России не в благодарность, а в нагрузку – вместе с широкой русской душой. Китаю же не дал, Египту не дал, Франции той же. За что провинилась? или – за какие заслуги? – вопрос – крохотная и насквозь мещанская Дания наказана Гренландией? Или поощрена за «снежную королеву» Ганса Христиана и экзистенциальные упражнения безумного философа Сёрена Кьеркёгора?

Точнее, здесь, в Арктике, за Полярным кругом ничего дешево не достается.

Жизнь – самое дорогое удовольствие. Арктика – дубль счастливой жизни.

Двойной тариф.

Да, есть еще одно то ли временное, то ли цифровое измерение. Как-то не удосужился справиться, как у них там не в наших странах, но в России (Советском Союзе) принято: Заполярье – год за два. Это про рабочий стаж. Отработал год – записали два. На арктических островах пишут и год – за три. Система коэффициентов.

Это необходимые, но – формальности. А по существу?

Год за два... Время уплотняется.

Время концентрируется? Или просачивается сквозь пальцы? Здесь мы мудреем вдвое, или стареем скорее?

Эти спрессованные годы – они как: вычитаются из жизни? либо присовокупляются?

Математика нелегкая наука, но вся она у нас завязана на эти магические цифры: 660 33'44". Если судить субъективно, по себе: исключительно прибавляются. Это даже не спрессованный опыт, а спрессованный азарт и радость жизни.

Может, на Севере и пьют побольше, чтобы разжижить сконцентрированное время? Везде: в Гренландии, на Чукотке,

Арктика – настоящее честное земноморье. Очень люблю это слово. ЗемноМорье. Звучит красиво и всё на этом божьем свете сущностно определяет. Полно осознает. Существенно выражает.

Они же не отдельно – вода и суша, море и земля. Они нераздельны и неразделимы, пропитаны друг другом и все – главные. Возлюбленная парочка, которая собралась родить. Если мы предпочли жить на земле, это же не означает, что за твердью – первое место, а океан обойдется второстепенным. Но **земноморье** звучит поласковее, чем, скажем, мореземье.

Дотошные исследователи посчитали, что северная шапка Земли (тубетейка, малахай, кипа) Арктика – территория за Северным Полярным кругом – насчитывает **21.000.000** квадратных километров. Немного. И правда, шапка. Белый малахай. Меньше пяти процентов земной поверхности (всего в распоряжении человечества и аффилированного с ним животного мира **510.065.600** (какая точность!) квадратных километров земноморья, тверди и сырости). Я не совсем понимаю, когда выделяют, скажем, 148.940 квадратных километров суши. А разве дно под обильными морями-океанами – не суша? Сегодня – дно, завтра – плато. Жизнь на Западно-Сибирской низменности (ранешнее, давнишнее морское дно) приучило к неоглядному пониманию земноморья, то и дело меняющегося местами.

В общечеловеческой Арктике разместилось бы чуть больше двух России (в нынешнем ее виде).

в Анадыре и Рейкьявике, Мурманске и Фэрбанксе, Гудзоновом заливе и Обской губе, в Лапландии и на Диксоне.

Только на стройке (по приказу Игоря Нака) железной дороги «Бованенково – Харасавэй» и освоении Бованенково – беспощадный сухой закон. И на буровой платформе в норвежском Северном море.

Это за чертой. Всегда за чертой. Человек ставит себе пределы. Люди любят ставить себе рубежи и пределы.

А это – за чертой. До – предел жизни по-человечески. После, за – беспредельная жизнь. Подразумевается: по-человечески здесь уже не потянешь.

Кругом повязаны? Или повязаны одним кругом?

Что это я, к примеру, заразился многолетней симпатией к Александру Кастрену? И даже, съездив на его родину, в северную Лапландию, – так ничего тогда и не понял. И только сейчас до меня доходит: повязаны Полярным кругом.

Занятна история этого моего путешествия. Я попал в катастрофу. Авто. Очнулся: правая нога в гипсовом чулке. Уговорили – и пошёл. Кто же меня уговорил?

На этой границе, конечно, не понять, где зло, а где добро.

Абсолютно ясно, что за чертой Полярного круга начинается зона абсолютного добра, но природа маскируется под очевидное зло.

За Полярным кругом нашей страны отменяются напрочь три известных извечных российских вопроса: что делать? кто виноват? что такое хорошо и что такое плохо?

Их здесь не задают. Здесь живут люди, которые для себя и сами собой давно определились и дурацкими вопросами не задаются. Они давно на них ответили.

Зачем хозяин своей судьбы, навигатор своей жизни Георгий Седов будет задаваться вопросом:

– Кто виноват?

Ну не царский же строй.

Только он сам. И если что-то не получилось – в ответе он сам. Слово «ответственный» в своем корне имеет «ответ».

Или Георгий Брусилов. Бросающие вызов Арктике апеллируют только к себе. Что делать?

Что умею.

За Полярным кругом не отмечено суровых войн. Ни одна крупная война не началась за Полярным кругом.

Да, XX век, глобальное воинство и до высоких широт донесло эту неистребимую страсть к убийству в массовом количестве. Сюда донесли трагические отголоски мировых боев.

Потом грянула Новая Земля.

Но, полагаю, Полярный круг всегда останется рубежом демилитаризованной зоны.

Кстати, Организации Объединенных Наций надо бы крепко задуматься, и если у нее ничего не получается с полной демилитаризацией планеты Земля, не грех начать бы это перспективное движение с Заполярья, Северного и Южного. А дальше дело пойдет.

В Гренландии мы, мирные пассажиры-пацифисты, высаживались на военной базе United States.

Мой золотой коллега Фред любил свою метафору.

– Вот мы с тобой полетели на Марс. Что бы мы с собой взяли?

Фред хитро прищуривался:

– Ты подумай, подумай.

Но в его планы мой ответ вовсе не входил.

Он торопился.

– Только самое необходимое. Для жизни на Марсе.

– Так и Новый Надым (мы с ним начинали Новый Надым) – там должно быть исключительно только необходимое. Все для жизни и ничего больше.

Я, понятно, вспомню суровую директоршу звероотновод-

ческого совхоза «Россия» из заполярного Панаевска Валентину Вахнину, которая нежно лелеяла в своем кабинете цветущее лимонное дерево.

Цветущую ветку черемухи на фоне июньской пурги в Ямбурге.

Но это не отменяет северного правила: ничего лишнего.

Север – сущно. Сущностно. Человек проявляет себя сущностно, не теряясь и растворяясь в деталях.

Север – вещь дорогая. Север не позволяет ничего лишнего.

Север – ничего лишнего.

Север – втридорога. Если он окупается, то только потому, что дает много. Как Ямал – газа, Югра – нефти.

Рентабельно – если много.

Кто считает деньги – в Север вкладывается редко.

И потому, что там – ничего лишнего – там голое дело, ничего нерентабельного. Дело по-настоящему, без финтифлюшек.

За Полярный круг – за настоящим делом. Только оно здесь рентабельно. Окупается. На уровне человеческой личности. На Север – значит, за сущностью. Даже в экономических категориях.

Зарубежный Север – это очень наглядно: ничего лишнего. Только функционально. Только рентабельно. Рационально и прагматично. Ибо иррациональное начинается сразу за порогом: сам Север.

С отечественным Севером посложнее. Социализм особой рациональностью не грешил, на что-то не обращал внимание, что-то сохранил, что-то оставил. Здесь беспощадной рациональности не встретишь. Да и не для русской души.... Она с этого начинается, бесценные ценности.

Но и здесь – чаще всего – ничего лишнего. Квота выживания. Оптимум. Мы как бы полетели на новую планету – взяли только необходимое для жизни.

Север – тренаж для нового Космоса.

пройтись Полярным кругом

живые люди

различить: они другие? что их отличает?

да, ничего! понятно, ничего

может, только всё же Полярный круг пролегает, проходит не по кургузому шару планеты? а проходит через каждое сердце?

это феномен человеческой анатомии,

а не географии – даже не астрономии

У каждого свой полярный круг. Житейский, символический, манящий, профессиональный, недостижимый, бытовой (в Салехарде коммунальная баня стояла как раз на старом Полярном круге, размеченном разночинцем Иваном Гервасием). Каждому выпадает свое счастье.

Пройдемся по Полярному кругу ногами современника. Наверное, у одного человека он всегда – пунктиром, и всегда незавершен. Как получилось.

Но у каждого остается возможность добавить свое, собственное.

Полярный круг человечества – собственность каждого.

СТОЛИЦА ЯМАЛА

*Он такой
единственный*

Сергей ЛЫКАСОВ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

АРКТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР РОССИИ

Передовой отряд человечества

Тюмень – если не полностью, то в большей своей части – арктический регион.

Арктика – безусловная и безупречная кухня погоды. Кухня планетной погоды. И что там варится сегодня, и что там заваривается на завтра – безусловно, всегда интересно для каждого, в каком бы уголке Земли он ни жил.

Что бы там не глаголили о глобальном потеплении – несмотря на (или благодаря этому) – интерес к Арктике растет. Во всем мире. Растет и понимание: главное богатство Арктики – не только потенциальные ресурсы нефти и газа, а холод. Холод – замечательный капитал планеты и человечества. И даже предчувствие дефицита холода (в планетарном масштабе) заставляет человечество вздрогнуть или даже дрожать.

Поэтому интерес к Арктике обязателен и, понятно, будет нарастать.

Тюмень избрана базовым городом для Фонда «Север – наш», фонда арктических инициатив и проектов. Возглавляет Фонд хорошо известный человек – на Ямале, в Тюменской области и в России – уроженец Салехарда, губернатор Ямала двух тысячелетий – XX и XXI – Юрий Васильевич Неёлов, ныне член Совета Федерации России.

За северным Полярным кругом планеты человечества немало. Если прикинуть – по кругу – едва ли и миллион набе-

рется. И это – из семи планетарных миллиардов! Доли процента! Одна сотая процента.

Но это – если и не избранное человечество, не обязательная элита – всё-таки: **особое** человечество.

Больше половины заполярного человечества – наши, русские, российские. Только в России имеются крупные заполярные города: Мурманск, Норильск, Салехард, Лабытнанги, счет жителей которых переваливает за сто тысяч.

Заполярное население не растет и даже сокращается. Его, наверное, всегда ровно столько, сколько нужно. В авангард, в передовой отряд человечества больше не берут. Не надо. Не требуется.

Он не провозгласил Ямальскую Республику (а мог бы! – при его-то характере), он не вывел Ямало-Ненецкий автономный округ из состава конституционной Тюменской области (тоже ничего не стоило), но сумел из в общем-то затрапезного, глухоманно отдаленного округа создать настоящую драгоценность – жемчужину среди равноправных субъектов Российской Федерации.

Он передал своему преемнику процветающий Ямал с заданным темпом развития, граждански стабильный, политически благоприятный, человечески уверенный Ямал, как фундамент экономики современной России, ибо сделал всё, чтобы хозяин газовых месторождений – хребет России – Газпром вёл здесь грамотную, перспективную в интересах территории

и страны политику. Он передавал Ямал – конкурентную мировую территорию и престижное место на планете, он передавал Салехард – мировой арктический центр и мощный город российской Арктики, город, в котором хочется жить. Он передавал и свою честную, по-северному почти простодушную, без всяких интриг, губернаторскую политику. Естественность и органичность – они всегда в дефиците, особенно в политике. Юрий Неёлов – естественно и органично редок.

Арктический лидер

Омельчук: Юрий Васильевич, богатый год на арктические события. Просто арктический год событий.

Неёлов: Действительно, плодотворный. Буквально недавно вернулся в Сибирь из Санкт-Петербурга, там проводили международную конференцию «Арктика – настоящее и будущее». Очень интересный доклад о Тюменской области сделал мой друг, выдающийся геолог Анатолий Брехунцов: все аспекты, касающиеся Арктики, затронуты: транспорт, углеводородные ресурсы, доступность, актуальная экология. Человеческие ресурсы – основной капитал Севера. Интереснейшая конференция.

Омельчук: Арктика – настоящая и будущая... Упор на настоящее время, сегодняшнюю Арктику или как всегда: надежды на будущее? Всё – там, в светлом и предстоящем?

Неёлов: Думаю, уже сегодня сделаны мощные шаги для того, чтобы осваивать российскую Арктику. Я уверен однозначно: будущее за ней. Реанимировано, воскрешено, возрождено Российское географическое общество, которое предметно занималось и занимается Арктикой. Поступило предложение всем Фондом войти в географическое общество.

Омельчук: Императорское русское географическое общество?

Неёлов: Именно. Мы готовим документы. Фонд «Север – наш» коллективно войдет в Российское географическое обще-

ство. Мы недавно сами осуществили экспедицию по розыску могилы Виллема Баренца в Карском море у архипелага Новая Земля, ищем его затонувшую каравеллу. Найдены пять фрагментов судна, они отправлены на экспертизу. Разместим их в нашем музее.

Омельчук: Это последний сезон исследований в прибрежных водах Новой Земли?

Неёлов: Нет, нет. Последуют, думаю, и другие, и не один сезон. Мы уверены, что каравелла находится в том месте, где мы ищем – она отточкована на карте. Будет большая мощная экспедиция с погружениями водолазов, которые четко скажут: да, она здесь. Но она точно там: ведь фрагменты каравеллы Баренца подняты на сушу. Именно в этом месте надо искать.

В декабре Артур Николаевич Чилингаров проводил съезд Ассоциации полярников. Я – его заместитель, избран в Совет Ассоциации. Звание почетного полярника...

Омельчук: Да какой Неёлов почетный – действительный!

Неёлов: ... почетного полярника мне вручали прямо на Северном Полюсе.

В Тюмени проведена выездная сессия Экспертного Совета при председателе Совета Федерации РФ. Широкий круг проблем обсуждался. Состоялся 2-й международный фестиваль неигрового кино «Арктика». Мы посмотрели почти сотню работ, очень интересные, все фильмы связаны с Арктикой. Фонд учредил специальный приз – вручал я. В тот же день в Санкт-Петербурге состоялась презентация фильма Натальи Бондарчук «Тайна Снежной королевы». Она снимала его в Гренландии и у нас на Ямале.

Омельчук: Лучшие съемки, понятно, на Ямале?

Неёлов: Да, с байдарацкими оленями, с карскими льдами, с невообразимыми тундровыми снегами.

Омельчук: С самыми симпатичными ненками?

Неёлов: Да. Мероприятий, акций много. Я президент российского клуба ездовых собак. Мы готовим грандиозное шоу в Сколково.

Омельчук: В «арктическом» поселке Сколково?

Неёлов: Там. С Управлением делами Президента России уже договорились, хотим показать, насколько нынче сохранились собачьи арктические традиции. Хотим показать людей, которые выращивают хасок, совершенствуют этот арктический вид спорта. Я сам буду участвовать. Тебя приглашаю.

Омельчук: Вообще, нашу «Силиконовую долину» – Сколково не грех приобщить к арктическим инновациям?

Неёлов: Думаю, многие молодые ученые заинтересованы в исследованиях по Арктике. Нисколько не сомневаюсь – это одно из инновационных направлений.

Омельчук: Юрий Васильевич, можно говорить: Ямал сегодня – лидер арктической России?

Неёлов: По географическому расположению Ямал всегда был в центре, он полностью входит в мировую арктическую зону. Кстати, мы сейчас в Совете Федерации точно определяем арктическую зону России. Я вхожу в рабочую группу, ее организовал Минэкономразвития, мы работаем над законом об арктической зоне России, будем определять южные границы Арктики. Прежде чем говорить об Арктике, надо знать: а границы-то в России где кончаются, арктические. Ямал однозначно целиком входит в Арктику. Но ученые говорят одно, мы, практики, предлагаем другие подходы. Думаю, золотая середина будет найдена, наиболее оптимально и экономически полезно будет определена арктическая граница России. Не сомневаюсь.

Ямал – действительно лидер и не только по географическому положению. Освоение всех арктических территорий проходило через Ямал. Недавно запущено самое северное газовое месторождение – Бованенково. Идет строительство завода СПГ, с которого будут возить сжиженный газ танкерами по Севморпути. Выше по карте – Тамбейская группа месторождений – это прямой выход в Ледовитый океан. Идет конкретное освоение ямальской Арктики.

Омельчук: Когда, Юрий Васильевич, всё это началось, когда Ямал почувствовал себя лидером и понял: надо прини-

мать на себя роль лидера?

Неёлов: Мы почувствовали это, когда поняли, что запасы Медвежьего и Уренгоя не вечны, что придется идти на сложное, тяжелое освоение заполярных территорий. Когда Газпром впервые двинулся к Бованенково, когда построили поселок Ямбург... Мы поняли – впереди Большая Арктика.

Омельчук: Большая эпопея?

Неёлов: Огромная. Туда впервые вышли геофизики, геологи, открыли огромное месторождение на Карском шельфе. Стало ясно, что России надо биться за свою арктическую зону.

Омельчук: Но в нашей стране первые арктические активности с историей – еще в царские, да и в советские времена – это Архангельск, Мурманск...

Неёлов: Не ставится вопрос, что мы лидеры и все вокруг нас должны танцевать, что мы будем задавать направление, концепции, еще что-то обязательное. Нет. Арктику можно осваивать только общими усилиями. В Архангельске наработано очень много, существует федеральный Арктический университет, Мурманск всегда конкретно занимался развитием Северного морского пути. Если все и всё вместе, комплексно – это и будет освоение Арктики. Ведь на Ямале пока нет ни одного института, научного центра – всё в Тюмени. Это означает, что Тюмень будет заниматься научным и теоретическим освоением Арктики. Обязательно! Анатолий Брехунцов со своим «СибНАЦем» вплотную этим занимается.

Омельчук: Тюмень входит в предарктическую зону России?

Неёлов: Вся научная база, нацеленная на Север, находится в Тюмени. Она будет востребована и обязательно задействована.

Омельчук: Известно, что в Арктике всё дорого и ничего дешево не достается. На ваш взгляд, Россия созрела: следует тому же Ямалу заниматься арктическими проблемами? Окупится же неизвестно когда.

Неёлов: Конечно, надо, если мы дальновидные люди. Ме-

сторождения Ямала истощаются, идет падающая добыча газа. Мы практически, правда, нефтью-то серьезно еще не занимались, но надо думать на будущее. У России большие обязательства перед мировым сообществом по поставке углеводородного сырья. Конечно, надо идти вперед. Ведь не от хорошей жизни Газпром честно пошел на Бованенково и Тамбей, потом пойдет на Карский шельф. Надо выполнять свои обязательства. Это всё впереди.

Омельчук: Хотел спросить знатока: Газпром с Ямбурга выходил с экспериментальным разведочным бурением прямо на Обскую губу – на Ваш взгляд, сделано это экологически чисто?

Неёлов: Много шло разговоров: погубят, мол, ценные породы – муксуна, нельму, осетра. Опасаться неловко, почему? Не случайно проведена тройная независимая экологическая экспертиза прежде, чем платформа вышла на бурение в Обскую губу. На несколько раз всё проверено. Мы формировали делегации, которые ездили в Норвегию, США, где имеется огромный опыт бурения на полярном шельфе. Люди убедились, если применять новые технологии, никакого урона природе не наступит. Получили все заключения, связанные с сохранением рыбьего малька, биоресурсов губы, только после было дано разрешение на экспериментальное бурение в Обской губе. Дальше, когда начнется выход на морской шельф, думаю, придут еще более сложные технологии, высокотехнологические принципы. Сейчас опасений нет. Мир всё же нарабатывает большой экологический опыт. Все понимают: арктическая зона – новейшие технологии.

Омельчук: Сам Юрий Неёлов слетал на платформу в Обской губе?

Неёлов: Я был на ней на той стадии, когда только комплектовалась буровая вышка. Пошло первоначальное бурение, никакого разлива нефти не было. Ученые говорят, что никакого урона пока экспериментальное бурение не принесло. Это в Тазовской и в Обской губе, район факторий Напалково и Мыса Каменного.

Омельчук: Губернатор Ямала Юрий Неёлов – его арктические инициативы?

Неёлов: Знаете, с чего мы начали? Известно, 10 тысяч километров арктической границы проходит по территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Мы очень тесно сотрудничали с пограничниками. У них масса проблем. По арктическому побережью стоят российские метеостанции, которые определяли погоду, вели самолеты по трансасиатскому маршруту. Конечно, финансирование у вояк никудышное. Ямал впервые ввязался в арктическую зону именно в помощь пограничникам. Мы помогли восстановить метеостанции. Договаривались с руководством погранслужбы, чтобы там служили наши, ямальские ребята. Начало сотрудничества в Арктике. Совместно с газовиками стали строить вахтовый комплекс Ямбург, организовали там административное управление. Первые шаги. Конечно, значительно продвинулись. Престижные международные конференции проходят на Ямале. Строится нефтехимический комплекс в районе Нового Уренгоя – завод СПГ – конкретное поэтапное освоение Арктики.

Омельчук: Так бы сформулировал вопрос: русская Арктика – изначально международное сотрудничество или управимся сами?

Неёлов: Только международное. Думаю, здесь не стоит вопрос: кто победит, кто завоюет. Все претендуют на арктическую зону, каждый по-своему свою правоту доказывает. Норвежцы говорят одно, датчане – другое, американцы – третье. Мы – своё. Я считаю, это правильно, надо не воевать, не силой, а методом переговоров, комплексно осваивать этот очень хрупкий участок общей планеты. Я уверен, работы всем хватит, всем хватит и ресурсов. Надо договариваться мирным, нормальным путем: кому что принадлежит и кто за что отвечает. Здесь сила – не в применении силы.

Омельчук: Вы в своей губернаторской практике подходили к проблеме именно так?

Неёлов: Исключительно с точки зрения переговоров. Я шесть лет член Арктического Совета. На совещаниях минист-

ров иностранных дел всегда поднимаются арктические вопросы. Я в хороших контактах с нашим министром Сергеем Лавровым. Специально привозил его на Ямал. Во многих переговорах сам принимал участие, считаю, это наиболее верный и правильный путь.

Омельчук: Юрий Васильевич, как говорится: не мы начинали и боюсь – не нам заканчивать. На Ваш взгляд – конечная цель нашего сегодняшнего активного похода в Арктику?

Неёлов: Показать, что человечество достигло высот: и в технологиях, и в умении вести людские переговоры, что освоение хрупкого, экологически опасно уязвимого участка земли, нужно вести совместными усилиями. Мы все получим от этого пользу: не затронем хрупкую природу, сохраним биоресурсы, и в то же время огромные, скрытые пока богатства пойдут на пользу людям. Конечная цель.

Омельчук: Что русскому человеку в Арктике надо?

Неёлов: Ну, во-первых, драйв. Огромные запасы углеводородного сырья, Северный морской путь – всю жизнь люди еще на веслах осваивали и хотели доказать, что это наиболее кратчайший путь для сотрудничества. Обязательно – туризм. Люди ездят на Север с удовольствием. Я сам побывал на Северном Полюсе, видел кучу туристов, они приехали лишь побывать, посмотреть, поглядеть, постоять на этом Полюсе. Это же здорово!

Спасательный круг России

Омельчук: У уроженца Салехарда, у салехардского пацана Юрия Неёлова – есть своя история взаимоотношений с Северным Полярным кругом?

Неёлов: Конечно. Мы, тамошние пацаны, всегда гордились тем, что Салехард – единственный город, стоящий на Полярном круге. В мире другого такого нет. Мы пацанами бегали и всё искали: а где же этот Полярный круг? Где? Ни-

кто же никогда его не видел. А хотелось, конечно, посмотреть. Потом в советские времена в городе впервые из металлических труб сварили монумент и поставили его: как бы примерно здесь должен быть Полярный круг. Когда я стал губернатором, мы пригласили полярную авиацию, летчики четко проточковали и показали, как по городу проходит Полярный круг. Именно на этом месте сделали стелу «Полярный круг», которая, кстати, пользуется бешеной популярностью. Приезжают, фотографируются, проводят церемонию перехода Полярного круга, вручают спец. грамоты. Мы это начали.

Омельчук: Вы город хорошо помните? Считалось, что линия Полярного круга проходит мимо старой, дореволюционной еще бани?

Неёлов: Нет, Полярный круг из тундры идет в сторону рыбокомбината и дальше к Полулю, где находился «РЭБ флота» геологов. Пересекает Шайтанку, вот так идет Полярный круг. Новую губернаторскую резиденцию я начинал строить ближе к полярному рубежу, чтобы ощущать по-настоящему дыхание Полярного круга.

Омельчук: Недалеко от отцовского дома?

Неёлов: Слушай, а правда... Практически рядышком, да, ну, может, несколько метров. Я только тебе, Анатолий, признаюсь. Если четко, точно и, конкретно, по существу: я родился за колючей проволокой. Так получилось. У меня в паспорте место рождения: город Салехард. Но я родился не в Салехарде. Чуть подальше. Мой отец – ленинградец и brave вояка – после войны хорошей работы не нашел. Завербовался на Север. Нашел в Салехарде мою мать. Они поженились. Ему, как офицеру, предложили работу на строительстве железной дороги от Салехарда в сторону Игарки. Так что мама меня рожала в родильном бараке в огороженном пространстве. Территория ГУЛАГа, знаменитая 501-я стройка, мертвая дорога Салехард – Игарка.

Я почему внутренние очень свободный человек? Немного своеволен и мне всегда в угоду вольная жизнь? Наверное, хо-

рошо помню, что такое невольная жизнь. Свобода – самая дорогая вещь, за нее платишь всегда высокую цену.

Омельчук: Стела «Полярный круг» в Салехарде, вторая появилась в Новом Уренгое. По другим районам – Надымский, Пуровский, Тазовский, Красноселькупский не отмечают?

Неёлов: Символ такой действительно только в Салехарде. Почему? Потому что Полярный круг символично разрезал город на две части. В Новом Уренгое Полярный круг по существу тоже проходит в черте города. Это интересно для тех, кто там живет, интересно для детей, для малых и старых, для тех, кто в гости приезжает. Наверное, обретется и в других районах: их же не так и много в России, переkreшенных Полярным кругом.

Омельчук: У Санта-Клауса бывали?

Неёлов: В Финляндии? Бывал. Мы в свое время по финскому прототипу создали своего Деда Мороза – Ямал Ири. Вначале соображали: давай-ка пригласим Санта-Клауса к нам, а потом подумали: а почему бы нам своего полярного Деда Мороза не сочинить. На Ямале сейчас существует сказочный персонаж: по-русски Дед Мороз; по-ненецки Ямал Ири – Дедушка Ямал. Дети ямальские, ненецкие ребятишки, хантыйские, русские, селькупские знают, что у них есть собственный морозный Дедушка, Ямальский.

Омельчук: Юрий Васильевич, для Вас Полярный круг что означает: слово, словосочетание, умопостижение? Помимо географического определения и математического счисления – само это понятие?

Неёлов: Понятно – черточка, линия, которая проходит через полярную зону земного шара. Но Полярный круг для всей России, считаю, большое и ёмкое понятие. У Александры Пахмутовой есть хорошая песня, в ней такие слова: «Север – мой дом, Север – мой друг, Север – спасательный круг».

Омельчук: Спасательный круг России?

Неёлов: Да. Да! Это так. Мы и сегодня живем за счет нефтегазового сырья, которое начали добывать в советские вре-

мена. Дай Бог, чтобы это богатство не истощилось. Это не пресловутая, нефтяная или газовая «игла». Действительно, спасательный круг. В штормящем океане современной действительности. Это необходимо. Север сегодня кормит Россию.

Омельчук: На Северный полюс Юрий Неёлов залетел на всякий случай?

Неёлов: Просто давно мечтал там побывать. Очень благодарен моему другу Артуру Чилингарову, который меня пригласил. Именно на Северном полюсе Артур Николаевич вручил мне знак «Почетный полярник». За тем и приглашал. Он мастак на всякие приколы.

Омельчук: Символическая географическая точка – основа земного мироздания. Под тобой весь земной шар. А в реальности – уныло, беспросветно?

Неёлов: Конечно, стоишь – бесконечное белое безмолвие, мороз. Но ты на верхней точке Земли, на его пупе. Здорово интересно.

Омельчук: Стоя не северном пупе, захотелось побывать на противоположном?

Неёлов: Действительно, через год у меня возникло желание попасть в Антарктиду. Я все изучал, проштудировал, выбрал реальный путь – и через Чили полетел в Антарктиду. Побывал на российской станции «Беллинсгаузен». Мы там нашим зимовщикам очень помогли. Станция заброшенная. Наша – худшая из всех. Рядом уважаемые американцы, китайцы, норвежцы...

Омельчук: Хуже китайской антарктической фанзы?

Неёлов: Хуже. Намного. Ветхие балки, сломанные тракторы, УАЗик еще с 17-го года бежит.

Омельчук: Царя помнит?

Неёлов: Похоже. Обидно стало за державу. Мы на Ямале принимаем решение – помочь российской Антарктиде. Помогли здорово. Оснастили современным «Джипом», купили новейший дизель, купили новые тракторы, приличную одежду нашим антарктическим полярникам. На 30 миллионов рублей помогли. Что приятно – в Антарктиде поднят флаг Ямало-Ненецкого автономного округа.

Омельчук: Добираться до Антарктиды – сложновато?

Неёлов: Очень сложно. Только спецрейс. Я летел Москва – Сингапур – Чили, от Чили добирался спец. самолетом конкретно в Антарктиду. Билет дорого стоит. У меня есть грамота, что я пересек Южный Полярный круг. В воздушном пространстве мы его пересекали, там и вручали эти грамоты.

Омельчук: Прямо в воздухе?

Неёлов: Да. Самолет типа Ан-74, но – шведский, специализирующийся: он садится на льдины, с коротким пробегом, с коротким взлетом. Четыре мощных двигателя – прототип нашего Ан-74. Дело знакомое. Я же в Салехарде в авиации начинал работать.

Омельчук: Ощущения: Северный Полярный круг – Южный Полярный круг...

Неёлов: Разница большая. В Антарктике тепло, стояло где-то 20 градусов.

Омельчук: Плюс?

Неёлов: Какой плюс? Минус, понятно. Но кругом льды плавают, чистая вода, рыбалка здесь же, причем – шикарная рыбалка. Тут же пингвины, мощные моржи. По несколько тонн весом, лежат спокойно. Северный полюс пустыней. Совсем разные вещи, честная полярность.

Омельчук: Вы – единственный человек, который на двух полярных кругах...

Неёлов: Ну, не думаю, что я один...

Омельчук: Из урожденных на Северном Полярном круге?..

Неёлов: Чилингаров побывал и там, и там – не по одному разу.

Омельчук: Но нас немного?

Неёлов: Понятно.

Омельчук: Стран Полярного круга тоже немного. С Финляндией, с Норвегией, с Исландией, с Датской Гренландией, с Аляской у Ямала налажены связи?

Неёлов: У нас в Канаде в свое время даже было открыто представительство, оно работало 3 года, занималось как раз этими братскими северными связями. Ямальские делегации

летали в Канаду, канадцы прилетали к нам, вопросы северные обсуждались. Мы использовали опыт канадцев в северной медицине, они нам помогли медицинскими технологиями. Интересные связи. Они не потерялись.

Омельчук: Так, а канадские женихи – за тазовскими невестами?

Неёлов: Я скажу, семей 20 общих получилось.

Омельчук: Правда?

Неёлов: Однозначно. И наши девчонки уезжали туда, и канадские парни к нам переехали, здесь живут, и в Новом Уренгое, и в Надыме. Я возил группу на Аляску в составе правительственной делегации – смотрели трубопроводы, которые у них проложены поверх земли, мы укладываем в землю, а они – поверх. Я специально летал смотреть, как это увязано с экологией. Мы весь положительный опыт перенимаем. Это нужно для освоения Севера.

Омельчук: Скажите, сотрудничество арктических стран – должный уровень или все-таки окраинно?

Неёлов: Нет, тесное. Нас объединяет тот же Арктический Совет, в который все циркумполярные регионы входят. У парламентариев – свое объединение. Часто проводятся международные арктические конференции. Нормальная связь. Я считаю, что все общие вопросы должны решаться методом переговоров.

АРКТИКА – НАША!

Омельчук: Юрий Васильевич, когда родился замысел фонда «Север – наш»?

Неёлов: Когда я принял решение не баллотироваться в губернаторы и перешел работать в Совет Федерации. Я родился и вырос на Севере, знаю проблемы всех северных территорий. У меня возникала мысль создать фонд в поддержку северных и арктических территорий, назвать его – «Север – наш!». Тем более, в последнее время и Президент, и прави-

тельство страны стали много внимания уделять арктической зоне. Создал. Фонду в марте уже 2 года. Мы провели экспедицию на Новую Землю по поиску каравеллы Виллема Баренца. Провели 80-летие забываемой в стране полярной авиации. Очень хорошая встреча. Я сам никогда в жизни не видел столько вместестоящих Героев Советского Союза. Мы проводили ее в Российской Академии наук. Фонд полностью взял на себя расходы и организацию. Фонд организует в Сколково большое шоу с ездовыми собаками. Провели международный фестиваль неигрового кино «Арктика». Участвуем в съемках кинофильма «Тайна Снежной королевы». Где-то с десятков грантов вручили одаренным детям с северных территорий. Из них, надеюсь, получатся, известнейшие ученые, физики, лирики, путешественники.

Омельчук: Сколько же собралось Героев Советского Союза вместе – полярные герои живут долго: нам в пример и на подражание?

Неёлов: Справедливо заметили: закаленные Арктикой живут долго, им всем уже за 80 лет. Бодрые ребята, еще и на трибуну выходят, говорят без бумажки. Мне наш полярный летный контингент очень понравился.

Омельчук: Замороженная энергия?

Неёлов: Да. Мы же всегда шутим: у меня спрашивают: «Вы не выглядите на свой возраст». И я отвечаю: «В вечной мерзлоте не старимся!».

Омельчук: У фонда мощные источники подпитки?

Неёлов: Конечно, хотелось бы больше, много денег не бывает. Помогают нефтяные и газовые компании, мы рационально всё это используем для людей, для поддержки северных территорий. Большие задумки на будущее. Верстаем планы. Совместно с Российским географическим обществом в высокоширотных экспедициях участвовать. Развернулась дискуссия, одни говорят: давайте разрежем на металлолом ледокол «Арктика», другие возражают: давайте используем для музея. Наш фонд подключился. Я считаю, «Арктику» надо использовать для музея. Возражают, есть же ледокол

«Ленин», стоит в Санкт-Петербурге. Зачем, мол, два музея-ледокола? Давайте поставим в другом месте. Арктика большая.

Омельчук: Россия – арктическая страна?

Неёлов: Главная в Арктике, самая огромная по арктической территории. Пусть будет музей, если государство не найдет много денег – фонд примет участие в расходах.

Омельчук: Мы знаем Неёлова как человека: «сказал – сделал».

Неёлов: Стараюсь. Если что-то задумываешь и работаешь: в основном, получается. Но знаете, не всё зависит от одного лица и фонда. Надо искать контакты в правительстве, в президентской Администрации, у губернаторов. Не всё получается в стопроцентной задумке. Но мы свои задачи доводим до конца.

Омельчук: Прорвемся?

Неёлов: Прорвемся!

СБЛИЖЕНИЕ
СЕРДЕЦ

Тёплая земля

Юрий НЕЁЛОВ

ЖИТЕЙСКАЯ АРКТИКА

Юрий НЕЁЛОВ

ВЕТЕР ДЛЯ ЧЕРНОМЫРДИНА

Виктор Степанович – азартный мужик. Будучи председателем правительства Черномырдин приехал ко мне на Ямал. Провели рабочую встречу, всю повестку для премьера отработали. Он меня просит: «Покажи какие-нибудь уникальные вещи, чтобы я действительно увидел и поверил, что здесь уникальная природа и вы животным миром предметно занимаетесь». Я предложил выехать в только что открытый заповедник по разведению овцебыков.

История такова: древняя жизнь этих необычных быков происходила на Приполярном Урале. Это их родина. Но в свое время их всех истребили, климат изменился, они погибли. Я задался целью: совместно с природными службами возродить популяцию первородноямальского овцебыка. С Таймыра завезли с десятков мощных особей. Они не очень хорошо прижились, но мы старались создать все условия: заповедник начал оживать. Появились и первые детёныши. Несколько выпустили на свободу.

Мы с Виктором Степановичем прилетаем в заповедник «Горнохадатинский» в Приуральском районе. Это еще Азия, рядом граница с Европой. Егерем был Морозов, интереснейший мужик, всю жизнь посвятил зверью. Он прямо там и жил, лелеял своих ненаглядных, в морду знал каждого быка, здоровался. Мы показали Черномырдину всё, что он просил. Но и

само место очень интересное: всегда дуют ветра, эдакое своеобразное ущелье, как аэродинамическая труба. Я показываю Виктору Степановичу интересную вещь, просто фокус: ветер такой силы, что спокойно, меньше чем под 45 градусов, «ложишься» на ветер, и он тебя держит. Руки раскинешь и ле-

жишь на ветру, как на матрасе. Постоянный мощный поток. Мы привязывали лопасти вертолета, чтобы не снесло. Такой силы ветер.

– Интересно, – говорит Черномырдин.

Он и сам предпринял попытку. Мужик-то не щупленький, но полярноуральский ветер и его держал. Такая силища! Виктор Степанович поманеврировал, приноровился, раскинул руки, наклонился и улёгся на ветер. Межгорная равнина. Августовский денёк. И премьер Российской Федерации спокой-

ненько под немислимым градусом лежит на... ветру. Картина замечательная! Думаю, мало кто может похвастать таким редким кадром. Жаль, фотоаппарат не захватили. Тот еще кадр! Он пролежал с минуту, сконцентрировался, собрал руки, поднялся. Таким счастливым я его первый раз в жизни видел.

– Надо же, – крикнул он. – Чего в жизни не бывает.

Я-то лежал минут семь, не меньше.

Мы еще думали, как бы в этих местах внедрить вертушки для выработки электричества.

ЧЕРНОМЫРДИНСКАЯ ЩУКА

С Виктором Степановичем еще один эпизод был. Он зимой к нам прилетел. Рыбак редкого азарта. У нас в хорошем месте поставлены жерлицы на щуку. Виктору Степановичу дали проверить одну. Он к лунке жерлицу подтащил, жалуется: «Слушай, сильно чего-то тяжелое».

«Ну всё, вытаскивай!».

Появляется морда щуки, которая в лунку не пролазит. Мы ему: «Держи, не упускай!». Он уперся, держит. Но матёрая щука не пролазит. Пришлось взять два бура, рядом подбурить, ломами поломать. Вытащили чудо. Щука – 22 килограмма. Подлёдный лов, где-то апрель месяц. Я сам редко таких щук ловил, но Виктору Степановичу повезло. Взвесили тут же. Полтора пуда. Мы так ее и называли – премьерская щука. Чер-

номырдин засомневался:

– Вы ее тут не специально под меня держали?

Да, не всякий премьер может похвастать таким уловом. На Ямале рыбачить надо.

Он мужик сильный, в рыбалке опытный. Понятно, мы ему помогали. Щучья морда в лунку заходила, а туловище не шло. Замаялись, вспотели. Тяжелые щуки легко не даются. Он тулупчик скинул.

Мой личный рекорд: я на 19 кило ловил. Это, наверное, губернаторская квота. Но он поймал больше – 22. Видимо, премьерский размер. На этот раз мы сделали фотографию. В Москве встречались, он мне всё вспоминал и показывал свой фотоальбом. Сиял. «О, – говорит, – 22 кило щука! Рекорд».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЛИКАТНОСТЬ

На Ямал во время моего губернаторства приезжало много лидеров. Бывал и президент Исландии Олафур Рагнар Гримссон. Меня попросил Владимир Владимирович Путин: «Слушай, к нам приехал президент Исландии, он в своей истории докопался, что в лагерях 501-й стройки погибла женщина из Исландии. Хотел бы посмотреть эти места». Я отвечаю: «Хорошо, организуем». Из Москвы с правительственного вокзала мы улетели с Гримссоном на Ямал. Организовали поездку в заброшенные лагеря 501-й стройки, показали именно «исландский» барак — он сохранился. Еще сохранились нары и полаты. Это Верхний Полуй. Сейчас там Верхнеполуйский заказник. В щелях барака еще записки заключенных торчали. Не особо разграблено. Гримссон со своей делегацией очень уважительно ко всему отнесся, все поклонились. Меня же особенно удивило то, как заботливо страна относится всего к одному человеку, который погиб в лагерях сталинской эпохи. Президент страны лично едет в сибирскую северную глухомань отдать дань памяти. Потом Олафур пригласил меня в Исландию. Тепло встречал, показал свою необычную страну с ее уникальными гейзерами. Я тогда еще раз поразились: страна кроме селедки ничего не имеет, а живет лучше России. Думаю, что-то неправильно мы делаем, неправильно хозяйством руководим, как-то не так. У нас на той же Камчатке есть гейзеры, но как они используются? А вся Исландия на горячем гейзере использует его энергию и живет безбедно. Припеваючи. Надо учиться хозяйствовать, да и деликатности государственной памяти учиться.

СЕЛЬКУПСКИЙ ПОСОЛ

Я долгое время маринованные грибы не ел. Вообще. Исключил из меню. Не прикасался. А что произошло? Был случай, я работал еще в комсомоле, и поехал в страну Лимонию, далекий и забытый Красноселькуп. С проверкой. Там транспортная схема очень сложная, меньше недели нечего делать. Селькупскую неделю там пробыл. Поездили по комсомольским организациям, в партийных органах встречались, обратно летел на АН-2 прямым рейсом Красноселькуп-Салехард. Это где-то 4 с половиной часа. Загрузили нас в самолет, мне в напарники попался мужик, который возглавлял местную кооперацию. Я огляделся, чем самолет загружен. Ну-ка, что там? Ящики с коньяком и ящики с маринованными грибами. Причуды советской торговли – далекий Селькуп снабжает окружную столицу коньяком и маринованными грибочками. Но гри-

бы местные, селькупский посол. Ящиков много, всё самолетное пространство заставлено банками с грибами. Кооператор пару раз намекнул: «Скучно лететь-то». Я соглашаюсь: «Ну что ж, давай!». Выпили мы и закусываем грибами. Они еще не дошли. Свежие совершенно. В маринаде как следует не просолились. Но коньяк хорошо идет с этими грибами. Однако и коньяка и грибочков много. И полётное время долгое. Я, наверное, лет 10 после этого полёта к грибам маринованным вообще не прикасался. За 4 с половиной часа наелся на всю оставшуюся жизнь. Прилетели благополучно. Я всегда был и остаюсь приверженцем местных авиалиний. У нас же собственная авиакомпания есть – «Ямал», известна во всем мире. А начиналось всё с необычных деликатесов – селькупского посола.

ТУНДРОВАЯ ВАЛЮТА

Рэм Иванович Вяхирев – очень самобытный мужик, простая душа, но большой русской глубины. Очень часто приезжал на Ямал. Правильно делал, посещал коллективы своих газодобытчиков, люди его знали, уважали, отношение к нему было особое. Отец родной. Папа. Приезжал, говорит: «Юр, ты бы мне какую-никакую экзотику показал». Я ему показывал

многотысячные стада оленей на касланиях, он удивлялся: «Я, – говорит, – никогда такого количества оленей не видел. Как живая река по тундре течет».

Он очень заботился о коренном населении, говорил: «Мы, Газпром, пытаемся сделать всё, чтобы они не ощущали себя бедными, не подачки получали, а системную компенсацию.

Мы не враги. Они должны это понять». Очень умно относился. Умную, сердечную политику вел. Я за это его уважаю. Кетати, когда Вяхирев вышел на пенсию, у себя в Подмоскovie на своей ферме специально оленей завёл. Но небольшое стадо, голов 15.

Один раз, Вяхирев прилетает на Ямал с дальней поездки из-за границы. Мы посидели немножко, отметили успешную работу, он просит: «Юр, свози меня в настоящий чум». Он коньячком не брезговал, да и от водочки не отказывался. Говорит: «Свози в настоящий чум. Не надо мне такой, где все уже приготовлено. В такой, где человек живет и не знает, что я к нему лечу». Полетели.

Приземляемся в Ямальском районе, на полуострове. Стоит чум, живет семья. Никто действительно не знал-не ведал, что губернатор с Вяхиревым летят. Зашли в настоящий чум, где всё как есть, так и есть. Для красоты ничего не висит. Живут, как живут. Я не ожидал... Вяхирев поговорил с ненцем-

хозяином и вдруг спрашивает: «Слушай, ну тебе же деньги надо?». Тот не отказывается: «Как не надо, конечно, надо. Мне детей учить. Совсем не помешают».

Рэм Иванович прямо из зарубежной поездки. Достает пачку долларов и протягивает ему: «Это тебе от меня, от Рэма Ивановича Вяхирева». Тундровик взял, пригляделся, еще разок посмотрел: «На фиг они мне нужны? Мне рубли надо».

Вяхирев у своих спрашивает: «У кого есть рубли?». У меня у самого какая-то мелочь была. «У кого есть деньги?». Его замы достают – кто доллары, кто евро. Вместе были в зарубежной поездке. Но Вяхирев настойчиво почистил карманы, настрелял пачку рублей, со всех собрал и хозяину вручил. «Это тебе от Газпрома. Плохо нас не вспоминай. Всё». Душещипательно.

Хозяйка всё на стол выложила, что у нее под рукой было. Строганинка сгодилась, мясо вареное оленье, ягоды в сиропе. Ну всё, что в чуме держат. Пир устроили. Мы тоже из походных сумок своё достали. Вяхирев довольный: действительно, посмотрел настоящий «дикий», как ему хотелось говорить, чум без прикрас. Говорит: «Да, нам, Газпрому надо посерьезнее этим заняться. По существу помогать». Хозяин чума оленевод, пастух. Частник. Большая семья. Хорошая. Взрослые дети уже сами пасли оленей. Хорошая семья. Зажиточная, не бедная. Но и не богатая, не сильно богатая. Нормальная оленеводческая семья.

Газпромовская рублевая пачка серьезной получилась. Думаю, не меньше тысяч ста. Не меньше. Меня и сам Вяхирев поразил, и сам пастух: «Да на фиг, – говорит, – мне эта пачка?». А там такая пачка! «Зачем они мне? Я куда здесь с ними-то?». Отдает назад доллары. Рэм обалдел. Не ожидал.

Мы, тундровые – народ гордый. Нам лишнего не надо.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ МАЛИЦА

Президент Владимир Путин впервые прилетел к нам на Ямал на Заполярку. Заполярное месторождение – последний распечатанный газовый гигант XX века. Декабрь, разгар полярной ночи. И как на грех, прямо в день визита (точнее, в ночь визита – президент припозднился) ударил мороз. За –50° честных. Дичайший холодина, ветрище пронизывающий. Жуткий холод. Арктика во всей красе. Хороши хозяйева, не могли организовать погоду покомфортнее. Президентский борт приземлился в Новом Уренгое. Президент из самолета – в штиблетиках. Надо еще дойти до вертолета, чтобы лететь дальше на Заполярку. Расстояние приличное. Ветер сшибает.

Путин держится. Но мне не очень удобно: замораживаю президента.

И тут, откуда ни возьмись по вертодрому бежит оленевод, в руках что-то держит. Оказывается, несет малицу – удобную мужскую непродуваемую шубу. Прорывается к Путину и предлагает свою запасную одежду.

Потом разобрались, как он прорвался на поле. Они, любопытные, из тундры приехали на оленьих упряжках – хоть из-

дали на президента посмотреть. Простодушный человек заметил, что президенту холодно и схватил с нарты запасную малицу.

Путин от неожиданности не сразу уразумел, что происходит, но когда понял, повеселел – чисто по-человечески обрадовался.

Ненец помог ему надеть малицу – она через голову одевается.

Потом уже после Заполярки как-то в Кремле наши пути пересеклись, и Владимир Владимирович подошел ко мне:

– Ну, слушай, спас. Честно спас. Я уже думал, совсем околеваю. Околею. Спасибо ему скажите еще разок.

Наверное, где-нибудь в государственном гардеробе хранится эта президентская ненецкая малица с Заполярки.

Такие вот у нас на Ямале в заполярной тундре гостеприимные оленеводы.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ «НИКОН»

Я работаю в комсомоле, команду молодостью Ямала. Ко мне прилетел работник ЦК ВЛКСМ, зав. отделом рабочей молодежи Сергей. Проверил наши комсомольские организации, просит: «Ну, покажи свою хваленую экзотику. В чум хочу,

олений посмотреть». Привозим его в чум. Бригадир комсомольско-молодежных бударок Володя Теткин. Он маленький, метр 10 всего, горб с детства у него. Но очень развитый парень, ездил у меня по заграницам, хорошо фотографировал.

Мы к нему в рыбацкий чум заехали, сидим, беседуем за жизнь. Володя сразу обратил внимание на моего гостя – у Сергея на шее висел фотоаппарат «Никон». У нас-то тогда что было? «Смена», «Зоркий»... «ФЭД» корифеем считался. О! А тут «Никон»! Крутизна! Володя с него глаз не сводит. С ума сходит, видно же. Я думаю, как бы нашему мужику-то завладеть фотоаппаратом? И говорю парню из ЦК: «Слышь, Серега, у нас такая традиция в ямальской тундре, если ты пришел в гости, должен в чуме обязательно сделать подарок хозяину». Он заволновался: «У меня вроде ничего с собой нет». Я навожу на мысль: «А фотоаппарат?». Он возмутился: «Ну ты че, это ж такой аппарат!». Я: «Понимаешь, есть поверье: если ты этого не сделаешь, всю жизнь тебя будут преследовать невзгоды и несчастья. Сам же напросился в чум. А здесь с этим строго». Он, скрепя сердце, снял фотоаппарат, подарил Володе. Потом вспоминал: «Я не сразу врубился, но от души дарил. Как жить-то с омраченным будущим?». Так мы завели еще одну чумовскую традицию. Володя долго пользовался

этим фотоаппаратом, меня благодарил, всё хвастался, что его «Никон» – один на всю российскую тундру. Единственный!

А со мной почти такая же история произошла. Аукнулось. В Салехарде проходила Арктическая конференция, очень солидная, собрались министры иностранных дел северных стран. Наш великий Хабэча Яунгад, редактор национальной газеты «Нарьяна Игэрм» и азартный фотомастер, снимал мероприятие. Но у него в арсенале – заметно дешевый, худенький фотоаппарат. Тогда денег больших ни у кого не было, спонсоры еще не родились, он ко мне и подрулил: «Слушай, – говорит, – губернатор, великих министров фотографирую, ты с ними накоротке, а у меня снимки плохие, стыдно за газету». И смотрит на меня пристально. Я говорю: «Всё, обещаю – будет тебе фотоаппарат». Я купил ему за личные деньги тоже «Никон», последней марки, шикарный. Хабэча до сих пор им пользуется и гордится: ««Никон» губернаторский, сам губернатор подарил!».

ОСТРОВА В ОКЕАНЕ

Губернатор – обязательно хозяин. Хозяин территории. Своё хозяйство должен знать.

Я-то свой Ямал, как говорится, на брюхе прополз. Досконально знаю. Огромная земля, но мы ее осваивали в рабочем режиме.

Особенно мне нравятся арктические острова в Карском море. Есть в них что-то... Все они, может быть, величественного впечатления не производят, низменные, заливные.

На остров Шокальского добрались, когда там линяли гуси.

Я столько гусей в своей жизни не видел. Наверное, миллио-

ны. Они линяют, взлететь не могут, только бегают. Август, все ими просто кишит. Руками можно ловить! Мы посмотрели, что гусь в эту пору беззащитный. Интересный остров. Именно там размножается лемминг, песка много, гаги. Гусь приходит на линьку. Остров низменный, не приподнятый. Видимо, когда осадка Ледовитого океана прошла, тут и остров появился. Никакого жилья. Пустой остров.

На Гыдане омуля ловил. Здоровый, жирный омуль, краше байкальского. Был период, когда с рыбой совсем плохо было. Мы – на Гыдан. Взяли ученых, рыбаков-производственников,

как раз в этот период шел омуль. На удочку ловили. Для ученых – пробным неводом. Интересный омуль, своеобразный, жирный, крупный. Обычно же он средний, небольшой.

На наших островах народ не живет, редко кто идет сюда и на промысел.

Но если попадается человек, это, как правило, бесподобная личность.

Расскажу один случай про остров Белый. В свое время на Белом стояла советская метеостанция, работал маяк на Северный морской путь. Прибрежное обмеление – надо кораблям маячить. Мы прилетели на Белый посмотреть метеостанцию, ознакомиться с островом, посмотреть арктический мусор, знаменитые бочки. Приземлились. Избушка рядышком стоит, довольно древняя. Я удивился, кто тут живет? Зашли. Точно. Живет ненец, средних лет: «Здесь мой отец жил. Уже умер. Сейчас я тут живу. Зимой уезжаю на оленях к чумам. Обосновался». Рядом с ним его племянник, мальчишка молодой. Что поразило меня? Вечером сели чаю попить, уже стемнело, он засуетился: «Побегу, маяк включу». Спрашиваю: «Зачем ма-

як-то включаешь? По морю сейчас никто не ходит». «Ну, как? А вдруг пойдет ледокол? Мало ли что». Мы потом посмотрели, как он работает. Понимаете, какая ответственность! Его отец зажигал этот маяк, поручил сыну. Северный морской путь уже не работает, ни одного корабля, а он бегает, зажигает маяк. Уникально! Спрашиваю: «Поддержка нужна?». Попросил батареи для маяка. Для себя – ничего. Маяк – здоровая лампа, работающая от аккумулятора, бегущий маячок, яркий, мощный. Метров, наверное, десять в высоту. Стоит на высоком видном месте. У него в избушке подвесная кровать на цепях, видно, от ледокола какого-то. Мощная цепь. Он – охотник и оленевод, у него свое небольшое оленье стадо, пасется ближе к таймырскому северу. На ту сторону и к родственникам ездит. Маяк зажигает, днем тушит, промыслом охотничьим занимается. Меня просто поразила такая ответственность. Никаких денег он, понятно, не получал. За идею и дело отца. Мы ему потом свежие батареи послали, матрасов пару, подзарядки всякие, да продукты.

ГУБЕРНАТОРСКАЯ УЧАСТЬ

Летим из Тазовского в Салехард. Проводили совещание с рыбаками и строителями. С нами летит главврач районной больницы Саша Бухаров, попросил взять с собой еще и роженицу. Я спрашиваю: «Слушай, ничего не случится?». Он заверяет: «Да нет, не должно». Взлетели. Роженица в малице, с ней тундровый саквояж. Летим. До Салехарда часов пять лёту. Где-то через час у нашей спутницы схватки начались. Ну, всё.

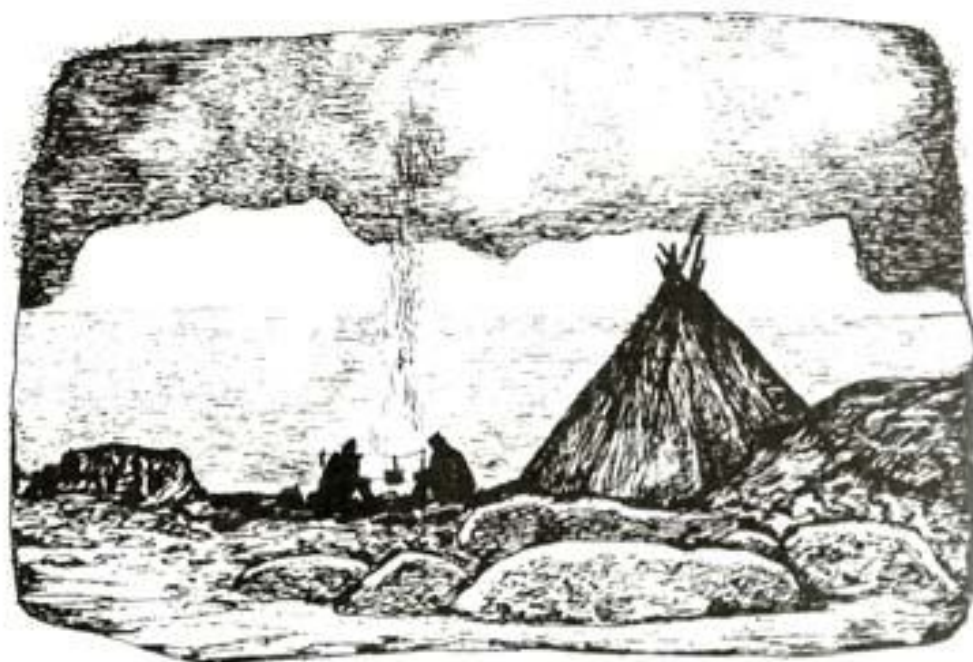
Бухаров – хирург. Не гинеколог. Она рождает. Что делать? Все на меня смотрят. Как будто губернатор еще и акушер. Обязан. Как быть, что делать? Я приказываю: «Саша, давай!». Вызываем второго пилота: «Есть у тебя брезентура? Чем закрываете вертолет?». Нашли брезент, натянули, сделали штору. Получилось родильное отделение. Сзади всё убрали. Сашу определили на место повивальной бабки. С нами еще женщина лете-

ла. Я прошу: «Иди, помоги». Мужики-то вразбег: «Мы не пойдем». Саша Бухаров припоминает курс акушерства, женщина-пассажирка на подхвате. У кого-то оказалась бутылка с водкой, отдали для дезинфекции. У пилотов нашлись какие-то медикаменты. Они там за брезентом колдуют. Где-то через полчаса, слышим: «А-а-а-а-а». Девочка! Потом эта ненка призналась: «Если бы родился мальчик, назвала бы Юркой. Однозначно». Маршрут Тазовский-Салехард – сплошь тундра, никаких поселений. Повернуть к Уренгою? Надыму? Куда там – поздно! Наверное, у этой девчушки место рождения записано: ямальская тундра. Может быть, в скобках – вертолет МИ-8. Я потом интересовался – девочка развивалась хорошо, всё у нее в норме. Этот случай запомнился на всю жизнь. На юбилее у Бухарова он тоже его вспомнил:

– Помню-помню, как мы с Неёловым роды принимали в вертолете.

Губернаторская участь.

Мы прилетели, благополучно вызвали скорую помощь, роженницу с дочкой сразу забрали в стационар. Но не Юрка.

ТУНДРА СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

– Знаешь, что такое куропашкин чум? – проорал Витёк, стараясь перекрыть вой ветра.

– Какой чум?

Я повернулся к нему, и тут же снежный заряд старательно и заботливо облепил мою физиономию крупными липкими хлопьями.

– Куропашкин, – повторил он, наклоняясь к самому уху моему.

– Не, – помотал я головой, утираясь.

– Ненцы так ночуют в пути, если буран застал. В сугроб зале-зают. Ныряют, как куропатки. – И как заворот нашего райкома, то есть человек увлекающийся, во всю глотку перешёл к истории вопроса: – Нет, вообще-то нормальный ненец устроится среди оленей. С ними, понятно, теплее.

Этот вариант меня больше устраивал, чем неведомый куропашкин чум. Я с надеждой посмотрел на нашу упряжку. Все четверо оленей ещё стояли, отдуваясь после езды по сугробам.

Витёк перехватил мой взгляд.

– И не надейся, – прокомментировал он. – Они чужака среди себя не потеряют. Так что остаётся куропашкин чум. А вообще зря мы поехали. Может, завтра повернём домой?

Ни в коем случае. Кто же за нас стойбища объезжать будет?

Как скажешь. Значит, остаётся куропашкин чум.

Дался ему этот чум! Однако дело шло к вечеру, а непогода, судя по всему, только входила во вкус. Давно уже небо смешалось с землёй, и в этой мешанине мы находились уже часа три. И люди, и животные давно выбились из сил.

– Ну что, готов освоить новаторский метод? Где твоя активная жизненная позиция, комсомол?

Вот же запас жизнелюбия у человека, внутренне позавидовал я.

Ну, показывай, – без энтузиазма поинтересовался я.

Смотри, повторить уже не смогу. Подходишь к сугробу. – Он спиной подобрался к свеженанесённому холмику. – Руки делаешь вот так. – Он выставил одну руку перед собой локтем вперёд, другую прижал к груди. И как куропатка в сугроб – бац!

И он спиной стремительно опрокинулся в сугроб. Только ноги мелькнули. А вскоре и их занесло. Был заворг Виктор Залуцкий, и нет его.

А я остался один на один со стихией. И с оленями, которые тоже принялись укладываться, подбирая под себя ноги.

Я ещё минут двадцать посидел на нартах, слабо веря в происходящее. Исчезнувший Витёк, inferнальные непогоды, торчащие рогатые головы оленей...

Однако разошедшийся не на шутку ветер возвращал к действительности весьма требовательно. Становилось холоднее. Даже легендарная малица не спасала. Нет, температура воздуха, может, и не понижалась, но я, продуваемый безжалостно, всё явственнее ощущал потребность хоть в каком-то крове над головой. Да и с боков бы стены не мешали. Очень желательно с печкой посередине.

Почему это я им чужой, возмущённо подумал я, глядя на неподвижно лежащих оленей. Мы с ними уж который час вместе. Пуд соли, может, и не съели, но к тому дело идёт. А вообще давно пора своим транспортом обзаводиться.

Вон, когда пожар на Аксарку шёл, подняли комсомол, чтобы обежали всех жителей, вывели на улицу. Сообща с народом тогда все дома отстояли. Но это ж как нам пришлось побегать! А был бы транспорт, ещё бы быстрее управились!

Н-да, пожар... Костерок бы не помешал. Но как и из чего его тут разведёшь? Я вспомнил, что у народов севера есть такой вид спорта – прыгание через нарты. Говорят, мировой рекорд – тысяча нарт. Что ж, теперь понятно – запрыгаешь, когда стужа накроет...

Я покинул нарты и осторожно двинулся к нашим животным. Но при первой же моей попытке внедриться к ним в стаю и стать своим, они, негодуя фыркая, стали подниматься. И на их мордах отчётливо проступало: «Вот же гад какой! И сам не спит, и другим не даёт!».

Я ещё минут десять побродил вокруг упряжки, сам не знаю на что надеясь. Однако холод доконал. Мысль одна, но чёткая, сурово погрозила пальцем: «Замёрзнешь, к чёрту, дурачок!».

Я подошёл к тому месту, где, по моим предположениям, уже с полчаса назад должен был замёрзнуть неугомонный заворг. В сугробе явственно виднелось небольшое отверстие. И из него шёл парок, тут же сминаемый ветром!

Я наклонился к отверстию.

– Витёк, ты там как... живой?

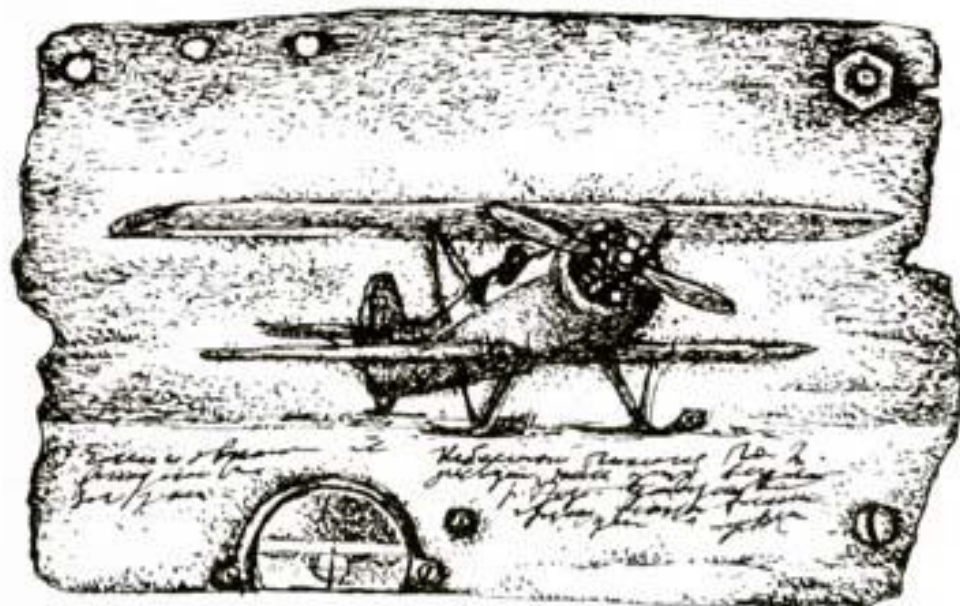
В ответ ни звука.

– Витька! – заорал я так, что олени, устроившиеся на ночлег, встревожено подняли головы.

– Да ложись ты уже, – донёсся приглушённый подземный, но заметно раздражённый голос. – Вечно от тебя никому покоя! То собрания, то заседания, – он ещё что-то ворчал, но всё глуше, видимо, засыпая.

Ах, ты ж, семь на восемь!

Я отошёл на пару шагов от Витькиного лежбища, повернул

-ся спиной к сугробу и, как матрос, уходящий в последнее плавание, бахнулся спиной в неизведанное.

Снег обложил меня со всех сторон, сразу сделалось уютно лицу, захотелось смахнуть облепившее, но руки не так-то просто было выпростать. А вскоре надо мной обтаяло, образовался над физиономией некий купол с отверстием от дыхания... И самое главное, становилось всё теплее! А может быть, я просто за-мерзаю, подумалось почему-то без всякой тревоги. Ну, да и ладно, лишь бы тепло...

Проснулся я от того, что занемевшее тело потребовало перемен. Но пошевелиться не смог. Перед глазами маячил светлый снежный купол с отверстием посередине. Куропашкин чум! И никаких признаков холода. Я энергично задвигался подобно крепко спеленатому младенцу. Младенцы в таких случаях ещё и орут. Я и заорал:

– Витёк! Витька!

Сверху наплыла тень.

– Ага! И у лягушки бывает простуда! – послышался голос

заворга, чему я был несказанно рад.

Через пару минут он извлёк меня на свет божий, разительно переменившийся за ночь к лучшему. Вьюга улеглась. Ветерок на-летал, но так, факультативно, без особого ущерба для здоровья и благостного мировосприятия. Олени уже стояли, поглядывая на нас укоризненно: мол, ехать пора, сколько можно прохлад-даться?

Я же тебе показывал, как руки делать, – назидательно комментировал Витёк моё возвращение в боевой строй. – Одну руку вот так локтем выставляешь, чтобы, когда проснёшься, пробить наст. Теперь запомнил?

Запомнил! – завопил я, обнимая его за пояс и поднимая. – Своим транспортом надо обзаводиться!

С этой крепко засевшей мыслью я через два дня направился в райком партии.

Во дворе райкома стоял Николай Яковлевич. Николай Яковлевич Будылдин пребывал в превосходнейшем состоянии духа. К такому состоянию первого секретаря райкома приводило лицемерие новенького вездехода УАЗ-469.

– А, здорово, комсомол, – мельком глянув на меня, сказал он, возвращая лучезарный взор к симпатичному продукту отечественного автопрома. – А? Хорош? – вопрошал он. И сам себе отвечал: – Хорош!

Такое настроение партийного вожака райкома упускать было никак нельзя.

– Ещё как хорош! – поддержал я. – Вот и я о том же, Николай Яковлевич. Может, теперь отдадите нам старенький УАЗик? А то как побирушки – то оленей кланчим у ненцев, то вездеход у газиков, то вертолёт у нефтяников. А район-то, сами знаете, -не маленький. Помотайся тут. Сами же и спрашиваете с нас ра-боту. А как её делать?

– Работу делать надо – это точно, – продолжал благодуше-ствовать Будылдин. – Только, ребята, пулемёт я вам не дам.

– Но...

– И не просите. А Залуцкому передай, пусть зря воду не му-тит.

Витёк и в самом деле с утра примчался в райком и всех взбу-доражил вестью о том, что райком партии получил новую машину.

— А? Юрк? Представляешь, сколько дел можно понаделать на УАЗике?

Но Юркина восторженная физиономия говорила о том, что больше его привлекает возможность покрасоваться за рулём почти что личного автомобиля.

— Нет, ребята, УАЗик я вам не дам, — повторил Будылдин и улыбнулся, вновь вспомнив фразу из знаменитого фильма. — Вот именно, что он старенький. За ним уход нужен. А вы только гонять его горазды. А отремонтировать всё равно нам придётся.

— Да нет, мы сами, — попытался уговорить его я, уже понимая, что надежда обзавестись собственным автопарком становится всё более призрачной.

— Ну а коли сами с усами, — сказал Будылдин, — есть у меня для вас транспортное средство. Так и быть. Только уговор — всё действительно сами. Холить и лелеять, и пылинки сдувать.

— Да мы..., — чуть не задохнулся я от радости, вновь обретая потерянную было надежду.

— Ну, тогда пошли.

Он подчёркнуто вежливо обошёл УАЗик, почтительно похлопав запяски на задней двери, и двинулся к хозяйственным постройкам.

— Вот, — сказал он, открывая широкие двери. — Теперь он ваш. Собственно, я сразу догадался, как только он подошёл к дверям. И теперь мы оба лицезрели нашу «транспортную единицу».

— Конь Серко, — деловито продолжал Будылдин. — Мерин гнедой масти, пяти лет от роду. Здоров, неприхотлив, работящ. Теперь вы за него отвечаете. Забирай и не благодари. Но ежели он пожалуется на плохой уход, спросим по всей строгости.

Конь Серко кивнул и потянулся ко мне губами.

— А что? И возьмём, — вдохновился я. — И уход обеспечим не хуже вашего.

— А стайка у вас тёплая для него есть? А корма? — опустил меня на землю Будылдин.

— Ммм... Придумаем, — почесал я в затылке.

— Думай, комсомол. Только быстрее. Пока я не передумал.

Когда я вошёл во двор райкома комсомола, ведя под уздцы послушно шагавшего за мной Серко, на крыльце увидел девчущику в малице. Молоденькая ненка сидела на ступенях и всхлипы-вала.

— Ну и кто тебя обидел, красавица? — Ненка подняла к нам заплаканное лицо.

— О, лошадка, — заметила она. — Никто. Я сама.

— Сама себя обидела? Это зачем же?

— Так получилось. Не успела собрать членские взносы с двух стойбищ — они уже далеко откочевали. Мне до них не добраться.

— Ну ты даёшь! — восхитился я. — Всем бы так относиться к своему делу. Прекращай зря рыдать. Лично я за тебя от души рад.

Тут на крыльцо вывалились все наши. Посыпались комментарии:

— Ух ты, конь-огонь!

Зверь бежит — земля дрожит, упадёт — три дня лежит! А кто-то даже затянул:

«Не морозь меня-а-а, моего коня-а...» Собрание тут же, во дворе, получилось само собой.

— Вот такой расклад, братцы. Есть у нас теперь гужевое транспортное средство мощностью в одну лошадиную силу. Конь Серко. Отныне он полноценный член нашего коллектива.

Полноценный член довольно равнодушно осматривал гонимую молодёжь.

А потому наша обязанность обеспечить его крышей над головой и довольствием. И пока мы эти проблемы не решим, в отпуск никто не пойдёт. Пока трава есть — все на сенокос. Обь

— является мобилизация. Предложения есть?

— Есть! — тут же поднял руку всезнающий Витёк. — На соседней улице дядя Саша живёт. Я его хорошо знаю. Мужик справный. У него и стайка тёплая есть. Человек в возрасте. Мы сенца для его коровы накосим, а он нам — место для нашего...

Он вздохнул, оглядев коня, и закончил:

— Однако, УАЗик определённо был бы лучше.

Дядя Саша, богатырского роста старик из ссыльных, сначала выслушал наши торопливые объяснения через калитку, затем открыл надёжные ворота в аккуратно подметённый двор.

Устроив коню тщательный осмотр, дед свернул самокрутку и затянулся пахучей махрой.

— Ну что ж, конёк ладный. Судя по зубам — лет пять ему. Для комсомола ещё молод. Ну а в октябрю, пожалуй, можете и принять.

И захохотал, словно из пушки выпалил. Аж Серко вскинулся.

— Ну, ты брось эти политически безграмотные разговорчики, — сурово сказал Витёк.

Но не выдержал и тоже рассмеялся.

Уж коли везёт, так во всём. На следующий день нам позвонили из потребкооперации:

— Комсомол? Вам диван выписали. На базе в Харсаиме. Можете забрать в течение недели? А то другим отдадим. Желающих — хоть отбавляй!

Кто бы сомневался. В советские времена повального дефицита даже такую не самую роскошную вещь, как диван, можно было достать только по блату. А с мебелью в нашем Приуральском райкоме дело обстояло примерно так же, как с транспортом. Обшарпанные столы да кривые стулья. Ну не вдохновляла такая обстановка, прямо скажем. Новенький диван представлялся серьёзным прорывом на фронте борьбы за светлое и красивое для всех будущее.

— Ах, как Серко кстати, — хлопнул себя по колену Витёк. — Хотя, конечно, «Москвич» был бы лучше. Однозначно.

С этой позиции сбить его было трудно. И на следующий день с утра мы выехали из нашего районного центра Аксарка в Харсаим.

Да, трудно тогда было у нас на севере с товарами — всё ведь прибывало сюда, в тундру, так называемым северным завозом, пароходами. Ничего на месте не производилось. Привозилось летом, когда моря и реки судоходны. Накапливалось на базах, а потом распродалось. В Харсаиме — ненецкохантыйском посёлке рыбаков — при местной кооперации работал магазин таких привозных товаров. Потому что в Харсаиме имелась причальная стенка, к которой суда с грузом и подходили.

— Надо ещё в Выл-Поел на рыбацкий стан заехать, — сказал я, устраиваясь в сани. — У меня для них сюрприз.

— Заедем, — весело ответил Витёк, собирая вожжи подобно опытному извозчику. — Н-но, милай!

И Серко послушно потрохал по укатанной до крепкого настила дороге. Для него это было первое задание от нашей районной комсомольской организации.

Витёк правил, может быть, представляя себя водителем УАЗика, кто знает. Но говорил он совсем о другом.

– Нет, тундра всё-таки дело совсем особенное. Климат, нравы – всё тут неповторимое. Вот ты тут, Юрк, человек новый. Не знаю, как тебе. А меня просто завораживал этот мощный и свое-образный край. Заметил, люди в тундре совершенно другие? А их жизнь заставляет не быть злыми. Они нам кажутся податливыми. Мягкими, вроде бы даже и бесхребетными. Что называ-ется, запрягай и поезжай. И они всегда идут на встречу человеку.

Витёк совершал свой монолог, даже не оборачиваясь ко мне. Тоже северная привычка? Что вижу, то пою?

– Когда тундру осваивали, тащили буровые вышки на тракторах, попадали приезжие в пургу, в морозы. И всегда ненцы их выручали. Заметь, никому отказа не было. И паспорт не спрашивали. Всё давали: еду, тепло, свой чум предоставляли. Случались, конечно, неблагодарные... Но большинство из тех, кто осваивал нефтегазовую целину, помнят доброе к себе отношение. Тут ведь в чём дело? Просто незлобивость коренного населения по-мощает выжить. Если ты начнёшь мстить, то и сам погибнешь, и окружающие. Вот смотри, в любой части России за городом, если водитель встал, колесо там у него отвалилось или что, все мимо проезжают. У нас на зимнике этого никогда не допустят. Если только какая-то машина встала, все, кто мимо едет, оста-навливаются: чем помочь, что случилось? Надо, без вопросов оставят тебе и бензина, и еды. Вот он – северный характер! А ты говоришь!

Ничего я не говорил. Да и сложно было спорить с Витёком в этом вопросе: всё, что он высказывал, было правильно, по делу. Я и сам успел заметить и оценить житейскую мудрость коренных жителей. Вот бы все так «на земле» относились друг к другу!

От благодушных мыслей подкрадывалась дрема. Не вы-

спался ночью. То о Серко думал, как его лучше устроить и использовать, то о диване. Ну ведь мешанские же мысли! Однако ж почему-то было приятно представлять, как мы приве-зём его, где поставим...

– Приехали, стан! – разбудил меня оклик Витёка. – А то, мо-жет, повернём, да на обратной дороге заедем?

Я заметил, что он терпеть не мог конечного результата. Увлекал его сам процесс. Как только маячило впереди окончание дела, так тут же его тянуло в другую сторону, к чему-то новому.

На рыбацком стане собрали молодёжь. Да она в основном там и работала.

– Вот, братцы, – сказал я, доставая из саней свёрток и разво-рачивая матерью. – Тут к нам художники из Москвы приезжали. Я с ними договорился. Оформили они нам вот такую штуку.

Я поднял над головой и продемонстрировал красивую жестяную табличку с чёткой надписью большими буквами: «Комсомольско-молодёжная бударка».

– Лучшая бударка по итогам путины получит её на свой борт. А пока пусть повисит у вас в столовой...

– Щи хлебайте, да на ус мотайте! – закончил за меня Витёк. И мы поехали дальше.

– Заметил, как у них глаза загорелись? – продолжал он свой монолог. – И чего мы раньше не додумались? А ведь ребята тол-ковые, энергии – море. Их направить – горы свернут в это са-мое море!

Диван впечатлял. Обтянутый красной материей, расклад-ной, он сразу внушил нам уважение своей солидностью.

– Ну, чего смотрим? Глазам не верите? Ваш, ваш, – добродушно ворчал завбазой. – От сердца отрываю. Ну да для хороших ребят не жалко. Грузите. Да поаккуратнее, не поцарапайте. Пет-рович, помощи!

С помощью хромого сторожа Петровича мы водрузили наше сокровище на сани, привязали верёвками, выданными с обещанием вернуть. Я устроился на красном полотне, как на

троне. Со всеми удобствами!

– Витёк, не гони только.

– Доставим в целости и сохранности! – заверил возница. – Одна только закавыка есть.

– Какая?

– Так по старинной традиции – не нами заведено – обмыть такое событие полагается. Не каждый день нам такие щедрые подарки отваливают.

Вообще-то он был прав. Но в дороге, в тундре...

– Приедем и все вместе обмоем, – предложил я.

– Не, – упёрся Витёк. – Это не по-нашему. Дороги не будет. Я нехотя согласился. Мы скинулись и прикупили бутылку коньяка. Дорого, конечно. Но обмывать, так не портвейном же!

Отъехав для порядка от посёлка, остановились, приняли ароматного напитка, которого я в жизни-то и пробовал пару раз. Приняли, что называется, «из горла».

– Чтоб сносу не было!

Даже Серко, казалось, зашагал веселей.

– Ты только не гони, алский водитель, – вновь напомнил я Витьку, заметив огонь в его глазах. – Не на УАЗике!

Ох, и царское же у меня образовалось ложе! С дивана и виды и мысли открывались совсем другие. Словно обретенные Серко и диван радикально меняли для нас очень многое. И придавали дополнительные силы.

– Да, – энергично вещал Витёк. – По осени нам силы понадобятся. Ты вот ещё не сталкивался. А нам предстоит и такая весёлая работёнка, как сбор детишек из стойбищ в интернат. В августе закажем вертолёт, дадут нам и вездеходы... И вперёд по тундре, с комфортом...

– Надо – сделаем, – отозвался я из своего диванного комфорта.

Всё сейчас казалось совсем несложным.

– Сделаем... Ездить – не фокус, – развивал тему Витёк. – Да только беда в том, что многие коренные не хотят отдавать ребят-тишек на учёбу в город. Мол, пусть занимаются олене-

водством. Особенно пожилые ненцы: у меня оленей некому пасти, да ма-лец ещё потом и в тундру не вернётся... Он по-своему, может, и прав. Только обязательное образование никто не отменял.

– Ну и как же уговаривать?

– Упираем на то, что вырастет парень у тебя безграмотным, ни писать, ни читать, что ж хорошего? А они на своём: да мне ваше образование ни к чему. И их можно понять: у них уклад жизни такой.

– Ну, так удаётся всё-таки собрать ребят?

– Как ни странно, практически всех. Ну, может быть, где-то в районе Северного Ледовитого океана, где мы их и не разыщем даже с вертолётками, кто-то остаётся.

– Значит, проблема решаемая. Чего переживать?

– А то, что весной у этих самых ребят-тишек, собранных в интернат, всегда наступает ностальгия.

– Чего?

– Домой они рвутся. Хоть что с ними делай.

– И убегают?

– В том-то и дело. Бегут – ничем не остановишь. Никакими коврижками.

– Да на чём же они доезжают? – не понял я, оглядывая окрестности.

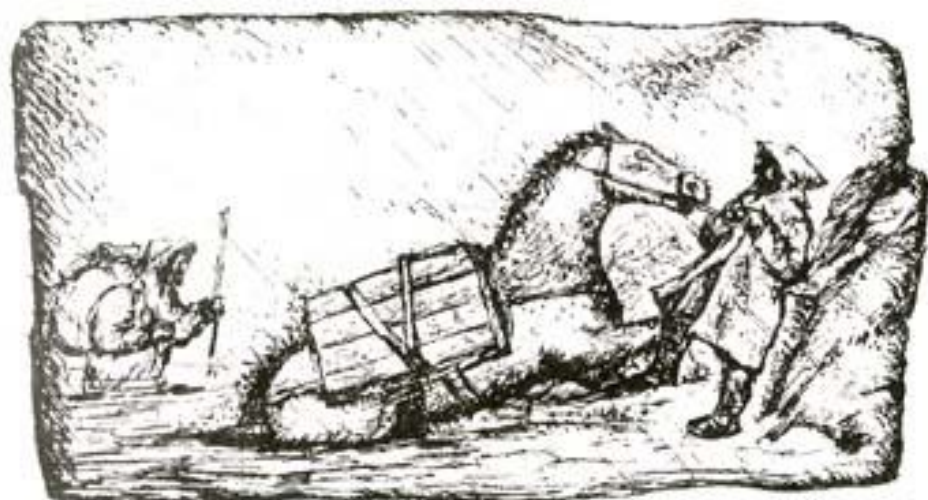
– Правильно, не на чём, дорог до стойбищ нет. Пешком дуют.

– Вот дают! – изумился я. – И добираются?!

– Не поверишь, добираются. Местность знают, ориентируются хорошо – это у них в крови. Но, – Витёк поднял палец, – несчастные случаи происходили. Замерзали ребят-тишки. И за это нас, как сам ты понимаешь, по головке не гладят.

Я представил себе маленького ненца, одиноко бредущего по бескрайней тундре, без путей-дорог.

Сани дёрнуло так, что я еле успел ухватиться за спинку дивана.

— Куд-да, чёрт! — завопил Витёк.

Но было поздно. То ли зазевался возница, то ли конь задремал на ходу, но только снесло нашу транспортную единицу в кювет. В глубокую яму. Только уши с дороги виднелись. Сани, на-кренившись, нависли над кюветом.

— Станция Березай, — сказал я, поспешно соскакивая с саней. — Хочешь — не хочешь — вылезай. Что ж ты, извозчик, с нами дела-ешь?

— Я не извозчик, — сказал Витёк. — Я — водитель кобылы.

— Это мерин, — машинально поправил я его, лихорадочно размышляя, как расхлёбывать эту кашу. Серко понуро стоял по грудь в снегу. Вид у коня был виноватый. На возницу он не пенял.

— Ничего, — вдруг уверенно сказал тот. — Со мной не пропадёшь.

— Это я уже понял, — с сердцем сказал я.

— Смотри сюда и не дрейфь.

Витёк пошарил в сене под диваном. На свет явились лопаты.

— Что бы вы без меня делали.

И мы принялись откапывать бедное животное, предварительно освободив его от саней.

Мокрый снег никак не способствовал быстрой работе, да и коня в спешке можно было задеть лопатой.

Однако через полчаса Серко оказался на свободе. То есть стоял на дороге и задумчиво всматривался в развороченный кювет. От нас валил пар.

Витёк впряг Серко, присел на сани.

— Ну, самое время — с устатку.

И достал початую бутылку. Надо признаться, опустошили мы её с большим удовольствием. Почти что на троих — Серко присутствовал при происходящем, даже намёком не осуждая нас.

— Так-то веселее, — констатировал Витёк, устраиваясь на своём месте. — Н-но!

Я вновь пребывал на диване. Как-то опять всё стало хорошо. Ну, была проблема. Ну, справились же? Так и со всем остальным. Главное — помощь, взаимовыручка. Коньяк действовал самым успокаивающим образом. Убаюкивал и монотонный говорок Витька:

— Н-да, не глядят нас за это по головке. Что делать? Как их в интернате удержать? Мы уж и посты вокруг по весне устанав-ливали. Беседы проводили: мол, ребята, давайте мы вас потом организованно всех развезём на оленьих упряжках. Потерпите чуть-чуть... А они...

...Очнулся я на дороге. И не сразу сообразил, что со мной происходит. Словно сон какой-то дурной с явлю накрепко переплелся и никак они расстаться не могут. Сел, лицо крепко ра-стёр, осмотрелся. Дорога сзади спускалась в ложбину, а впереди уходила на холм. И на дороге этой никого не наблюдалось! Крепко же я заснул. Видимо, когда сани пошли вверх, я и скатил-ся с них. Вот тебе и конячок со всеми удобствами. Темнело. Что ж, опять ночевать в куропашкином чуме?

Краем глаза заметил, как за придорожными кустами вдалеке что-то мелькнуло. Или померещилось? А если волки?!

Из рассказов бывалых охотников я знал, что этот умный и

осторожный зверь всегда знает, есть ли у человека ружьё, способен ли он себя защитить. А едва почувствует слабость, всё, кранты! Тут уж в снегу не спрячешься... У нас в сене лежал карабин. Но это ж там, а я – здесь...

Подхватился как ошпаренный и бросился вверх по дороге. Ноги скользили по накатанному насту, коньячные пары стучали в висках.

Задышавшись, выбрался на холм. Повозка виднелась уже на приличном расстоянии.

– Стой! – заорал я, хоть и понимая, что пока меня не слышно. Чуть не кубарем скатился с холма. Расстояние сокращалось.

Я обернулся на бегу. Никого. Вновь заорал.

Не слышит меня Витёк, так его и этак! Судя по тому, как рукой размахивает, ведёт горячий диалог с невидимой аудиторией. Со мной то есть.

Слава богу, Серко, утомлённый дальней поездкой, всех своих скоростных качеств не выказывал. А может, опасался вновь оказаться в кювете. Не торопко семенил. Что позволило мне, наконец, сократить расстояние между ним и мной до вербального контакта с возницей.

– Стой, чучело! Стой же ты!

Витёк, что-то всё-таки услышав, обернулся. Посмотрел на пустующий почему-то диван, потом на небо, вновь на диван. И только затем увидел бегущего меня. Остановил коня.

Но что-то в дальнейших движениях ямщика меня насторожило. Я надал ходу, выкрикивая:

– Не надо! Не поворачивай назад! Опять свалитесь! Даже Серко обернулся.

Добежал-таки до них. С размаху сел на край саней. Долго не мог отдышаться.

– Ах вы... Комсомольцы октябрятского возраста!

Только это и сказал. Ну, может быть, ещё пару слов прибавил. Ну да ладно. Устроился я опять на диване. И уже не спал. А Витёк как ни в чём не бывало вскоре завёл своё:

– А не рассказывал, как в нас стреляли? Нет?! Слушай. Я

уже говорил, что мы в августе облетали стойбища, собирали детей в интернат. На этот раз полетели с Петей Шакиным, инструктором окружкома партии. Подлетели к одному чуму. Сидит старик. Детей не видно. Я говорю: мы же раньше у тебя двоих забирали, где дети? Нету. Походили мы, походили, нет никого. И вдруг вижу, вдалеке за кочкой что-то шевельнулось. Мы с Петей побежали: точно! Мы их взяли – и к вертолёту. Ведём их. Они шибко не сопротивлялись. Знают, что такое интернат. Вот мы и идём – детишки по краям, а мы посередине. Вдруг слышу сзади выстрел: бум-м! Поворачиваюсь: а это дед вытащил двустволку и открыл по нам огонь. Пете попал в один бок. Ну, ниже спины... Ложись! Упали мы в мох. Слышим, дед успел перезарядить. Говорю: давай сделаем вид, что приподнимаемся, а когда он выстрелит, надо успеть добежать до него, пока не перезарядил. Начали приподниматься. Дед: бу-бух! Петя ковыляет – досталось ему. Я подбегаю, ружьё выхватываю. А дед старый, бить не будешь. Но ружьё шарахнул об землю, патроны отобрал. Говорю: ты чего делаешь?

Мы же детей не в тюрьму, в интернат везём. А он молчит, ничего не говорит. В общем, не все в тундре были согласны с тем, что мы детей забираем в школу-интернат. Пете потом дробинки из задницы выковыривали в районной больнице...

Я лежал на роскошном красном диване и слушал. Посматривая по сторонам, думал: хорошо, что у нас есть ружьё.

Но до самого дома доехали без приключений. Со всеми удобствами.

ШАМАНСКИЕ
КРАСКИ

Живописный Ямал

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

БОСИКОМ ПО ПОЛЯРНОМУ КРУГУ

Фронтовой майор артиллерии, главная борода Тюмени и лучший еврей Западной Сибири Женя Шерман, наверное, сам-то хотел остаться в истории советской литературы как самый замечательный очеркист и первопроходец «голубой тундры». Мечтал написать драму. Понятно, Великое Освоение, чему он был яростным свидетелем и безупречным спутником, – большая человеческая драма и природная трагедия. Не успел или не собрался. Он не торопился. Умер на бегу.

Но когда вспомнишь с давешним знакомым Женю, сразу услышишь понимающее:

– А – а – а....

По следу за Шерманом гонялась одна легенда. Якобы однажды в Салехарде, гостя у тамошних геологоразведчиков, писатель-публицист Шерман белой полярной ночью вышел из гостиницы без штанов и вообще без ничего, с помойным ведром в одной руке и красным флагом в другой, и таким манером обошел жилое строение или разок, или даже несколько. Его, понятно, быстро обнаружили, разоблачили и отвезли в милиционерскую кутузку.

Только вмешательство-заступничество папы Юры Эрвье (или легендарного Салманова, или великого Подшибякина) помогло замять эту вопиющую историю. Евгений Григорьевич был правоверный защитник родины, очень гордился своей фронтальной историей, лояльно относился к существующей власти.

В легенде о нем акценты смещались. Понятно, красный флаг в руке рядом с помойным ведром и обнаженной семитской волосатостью явно демонстрировали протест против существующего режима. Скромное, но честное диссидентство.

Фронтовой коммунист Шерман при случае и много лет спустя слабовато отмазы-

вался от этой странной истории. Хотя, по его словам, дело обстояло несколько иначе. Они играли ночью (не спалось – плохо спится в белую полярную ночь) в шахматы с Леной (или Гришей) на желание. Проигравший исполнял желание победителя. Женя продулся. Гриша (или Леня) пожелал, чтобы проигравший Шерман вынес наконец-то помойное вонявшее ведро, которое давно следовало вынести. Шахматы шли под злое курево и дрянной портвейн. Шерман честно взял ведро, какую-то тряпку (возможно, она оказалась красной), но одеться поленился – ночь все-таки на дворе, хотя и белая, и, как был в ночном неглиже, может быть, в семейных трусах, может, в теплых кальсонах, с беспощадно голой волосатой грудью отправился выносить. Долго искал гостиничную выгребную яму (тогда у прославленных геологоразведчиков в их гостиничных приютах все удобства находились во дворе), всё-таки обнаружил и беспрепятственно вернулся в свое путевое пристанище.

Потом действительно началась некая история. Его вызывали в милицию и заставляли объясняться. Женя недоумевал и не знал, в чем ему надо виниться.

Наверное, в ту ночь в этой гостинице кому-то тоже не спалось, и увидев полуголого явного еврея с помойным ведром и красной тряпкой, неспящий возбудился и настучал антидиссидентский донос. Художественно осмыслив и домыслив. Наверное, годы эти шли перед «пражской весной».

Женя честно отнекивался от откровенного простеста, но ему явно льстило слыть диссидентом. Яростным защитником родины, который знает честную цену существующему режиму. Замечательные очерки Жени Шермана, наверное, – предмет памяти неистовых литературоведов, но эту историю про него, наверняка, помнят все.

...Однажды мы поздним декабрьским вечером пили в редакции. В те суровые оголтело строгонравственные времена пить в редакциях... не возбранялось. Понятно, не приветствовалось, но и строго не возбранялось. Пейте, только власти не дерзите.

Пили долго и веселились по-жеребьячи. И мне в голову пришла совершенно трезвая идея:

– А что, ребята, а не отправиться ли нам прямо сейчас, в беспросветную полярную ночь в экспедицию по Полярному кругу? Босиком.

– Прямо сейчас? – поинтересовался Сережа.

– А зачем оттягивать удовольствие?

Мы мое предложение немного пообсуждали, но оголтелых волонтеров не нашлось. Зябко. Да и на дворе где-то под минус сорок.

Я опечалился, снял свои зимние башмаки, давно не стиранные носки и отправился в одиночку. Полярный круг в Салехарде под боком – возле бани: рядом с нашей редакцией проходил старый дореволюционный круг, вычисленный еще царскими астрономами.

Когда не находишь понимания друзей и собутыльников, тебе грустно и беспросветно одиноко, нет ничего лучше и эффективнее, чем пройтись босиком по хрустящему декабрьскому насту Полярного круга. Сережа меня догнал. Пройдено было уже довольно много Полярного круга. Нет, Сережа был в унтах. Он не разделил мою разухабистую придурь.

– Простудился! – крикнул он мне.

Нет, я не простудился. Пол-литра сорокоградусной внутри наверняка доблестно противостояли внешней стихии. Что предшествовало этому кришнаитскому подвигу? По времени совпадало только одно: вечной первой любви, как оказалось, не бывает. Собутыльники меня не поняли. Может, давно пережили. Я иногда слушаю иные интерпретации своих похождений на северном Полярном круге. Легенды диссидентства не исключают. Протестовали, мол, как могли.

В нашей редакционной стенгазете «Мораль и трезвость» эпос-сериал «Босиком по Полярному кругу» стал бестселлером.

Мораль выводилась однозначно:

– Пить надо меньше.

СТАЖ ОДИНОЧЕСТВА

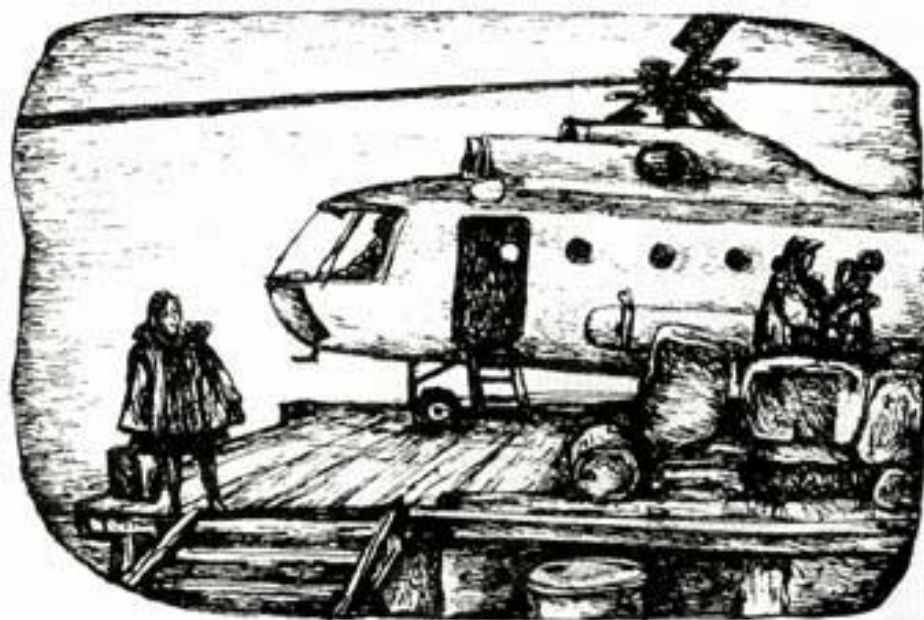
Мы летим над морем, вертолетные лопасти режут июньский воздух. Впрочем, это еще не море, а только Байдарацкая губа Карского моря — вон сколько грязного льда среди зеленоватого водного монолита. Да и летим мы по-над берегом: строгая техника безопасности иного вертолетчикам не позволяет. Но что такое? Вглядываюсь в левый иллюминатор, в котором должен виднеться этот надежный берег, но суши никакой не вижу. Сдается, наш бесшабашный экипаж нарушает все запреты и «режет» через залив, напрямик. А тут еще недавно выходил из кабины бортмеханик, подозрительно и недовольно осматривал, вскрывал затейливый лючок. Пахло керосином, уж не бак ли протек? Да-а-а, перспективка! Говорят, такую леденящую купель даже тренированный организм без смертельной опаски может выдержать только четверть часа. Ох, нужна все же техника безопасности!

Мы летим-то над арктическими водами всего минут пятнадцать, но показавшаяся вдаль суша кажется такой же желанной, как моряку после полугодового плавания.

Берега здесь круты, холмисты, изрезаны.

— А! — резко вскидывается мой спутник, которого, несмотря на возраст его почтенный, называют не иначе как Афоней. — Вон она, родная!

Что он увидел там, на этих пустынных и неприютных берегах? Ах, домики! Вон они, домики. Сколько их всего? Три. Стоят, как сиротки, хотя и спрятались под бережком в пло-

ской долинке крохотной речушки, подальше от, надо полагать, пронизывающих здесь норд-вестов.

Афонию везет сюда на «смотрины» председатель местного потребсоюза. Спутник мой факторщик. (Профессия эта столь редка, что и термина настоящего не придумали. Американцы своих полярных коробейников называют факторами, т.е. человек-посредник, комиссионер. В русском же языке «фактор» как-то не звучит). Афоня — работник тундровой торговой фактории, иногда продавец, иногда заготовитель, иногда и сам промысловик. Люди его профессии остались как-то в стороне от летописцев полярных деяний. В общем-то понят-

но, почему обойдены: и то сказать, кто они? Продавцы-герои... Поставьте рядом два эти слова, и ваш слушатель недвусмысленно ухмыльнется. Заготовитель – покоритель «белого безмолвия»? С кем же сравнить этих непризнанных полярных героев? На ум приходит имя Робинзона. Кто он таков? Попросту сметливый, расторопный, умелый и предприимчивый мужичок, который нигде не пропадает, даже на ледяном краю света. А работнику фактории все его качества – сметливость, хозяйственная хватка и удивительная живучесть – потребуются непременно. Только вот свой одинокий остров – ведь эти три домика живым островком затерялись в океане белых снегов – выбирают не по воле прихотливого случая. А добровольно.

Афонин стаж одиночества ровно тридцать годков: после торгового училища в тайге поотшельничал немного, потом все в тундре. Бывал и здесь, где сейчас приземляется наш вертолет. Тогда в этих местах тундровый народ ходил пооживленнее, не сошелся еще в большие становища и поселки. Но места в общем не бедные: рыба есть, пушной зверь тоже не весь разбежался. Вот и задумалось кооператорское начальство: ежели задымит труба над старой факторией, не вернуться ли кочевые тундровики на заброшенные уголья?

Кого на новую факторию отправить дела налаживать? Порылись-порылись в пыльных бумагах кадровики и в своих не очень-то солидных списках не нашли другой кандидатуры, кроме Афони. Всегда сложно было им найти хорошего работника в тундровый «универсальный» магазин.

От крылечка обветшавшего домика бывшей фактории к нам идут двое – впереди старая ненка в роговых очках в валенках с галошами и высокий, нескладный, пожилой, обросший седой щетиной мужчина в малице с непокрытой головой. Еще двое – молодая женщина в красивой расшитой ягушке и паренек в стройбатовской фуфайке – стоят на порожке, внимательно наблюдая за группой прибывших во главе с Афанасием, который чувствует себя здесь хозяином.

– Аньторова, Лена, – роняет он подавшей руку ненке.

– Здравствуй, здравствуй, Афанасий, – говорит та и с упрямком добавляет, – долго чего-то не был.

– А, делов много, Лена.

Афонин «сват» ведет трудные переговоры с бойкой очистой старушкой, а я наблюдаю за Афанасием. Ведь его судьба решается – остаток своих предпенсионных лет придется провести вот в этих подслеповатых, тронутых запустением домах, в этом негостеприимном, заболоченном, продутом свистовыми морскими ветрами «углу» земли, ремонтировать обживать, начинать все заново. А он спокойно переговаривается с бывшими земляками и даже вроде не прислушивается к разговору, который сейчас решает его дальнейшую жизнь. На лице никакой игры страстей: здесь так здесь, а нет, так и на своей Усть-Яхе дел хватит. На его бы месте интеллигент руки бы уж заламывал, а то и погрозил бы кулаком тем, кто спрятался в уюте городских квартир. Но Робинзон на то и Робинзон, что живет, как предложит ему судьба, без альтернатив.

– Куда глаз-то дел? – без околичности спрашивает его бойкая Лена.

– Зайчиков нахватался на море, сдуру без темных очков выехал, – машет рукой Афоня. – Один-то и пришлось вытащить, чтоб другой свет белый видел.

– Ух, сокол одноглазый, – с любовью говорит старушка.

Вертолетчик, появившийся в дверном проеме, красноречиво постукивает по циферблату часов: надо закругляться. Вот Афоня снова смотрит в вертолетный иллюминатор, и, поймешь, рад он или нет такому обороту дела. На лице его удовлетворение, вероятнее всего, это от того, что он навести те края и тех людей, с которыми, пожалуй, уж и не чаял встретиться.

Много мне довелось облетать факторий, и я знаю, что не для каждого человека эта работенка, не каждый сюда попросится, а коли и попросится, то чаще всего недолго задержится. Жизнь на фактории только сугубо стороннему взгляду по-

кажется простой и легкой. Кто-то не постесняется и словечко «курорт» вставить – мол, вольный воздух, вольная жизнь. Конечно, когда наступает пора весеннего или осеннего снабжения (оленоводы весной откочевывают на север к морскому побережью, а осенью возвращаются в тайгу), тогда в тундровом «универмаге», который обычно выглядит просторным, народу набивается, как в ГУМе или «Пассаже». Причем покупатели прибывают ближе к ночи, когда подстывает наст и олени не будут резать ноги о снег. Вот тогда разворачивайся факторщик, ведерного чайника не хватает и на час, и надо торопиться выложить все товары. Тундровик, который на торгпункте окажется в лучшем случае месяца через четыре, набирает товаров впрок сразу на несколько нарт. А днем факторщику надо еще успевать принимать вертолеты с грузами. В такие-то страдные дни целые сутки находится он на ногах, урвет часок для полудремы, и то хорошо. Затем наступает тихая, размеренная жизнь, изредка заглянет ближний старик-пензионер, совхозный охотник, промысляющий поблизости, или буровики на вездеходе. Казалось бы, можно лежать да покуривать.

Но нет, работа для человека, который прибыл на факторию не праздным туристом, найдется всегда. Места для крепкого хозяйственного мужика здесь благодатные: много рыбных озер, реки тоже не пустые. Правда, весь лов-то длится с месяцчишко перед ледоставом, когда с моря заходят в устья тундровых рек омуль, навага, спускаются по реке шекур и мусун. Октябрьский норд, пока рыбак выбирает сети, одевает руки в ледяную коросту, но иначе нельзя, никто еще не придумал специальных рукавиц, в которых можно было бы сети выбирать. В прибрежных холмах многочисленны песцовые норы, на морском берегу шумят птичьи базары, а гуси и утки издавна облюбовали многочисленные здешние озера. Через год повторяются урожайные на сладчайшую морошку сезоны. Запас этого «подножного корма» впрок для себя, можно заготавливать и на сдачу – ревизоры размеры дополнительного приработка не ограничивают. В хороший год можно к основной (не

особо солидной) зарплате тысячи три-четыре добавить. Основной-то заработок у факторщика невелик – товарообороты небольшие. Ставки такие же, как и в крупном населенном пункте, дополнительных льгот никаких. На фактории за каждый дополнительный рубль похлопотать нужно, хотя досужий человек тундрового продавца, возможно, представляет так: на мехах сидит, на коврах спит.

Магазин и склады требуют постоянного глаза, заботы и рук. А если уж на фактории есть еще и пекарня (Афоня только на таких факториях и трудился), то уж о лишней минутке отдыха и не помышляй: оленевод на дальнее кочевье не буханку берет, а оптом, сразу с полтонны, заморозит хлеб и возит его в нюках оленного обоза – аргиша. На лето же оленеводам надо сушить сухари.

Особая забота – дрова. Самолетом их не навозишься. В тундре каждая палка на учете. Знающий факторщик, конечно, старается выбрать торгпункт, где рядом можно рассчитывать на плавник, но выковыривать «вросшие» в песок бревна – занятие не для слабомускульных.

Ответственный момент – выбор товара на базе рознично-торгового объединения в окружном центре, нужно знать все нюансы тундровой жизни, чтобы набрать товар нужный, не попасть впросак. Если вез, к примеру, Афанасий Васильевич сахар, то только кусковой, колотый, а не фасованный рафинад. Из конфет – карамель, дефицитный шоколад здесь никогда в чести не был. Из курева тундровики предпочитают «Беломор», сигарет не берут вовсе. Если лежат на прилавке завлекательная пачка «Мальборо» и пачка отечественной махорки, конечно же, отдадут предпочтение последней. Брезент, сукно, топоры, пилы, точила Афоня на складе выбирает только сам и дотошно. Это должен быть удобный, надежный и прочный товар – ведь в тундре ремонтных мастерских нет, до ближайшего соседа порой все полсотни километров. Афоня никогда не возьмет на складе и не повезет к себе маленькую «чумовую» печь: здесь тундровики топят ее корявым кустарником, который в такую печурку попросту не влезет.

Все взятое наобум, «про запас», так и пролежит на прилавке: тундровики издавна привыкли обходиться лишь самым необходимым, что можно разместить на нартах в дальних кочевках. Латинских поговорок тут, наверное, не знают, но образ жизни здесь такой: «omnia mea mecum porto» – все свое ношу с собой.

В последние годы в тундре все в большем ходу лодки с моторами, мотонарты «Буран». Фактория становится еще и гарантийной мастерской. Кто же, кроме Афанасия, наладит пробитый конденсатор или полетевшую катушку? Хочешь не хочешь, ему уже от почетного титула «механик» не избавиться.

Всекий ли согласится на такую жизнь добровольно? Недаром к именам таких ветеранов тундровики непременно добавляют словечко «лавка» – «Фоня-лавка», «Ванька-лавка». На весь Ямал наберется таких человека три-четыре. Да вот еще Любаша, вторая Афонина жена.

Первая Афонина жена, Анна Лаптандер, умерла, оставив на его руках трех ребятишек мал мала меньше и еще одного – приемного. Куда мужику с такой обузой, да еще в тундре? Любаша была из горожанок. Однако никакого тяжелого труда не чуралась, потому что привыкла к нему в детские годы, пришедшиеся на войну. Суровая эта закуска, наверное, сказала, когда она решилась на замужество с незадачливым вдовцом и поехала за ним в тундровую глушь. Так они и сошлись, люди нелегких судеб. Тундровые консерваторы-старики эту женитьбу-замужество осудили. Особенно донимал Любашу Очелей – передовой бригадир оленеводов, трудолюбивый и умный старик. Конечно, «каверзы» его были в рамках допустимого тундрового недружелюбия. Наберет товаров на несколько сот рублей, соберется уже уезжать, потом вдруг попросит:

– Пересчитать надо, – и улыбнется хитровато, увидев, как вспыхнет продавщица.

Магазин не отапливается, зябнут пальцы, а она терпеливо пересчитывает каждую иголочку, катушку ниток, коробок

спичек, перемеривает сукно.

Но в ответ на это коварство она ни разу не вспыхнула, возмущалась, прошла испытание терпением. И когда пришло время умирать старику Очелей, он послал за Любашей вся окрестная тундра так по-афониному зовет, только в случаях кто-то за глаза может назвать Егоровной). «Позовите Любашу, – попросил слабеющий Очелей, – когда она порог моего чума переступит, уйду к предкам спокойно».

Работу Афанасия и Любаши, видимо, и следует называть более обычным словом – терпение. Я гляжу на эту красивую с гордой, величественной осанкой уже немолодую, седую женщину. Как много трудного выпало на ее долю – но какой сильный у нее характер. Нет, не самые правильные, не самые безгрешные они люди, но в минуту сомнений и тревог их жизнь всегда служит примером.

Не просто терпеливый и работающий умелец требуется сюда, на «робинзоньи» арктические островки, но еще и человек не робкого десятка. Бывает, стая полярных волков возьмет в осаду одинокий домишко, белый медведь пройдет, приносиваясь, мимо. Любаша, по ее же признанию, дважды с жизнью прощалась. Один раз – тонула в море в шубе, в ватных брюках и охотничьих бахилах: неудачно дернула мотор лодки-«казанки». В другой раз поскользнулась на обледеневшем носу лодки и вместе с неводом ушла на дно холодного Южного моря.

Конечно, и тундра бывает ласковой и гостеприимной, одарит тебя такой радостью, которую ты не почувствуешь больше нигде. Но здесь всегда нужно быть готовым к самому страшному.

...Любаша отпускает мужа на охоту с легким сердцем, знает, Афоня – стреляный волк. Тундра для него что улица для горожанина, номеров домов, правда, нет, вывесок тоже, но существуют бугры, приметные ложки-овражки, озера, которые больше, чем уличные таблички.

А денек в марте выдался на загляденье. Любаша вышла из жилья, голубело небо, с южной стороны уже подтаивало –

капли оставляли в набухшем белом снегу неровную хрустальную строчку.

— Денек-то ионче какой! — вырвалось у нее.

— Грех дома сидеть, — сразу откликнулся Афоня. — Проедусь-ка я по путику, проверю капканчики.

— Ненадолго?

— А чего там возекаяться? Песца нынче не густо.

Он дернул стартер, и «Буран» взревел.

— Бензин-то поглядел? — крикнула она, но он уже не слышал.

К вечеру он не вернулся. Но волноваться она начала, когда в сумерках с моря потянул ветер и началась поземка.

«В чум, что ли, заехал?» — подумала она и улеглась спать. Но ночью неясная тревога разбудила ее, и она вышла во двор. Погода испортилась окончательно, шел дождь со снегом. Перед рассветом сквозь дрему она услышала шум вездехода и, открыв глаза, с раздражением подумала: «Его ждешь, а он с буровичками разгуливает».

Но это был не Афоня, на вездеходе приехал бригадир промышлявших здесь рыбаков Иллиодор.

— Куда от меня Афанасия спрятали? — дошутил он вместо приветствия.

— Он сам от меня второй день прячется.

Иллиодор посерьезнел.

— Погода-то не для игры в жмурки.

Она оделась потеплее, Иллиодор завел вездеход. Ветер с моря принес низовой туман — на земле ничего не было видно. Она залезла на вездеходную кабину и удивилась увиденной картине: громадное, необъятное облако упало на землю и утопило все. Но крыша дома, антенна радиостанции, далекий холмик поднимались из этого густого, тяжелого «молока». Так она и подавала команды Иллиодору, ориентируясь на приметные бугорки. «Буран» первым все же разглядел Иллиодора. Воздухозборник «Бурана» был заткнут рукавицей, карбюратор полуразобран. Иллиодор крутнул крышку бака, качнул моторта — плеска бензина не было слышно.

— А я-то, дура, ему не напомнила.

«Буран» стоял на холме, пурга замела все следы. Они ездили, кричали, стараясь перекрыть гул выюги. Любаша кружила пешком у вездехода, отыскивая следы. На второй день бессонных поисков они заблудились сами, долго петляли, в тумане все казалось незнакомым. Домик фактории они увидели метрах в двухстах от вездехода, совсем в другой стороне, чем предполагали.

Календарный листок показывал, что завтра — 8 марта.

«По двое суток он задерживался не раз», — думала Любаша. А здесь уже шли третьи сутки, в душе неудержимо нарастала тревога. Она представляла, как он зарылся в снежный, «куропаткин» чум, но за ночь его завалило снегом, потом туманная оттепель наморозила непробиваемую ледяную корку, и Афанасий не может выкарабкаться из этой снежной могилы. Видение было ясное, четкое, а она верила своим предчувствиям. И снова кляла себя за то, что не крикнула громче про бензин. Могла бы, могла.

...Афоня проверил всего один капкан. Поехал к другому, как вдруг чихнул и заглух мотор «Бурана», и на Афанасия сразу обвалилась тишина. Охотник полез в карбюратор, но неисправности там не нашел. Присел на сиденье, поморочивал, что могло отказать, — он знал свой снежный мотоцикл наизусть, все его слабые и уязвимые места. Зачем-то полез в бензобак и понял, что он совершенно пустой. Голубое небо к тому времени затянулось серой пеленой, поднялась поземка, через несколько минут ничего не стало видно. Места эти он знал не особо хорошо, но решил спуститься к Юрибею, который в любом случае привел бы его к фактории. Наверное, он промахнулся — вышел на другое русло. Настала ночь, пошел дождь, моросил не шибко, но промочил одежду быстро. Афоня нашел кустики полуобнажившегося стланика, но разжечь костер в такую мокрядь было немыслимо. Он подремал, выкопав ямку в снегу за холмом. Голод его не страшил: в случае чего можно использовать в пищу песка, вынутого из первого капкана, — за годы скитаний он стал неприхотлив к пище,

предпочитая всему вареному сырое. Да и винчестер у него имелся при себе. Вот только холод: морось сменилась морозным ветром, и при ходьбе заледеневшая Афонина одежда звенела.

К полудню второго дня он обнаружил еще один капкан – в приваде лежала нетронутая свежая щука. «Жаль, что ножичишко не прихватил, сейчас бы строганинки поел», – подумал он, потом разломил рыбину, пожевал мерзлые куски.

Афоня вспомнил, где ставил этот капкан, но в тумане никак не мог определить, как пройти к фактории. Весь день он шагал. На время туман отходил, но тут же «молоко» снова поглощало все знакомые предметы. Вторую ночь он провел в «куропаткином» чуме (не потому ли это послужило предчувствием Любаше?), выложив из снежных блоков небольшую нору. Его пугало одно – в такое межсезонье, когда зима повернулась к весне и с моря дуют теплые ветры, туманы могут висеть над побережьем неделями.

Туман играл с ним: приподнимал ненадолго свои занавеси, открывая холм, невысокое плато или долину, и тут же снова укутывал в свой непрочный кокон.

На третий день охотнику показалось, что он расслышал звук вездехода. Закричал, но звук голоса словно увяз в белом воздухе. «Неужели казаться начинает?» Но он никогда не был мнительным.

К обеду он вышел на взгорок. Здесь, наверху, тумана не было, но все вокруг было спрятано под непроницаемой белой мглой. Три зайчишки, видимо, заплутавшие тоже, выскочили на холмик.

– А вот и обед, – Афоня навскидку выстрелил. Хотя он устал от бессонницы и хождения, но реакции еще не потерял.

Беляк кувыркнулся и полетел по склону. Горка была крутая, охотнику не хотелось катиться по грязноватому склону, он начал обходить по пологой стороне. Стал заворачивать и внезапно увидел след одинокой нарты. «Кто же это ехал? – соображал Афоня, сразу позабыв про беляка. По глубине следа нетрудно было догадаться, что нарта шла груженой. – Плавник никак кто-то вез?» След куда-нибудь обязательно должен вывести, ведь свеженький. Может, к чуму, а может, и к фактории.

Вскоре он увидел два конуса, слабо различимых в тумане. Это стояли чумы совхозного пастуха Володи Лаптандера и его старого отца Ирико.

Володина хозяйка сразу повесила чайник, достала из сундука сухую малицу. Ненцы вопросов не задавали, зная, что, если соседу есть что сказать, он скажет.

– Заплутал я немного, – объяснил Афоня, – туман – носа не видать.

Одного чайника не хватило, чтобы по закоченевшему телу разошлось тепло. Володина жена все так же молча повесила чайник во второй раз. Потом пастух запряг упряжку.

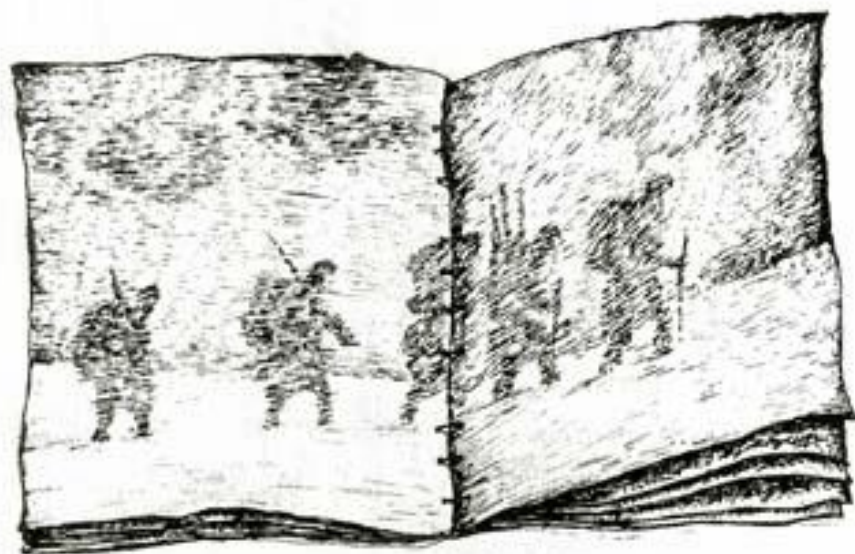
...Любаша лежала на крыше фактории с биноклем. Туман шел волнами, поднимаясь то здесь, то там. В такой просвет она и увидела две упряжки.

– Афанасий! – охнула она. – Вот и подарочек к празднику.

– С подарочком-то я припозорился, – не понял Афоня. – Упустил беляка.

РОДНЫЕ ОБЛАКА

*Привыкла
странствовать
душа*

Александр КУХТЕРИН

АРКТИКА БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Не манят ли вас далекие острова?

Не завораживает ли романтика полярного одиночества? Не ощущаете ли вы у географической карты странного головокружения, как будто вас ждут на этих островах?

На севере от полуострова Ямал поднимается из вод Карского моря остров Белый. Карта не обозначила на нем ни одного кружочка, который бы свидетельствовал о человеческом жилье – арктический остров не заселен.

Заглянем в Большую Советскую Энциклопедию, вот что она сообщит своим лапидарно-усеченным языком:

«Белый, остров в Карском море, отделен от полуострова Ямал проливом Малыгина. Входит в Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области РСФСР. Площадь 1900 кв. км. Поверхность – равнина (высота до 24 м), полого опускающаяся к югу, покрытая тундровой растительностью. Много озер».

К короткой справке из авторитетного справочника можно добавить немного. Остров, ровный, как стол, без единого прутика и кустика, продувается насквозь. Снег здесь сходит в конце июня, а выпадает уже в начале августа.

Впервые нанесенный на карту отважным петровским лейтенантом Дмитрием Овцыным, Белый известнее среди арктических мореходов, как «остров кораблекрушений»: в его прибрежных водах на рифах из слежавшегося песка погибли десятки судов. Последнее кораблекрушение помечено годами Великой Отечественной...

Остров действительно не населен. Только сезонно здесь работают полярники с большой метеорологической станцией, которая носит имя А. А. Попова, прославленного в западном секторе Арктики зимовщика.

Остров Белый – уголка самого северного в Тюменской области зверооленоводческого совхоза «Ямальский», а юридическим хозяином этой охотничьей территории является совхозный промысловик Петр Мирошников.

...Не помню, у кого встретился сюжет, прочно врезавшийся в память: полярные летчики, летавшие над Северным Ледовитым океаном, далеко от берега заметили двух людей. И думав, что произошла трагедия, пилот посадил аэроплан на лед. Однако оказалось, что пара плотников, старый и молодой, не поладившие с начальством, шагают на Диксон и у одолели половину семисоткилометрового пути. На авиатическое предложение «подбросить» мастеровые прореагировали вяло, прикинув, что это удовольствие обойдется недешево. Старший ответил:

– Дойдем. Малость осталось.

Сюжет документальный, тридцатых годов. Но, думаю, и верит в него не каждый.

Но каждый может зайти в краеведческий музей в древнем Пскове и посмотреть в одном из залов советского периода велосипед. Простой, упрощенный до примитивности. Но поразит вас не элементарная рама с ободьями, а табличка, которая сообщает, что в 1935–37 годах на этом велосипеде жи-

тель Пскова Г.Л.Травин совершил путешествие вдоль границ Советского Союза.

— Как же он крутил педали на Севере? — вырвался вопрос.

— По льду океана, — ответила многоопытная сотрудница, явно не впервые разрешающая это недоумение.

Я не поверил, и тогда услышал совет: удостовериться у самого Травина.

Семидесятилетний, сутуловатый, но жилистый и крепкий старик показал мне снимки, газетные вырезки давних лет, книгу «Человек с железным оленем». Но самым убедительным аргументом оказалась толстая самодельная книжка с обложкой из свиной кожи, на ее страницах стояли печати всех существовавших тогда на арктическом побережье от Мурманска до Уэлена ватажных, кочевых, родовых и других туземных советов. Руководители советов удостоверяли, что Травин прибыл к ним на велосипеде. Всего один полярный сезон потребовался путешественнику, чтобы преодолеть пять с лишним тысяч километров арктического маршрута.

Да пусть простит меня Глеб Леонидович, но все же поверил я ему не до конца, хотя детали, которые он рассказывал, придумать было невозможно. Да и кто не усомнится? Невероятно! Не укладывается в сознании!

Поверил же только недавно, встретившись с хозяином острова Белого. Даже в Арктике нет ничего невозможного для русского человека! Нет.

Петр Александрович ростом невысок. По нынешним акселераторским масштабам, пожалуй, ниже среднего. В толпе его не отметишь, не выделишь — выделяющих примет вроде нет. Правда, скроен плотно и прочно — силенка чувствуется, кость добротная. Взгляд — не рублевый подарок: жестковат. Не то, чтоб настороженный, а так — наготове. Наготове понять собеседника, наготове сориентироваться, наготове принять решение. Четкий, я бы сказал, взгляд. Может быть, как у других охотников-профессионалов. Но другого такого не знаю.

Северного форсу не любит. И по одежке его не отличишь: никаких тебе разухабистых волчьих малахаев, дох, унтов. Все простенько. А при его — то возможностях...

— Не люблю я этого, — признался.

Но, кажется, вот такие простачки с топором за поясом пойдут по льду океана за сотни верст, и по тому же льду прокатятся на допотопном велосипеде.

Самолеты и вертолеты ходят на Белый нечасто, только по заказу. Долго не задерживаются: в крайнем случае на часы, если не на минуты. Аэропорта с заправкой, подогревом и прочим техническим обеспечением там нет, и правила летной безопасности ночевку на острове не позволяют. Попадает на Белый, даже на эти несколько минут безопасной стоянки, очень редкий. Короче, я на этом острове не бывал (хотя был один верный шанс, был, да не получилось...), и все, что знаю, знаю со слов. Сознывая также, что попытка создания психологического портрета арктического одиночки, человека весьма сложного, покажет его лишь в каком-то одном измерении, я не рискнул что-то додумывать, опрометчиво домысливать, а почел за лучшее выбрать главное из наших бесед и разговоров с Петром Александровичем, чтобы предложить

МОНОЛОГ АРКТИЧЕСКОГО ОДИНОЧКИ.

— Гул я услышал. В сознание прорвался посторонний, занудный, надоедливый звук барражирующей «Аннушки», и я очнулся. Голова включалась медленно. Зачем? Кто это? Что им надо? Сверху — представить это было нетрудно — мое зимовье выглядело нежилым: за три дня его изрядно подзамело, собак не видно, дым не идет. Не пахнет от дома человеком. Но самолет все кружил. Я явственно уже слышал, как он снизился, пошел на посадку. А по тому, что машина остановилась почти у крыльца, понял, что это мог быть только Алик. Только Кутузов мог приземлиться с таким ювелирным подбором.

Сознание было ясным, но подняться я был не в силах, не мог. Все эти три дня меня хватало на то, чтобы разжечь свой американский примус, развести молочный порошок, вскипятить его с медом, проглотить таблетку да бросить мясо собакам. И снова забывался тяжелым полубредом-полусном. На растопку печки сил, понятно, не хватало, лежал в меховой малице, она меня и спасала.

Прилетевшие гости долго возились у дверей – тамбур, наверняка, занесло основательно. Потом на пороге появился Степаныч. Архаров – начальник «полярки», приятель мой большой.

– Я прощаться прилетел, а ты не встречаешь, – начал он, но осекся. Видно, видок у меня был – в кино покойников играть.

– Что с тобой? – Альберт Кутузов быстрее разобрался в обстановке.

Показывать свою слабость мне не хотелось, и я присел на постели.

– Прихворнул малость, отхожу вот на молоке с медом.

Они принялись меня уговаривать лететь в Мыс Каменный, в больницу.

– А на кого я собак брошу?

– Тебе о себе надо думать, а ты о собаках, – рассердился Степаныч.

Но я уже знал, что мне еще денек, и я поднимусь на ноги.

– Нет, собак я не брошу. Они меня не бросали.

Алик оглядел холостяцкое, запущенное за дни болезни холодное жилье и спросил:

– И не хочется тебе, Петро, все это к чертовой маме послать? Загнешься в одночасье, и узнать об этом никто не узнает.

Они улетели с лицами прискорбными и недовольными. Наверное, такие бывают у священников, когда им не удастся уговорить грешника покаяться.

На следующий день мне полегчало. Я накормил собак, запряг их и поехал на полярку. Отдохнувшие собаки бежали

резво, и через пяток часов мы были уже на мысе Рагозина, где занесенные по крыши стояли домики полярной станции. В радиации я отбил СОС санавиации и, оставив упряжку надежному человеку, в тот же день улетел санрейсом в районную больницу. Переполошившиеся терапевты, обнаружив воспаление легких, начали накачивать меня пенициллином. Но оказалось, что всемогущее лекарство мне противопоказано, и я уразумел: полежу еще недельку-другую и меня окчательно «заколют», поэтому начал собираться в Се-Яху, чтобы оттуда снова махнуть на остров. Я уже знал, что организм мой сам справится с болезнью.

Как-то пришлось мне задержаться в столичном нашем ямальском граде Салехарде, дотошные журналисты разузнали об этом, и пошли гулять материалы с непременно «Робинзоном» в заголовке. Это про меня, Робинзон – хороший был человек, но сравнение с ним мне не нравится. Может, и есть что-то общее в нашей судьбе, но его на остров та несло, а я выбрал остров сам. Сознательно. Как считаете, есть разница?

Долго я к этому шел, но когда дело подошло к заключительному этапу, все получилось как-то спонтанно. К этому времени я уже полтора года проработал у Кадырова плотником. Георгий Николаевич – директор совхоза «Ямальский». Хозяйство у него крепкое, народ его уважает, и он умеет людей ценить. Рубили мы жилье без излишнего комфорта, по-северному основательно. Этому делу я у поморов и чился, когда работал в большеземельской тундре.

Бригада и здесь, в Се-Яхе, центральной нашей усадьбе с хозяйной, подобралась ладная, хотя в основном в ней были и цы, плотницким делом искони не занимавшиеся. Чум – это шедевр северной архитектуры – ведь женщины собирают – не мужики. Но подналовчились со временем тундровички с топором обращаться, и даже поговорку выучили: «Клин бы не мог – плотник бы сдох».

А мне это наскучило. Прискучило, и все! И поселок, и люди, и инструмент рабочий. Все. Думаете, в цивилизацию по-

тянуло, где огни поярче, неоновый отсвет на домашних шлепанцах, и где ездят лихие парни в машинах с шашечками? Нет, меня потянуло в другую сторону. Поморы баренцеморские брали меня на промысел — охоту там так называют. Вот мне этот промысел и лег на душу.

Зашел я к Кадырову. Понимаю его: зачем ему плотника разумного терять? А взамен что? — охотник, у которого ни приличного опыта за спиной, ничего. Одни желания неясные. Но понял Кадыров мое настроение, уловил, по системе почувствовал. Рискнул. А может, другое понял: потеряет и плотника, и охотника. Сколько по Северу людей туда-сюда шляется. Он, Кадыров, как гроссмейстер экстра-класса, варианты на много ходов вперед считает.

Одним словом, к осени я уже был экипирован, снаряжен, помощника мне выделили, ненца Толно Вануйто. Угодье выделили около Дровяной, есть фактория такая на севере Ямала, там, где уже неясно, то ли ты на берегу Обской губы стоишь, то ли на берегу Карского моря. Вот это географическое положение Дровяной, надо думать, и сыграло роль детонатора. От нее до Белого — до острова — дневной переход. А у фактории как раз разгружался морской транспортишко: за один рейс он на целую зиму всё привозит. Смотрел я на этот корабль, и мысль окончательно сформировалась: что, Дровяная? — место освоенное, угодье обихожненное. Надо махнуть на Белый, там-то охотники никогда не промышляли. Но сначала нужно было убедить капитана, чтобы он меня со всем скарбом до острова подкинул. Вануйто, тот на всё соглашался. Оставался еще Кадыров. Но я так подумал: будет промысел удачным, директор мне еще спасибо скажет — новую территорию освоил. Разговор с капитаном был нелегкий, затяжной, на хорошем коньячке настоянный. Но и он рискнул. Видно, во многих из нас партизан сидит, и когда до дисциплинарного устава далеко, это и проявляется. Я своего «извозчика», конечно, под страхом казни не выдам: человека на риск я выводил. Я один и ответчик.

Сентябрь уж стоял, время в Карском штормовое. Переболтались мы через пролив Малыгина, пошли восточным берегом острова. Я его впервые видел. Впечатление он в такую слякоть и сырость производит, как на поминках: голо, пустынно, неуютно, и как что-то потерял. Но мне времени раскидать не оставалось. Надо подбирать местечко, где плавника много выносит, чтобы домишко срубить и с топливом на зиму быть. Наших-то скудных припасов уголька надолго бы не хватило.

Обнаружили мы такое местечко не доходя чуть, если по карте смотреть, до мыса Шуберта.

— Музыкальное местечко, — пошутил капитан. — Ставь себе фортепьяно и играй, сколько душе угодно. Все равно никто не услышит.

Поставили мы палатку и начали избушку рубить. Пришлось делать ее «слепой»: ведь ни стекла у нас с собой, ни рам, ни фурнитуры. Как потом выяснилось, окна без пользы-то и были бы: нас вскоре в снегу погребло, одна трубенка торчит. Из дверей, как из шахты, вылазишь.

Я скажу сразу, что повезло в том сезоне: наш улов за сотню песцов перевалил — у Кадырова лучшие охотники больше не приносили. А победителей не судят, верно ведь? Но, конечно, песцы эти не дурняком шли, их поймать нужно было.

Год средний выдался по урожайности. Тот, кто связан с песцовым промыслом, хорошо знает, что численность зверя в тундре — как спускающаяся волна: «гребешок» раз в четыре года, потом на убыль пошло, а перед новым «пиком» можно на промысел и не выходить: зря ноги бить и время тратить. Это от тундрового мышонка зависит — лемминга, главного песцового корма — такой у него численный цикл: от катастрофического спада до катастрофического подъема. Так вот, мой первый сезон пришелся на вторую ступеньку спадающей «волны». Удача была несомненная, но как я в конце сезона сплеховал, до сих пор обидно. Опыта-то не было. А Толя в феврале зарядил:

– Поедем в Дровяную, сдадим мех.

Тут еще и мясо для привады кончалось. Что ж, думаю, сгоняем, неделька дела не решит.

Но уж запомнился мне этот переходец на всю жизнь. Подвел меня Толя, капитально подвел. Пролетев мы благополучно форсировали. Увидел мой помощник след нарты, пошел по нему, к чуму. В тундре все сородичи, передохнем. И – как пропал. А тут метелишка начала поигрывать. Представляете мое состояние: сижу среди голой тундры, жду. Чего жду, непонятно. Пропал мой Толя, тоже тундровик еще не ахти какой. Или в чуме крепкий чаек мороженым мясом закусывает? А я же за него отвечаю, с меня спрос. Пропал человек, шли вместе, что ты с ним сделал? Докажи, что не ты его, а он тебя подвел. След занесло. Куда двигаться? Нарта груженная. Припасы на исходе. Две собаки (а в упряжке у меня тогда всего их пять было) на ладан дышат. Достал компас, взял курс на Дровяную. Больные собаки пали. Остались в упряжке три. Дохлая тройка. На всех пять банок мясного фарша. Последнюю я пополам разрубил на утро шестого дня. По расчетам до фактории десятка два верст оставалось. Если сегодня не доберусь, думаю, то уже, наверное, совсем не выкарабкаюсь. Стараюсь на нарту не присаживаться: падут мои верные, и совсем дело мое дохлое. Упал я, когда увидел домики фактории. Упал, и нет силы ни в одной мышце, чтобы подняться. Собаки меня спасли, растормошили. Они жилье почувствовали, у них сил прибавилось.

Отошел я за ночь в тепле, поехал разыскивать Толю. Разыскал. Сидит в чуме у родственников, чай с сушками пьет, как ни в чем не бывало. По наивности он, конечно, сделал все, не по злему умыслу. Рассказал я его старикам, в какое положение он меня поставил. Языка их я тогда не знал, но понял, что крепко они его отметили.

Много мы времени упустили, на остров вернулись только в марте, псец уже ушел, можно снимать ловушки. Подпортило мне все это настроение, но, наверное, Арктика всех так учит. А за одного битова, как шутит один мой знакомый лите-

ратор, двух гладилиных дают. Спасибо, в общем-то, нужно сказать за такой урок: впредь подумаешь покрепче.

Кадыров обо всем этом не знал. Он только одно понял: появился в совхозе еще один передовик-охотник. За паразанство мое сильно не журил.

Но я его для начала обескуражил:

– Всё, Георгий Николаевич. Ухожу из совхоза. Пойду «полярку», кают-компания там уютная, работа сносная: смори – куда ветер дует. Под Новый год начальник шампансе выделяет, а отпуск – шесть месяцев.

Директор нахмурился, но на посулы, на упрощения настроен. Да и мне разыгрывать его не хотелось: с серьезным человеком зачем в жмурки играть. Раскрыл ему свои карты:

– Надо мне, Георгий Николаевич, остров обстоятельно осмотреть, если его по-серьезному осваивать. Сезон нынче все равно никудышный будет, а у них там, на «полярке», смогу разведку основательно провести.

Уламывать Кадырова не пришлось. Начальнику «полярки» рабочие руки нужны. Устроился механизатором, разряд тракториста у меня был, а к нему в придачу – плотника, токаря, столяра. На «полярках» универсалов любят: там на себя приходится надеяться, ни на кого другого. За год весь Бел вдоль и поперек исполосовал, пригляделся, что к чему.

Вы возьмите-ка географическую карту и найдите на кой Ямальского «языка» мой Белый. Я решил, чтобы развести промысел, поставить по всей южной части острова стизбушки. Для основной базы выбрал местечко на запад берегу, километрах в сорока от мыса Рагозина, от «полярки». Потом здесь надежную избенку срубил. Летом вижу, как раблы Северным морским путем на восток маршрут держат, как к «полярке» наш дежурный «ЦимлянскГЭС» на траверсе становится – он за один рейс все станции этого сектора и продовольствием (мясо – живыми коровами), и оборудованием, и техникой снабжает. А осенью прямо с крыши гусей бью. Рядом холодная речушка, в ней омулек водится – пожарить, попарить, впрок посолить. Славное местечко. По параллели это

как раз против моей первой избушки на мысе Шуберта. В глубине тундры я нашел места, там два балочка сколотил, кое-что из припасов держу, кой-какой инструмент, обогреться, чай попить – у меня там все есть. Еще один балок поставил на берегу Малыгинского пролива, у заливчика, в который три речки впадают. Последней поставил избушку верст за пятнадцать от метеостанции. Теперь у меня только северный край острова пустует. Я здесь у вас в Салехарде на вездеходчика и учусь, чтобы тот кусок «закрыть». Директор выделяет вездеход. Силенки сейчас уже не те – плавник самому таскать. А на вездеходе я управляюсь. Мотонарты «Буран» у меня имеются, они не собаки, передышки не просят, так что весь остров будет опромыслован. В помощники мне дают двух-трех ненцев. Выучу – могу им это угодье со спокойной совестью оставлять.

А угодье богатое. За два предыдущих года, они на «пик» волны пришли, выполнил двадцать годовых планов, да-да, четыре пятилетки. Особо тут удивляться нечему, я не уникум, нас таких по Министерству сельского хозяйства десятка два набирается, которые несколько пятилеток выполнили, на самом исходе двадцатого столетия работаем.

Конечно, в деле нашем промысловом главное – опыт. С годами научаешься зверя перехитривать, а он – большой мудрец! И места знаешь, и приважен он у тебя на этих местах. Я вот, к примеру, когда метелишка на дворе метров двенадцать дует, и в зимовье не сижу. В эту пору песец шох на ветру теряет, железного капкана не чувствует, попадает дуриком. Не каждый, конечно, в такую погоду решает выйти, но я приучен. Если сильнее задуло, на черную пургу похоже, конечно, сидишь, не высываешься, но тоже времени для лежки нет – надо шкурки обрабатывать.

В общем-то одно: не лениться. У меня времени поплевывать в потолок не бывает.

Путик мой, маршрут от ловушки к ловушке, где-то километров под сорок. Ежедневно. За неделю успеваю все зимовье обойти, все капканы проверить. Но иной день собачий

«спидометр» и всю сотню намотает: это когда зверь хорошо вышел, или когда заплутаешь. Места я знаю хорошо, заблудиться не заблужусь, но весной и осенью, в переходы от тепла к холоду и от холода к теплу, падают на остров такие туманы, что ничего, кроме собачьего хвоста, впереди не видишь. Где верх, где низ, право, лево, разобрать трудно.

Если я когда и плутал в своих владениях, то именно в такие оттепельные дни, когда небо сливается с землей. Бывало, промахнешь и один, и другой верный ориентир. Тогда уже берешь направление на побережье. Здесь заблудиться труднее, но и километры наматываются. Впрочем, оттепели бывают не только весной и осенью. Зимой – сегодня стоит минус тридцать, а завтра – плюс два. Море рядом, климат морской, постоянства никакого, как у ветреной девушки.

Своих собак я ни на что не променяю, на самую современную технику, хоть на вездеход, хоть на луноход. Это мои настоящие друзья, которых никакие мотонарты не заменят.

Ямальские ненцы ездовых собак не держат, у них единственный транспорт – олень. Найти хорошую собаку трудно, выучить еще сложнее. Это сейчас у меня есть восемь персон, а бывали времена, что тремя нужно было обходиться. Есть у меня здоровенный пес по кличке Охламон. Такая с ним история связана. Я специально полетел на полуостров поискать у ненцев собак – положение было катастрофическое, хоть промысел бросай. Кое-что наскреб по чумам. Из самолета на Дровяной выбираюсь, а мои псы врассыпную. Сутки искал, пропали, сгинули в тундре. Сижу, горюю. Невезуха. Мой товарищ спрашивает:

– Петро, так у тебя четыре собаки или пять?

– Четыре, четыре...

– А выйди-ка во двор, кажется, пять.

Вышел, действительно, пять. Из беглой тройки один только и вернулся.

– Ну, охламон...

С тех пор так и кличу.

За жоака у меня Верный. Просто так бы его не назвал. По-

настоящему верный. Я его из щенков выбирал, присматривался, смотрю, сметливый. Караулил, из поля зрения не выпускал. Не подвел меня Верный. Вырос в приличного пса. Меня понимает, все команды знает, собак умеет держать. Если он лег, ни одна не стронется. Дисциплинка. А ведь собака – тоже зверь, пса видит, оленя, медведя, хочется за ним побегать. Но в моей упряжке каждый пес сначала на вожака оглянется. А Верный строг. Атолл очень уж любит ластиться, в упряжке ходить он не любитель, ему бы около хозяина потреться. Злых собак не держал. Они все ездовые – добродушные. Коллективом ведь живем, хоть у каждого характер и разный, но нужно друг к другу приспосабливаться.

Я уже рассказывал, как меня собаки у Дровяной спасали. А был случай, когда они без меня бы пропали. А положение мое в ту пору незавидно выглядело.

Для плаваний по речкам у меня есть «Прогресс». Но ведь кругом-то море, иногда и на простор надо выскочить. Присмотрел я на «полярке» солидную лодчонку со стационарным мотором Л-12, отличный мотор. А сама лодка трактором была раздавлена, помял он её, бока переломал. Специалиста на станции не было ремонтом заниматься, ее списали на уничтожение, но я у Степаныча выпросил. Борта отремонтировал, металлом обшил. Ходкий карбас получился. У меня на нем палаточка, примус. Жить можно.

Пришлось мне с основной базы к мысу Шуберта перебираться. Упряжка моя берегом идет, я – по проливу. И вот, уже на восточном выходе, накрыл меня шторм. До этого мы по сложной схеме двигались. Лодка была загружена полностью – я ехал старую избушку ремонтировать. Отъеду на лодке, поставлю на якорь, за собаками возвращаюсь, к стоянке веду. Снова в лодку. Снова за собаками. Такой зигзагообразный маршрут. А что поделаешь, я ж один. А тут шторм. Продукты у меня были, а вот пресной воды – нет. Начало сентября стояло: то дождь, то снег летел. Насобираю на палатке снега, на паяльной лампе разогрею, значит, есть жижка для чая. Три дня так сидел. Хорошо, тут в проливе «кошки» – песчаные

отмели большие, всё не в открытом море. А одна мысль угнетает: как там мои псы? Четвертые сутки как не кормлен Шторм на убыль пошел. Отлив начался. Ну, думаю, Пе-Александрович, самое время выкарабкаться. Затянулся с духом. Хотел по кошкам пешком пройти – они в отлив обнажились. Мысли такие: собак привести, плот сделать, на карб переправиться и дальше идти, когда шторм совсем утихнет. Но в расчетах, видимо, от долгого сидения, ошибку допустил. Лодка моя уже далеко позади, песчаный бар кончился, впереди проточка, до берега метров сто, и прилив начинается. И зад бежать поздно, а вперед – только плыть. А уже сентябрь. Наши речки и в июле – не на каждого «моржа». Но выхода нет. Что мог, снял, поплыл. Переплыл. Потом у меня маршбросок был километров на двадцать. До избушки. Там я воды согрел, просушился, и к собакам. Они на месте сидели. Взгляд у Верного тоскливый был, но строгий. Так бы, может, и умерли здесь же, на месте, случись что со мной.

Как таких друзей не ценить! Один раз шли по тонкому льду. Я их вперед пустил, думал, они вперед по прямой пойдут, а они скосили. И провалились. Барахтаются, ведь с нами. Что делать? Самим им не выбраться. Проверил, глубина небольшая, чуть больше метра. Начал лед колотить и ним бреду. Помог выкарабкаться. На берегу немного выжали – и вперед. До избы – верет с десятков. Но я на нарту не сяду. В ходьбе одно спасение в таком случае. И точно. Даже и сморка не получил, ни тогда – в проливе, ни на этой речке.

В сложные мы переплеты попадали с моими друзьями. Зимой однажды ехал ночью и, чтобы путь спрямить, угол сржал, быстрее хотел до зимовья добраться. Вышел прямо морскому берегу, и тут на нас из-за бугра белый медведь вернулся. Большая такая штука! Собаки от неожиданности кинулись на него. Но и у него, отдать надо должное, реакция, как у боксера оказалась. Махом сиганул под берег. Нас спасло, что на крутом берегу все это происходило, медведь успел вниз спрыгнуть, а собаки, конечно, на обрыве задержались. А случись это на ровном месте, даже и не знаю, что могло про-

изойти. В такой суматохе и запальчивости я бы, пожалуй, не успел достать свой кавалерийский карабин образца 1946 года.

Медведи, вечные странники Арктики, как их называют, на Белый захаживают. За иной сезон раз десяток с ними встретишься. Но встречи у нас миролюбивые. Он себе идет, ты себе. Один был, правда, поназойливее, на «полярке» это случилось, но его ракетами отпугнули. А в другой раз мы с «хозяином» охотились на диких оленей. Пошел я, понятно, один. Заметил оленей, подкрадываюсь с подветренной стороны. Уже метров за триста был, смотрю, мои олени встревожились. Ветерок на меня, с чего же это они? Да уж явно настрожены, встревожены. А я вроде никакой промашки сделать не мог. Вдруг они всем стадом сорвались, и вот тут-то я увидел своего «коллегу». Медведь выскочил из овражка и за ди-карями. Да куда ему? Неправильно место выбрал для охоты, вот и остался с носом. Я пальнул вверх из карабина, он совсем расстроился и поковылял к морю, в свои льды.

С медведями мы живем в ладу. Но вот в последний год появились на острове полярные волки. Как-то они себя ведут, эти позлее и понахальнее. Хотя арктический «Михайло Иванович» не всегда примерно себя ведет. Возвращаюсь как-то с путика в балок. Мечтаю чайку горячего попить. Приезжаю – дверь сорвана, полный балок снега, продукты исчезли, даже заварка рассыпана. Это любопытный Мишка дверь своротил, мясо съел, чай, видимо, пытался заварить, остальной мой про-виант песцы на дармовщину расхватили. В общем пришлось мне еще 35 километров до чайку добираться.

Другой любознательный мишка зашел в избушку и вытащил мешок с углем, аккуратно, ничего не порвал, и у тамбура бросил. Зачем это ему надо было? Вроде котельных они еще не держат.

Те, что поагрессивнее, стекла били, на крыши залезали, один раз в тамбуре доски выломали, мясо, приготовленное на приваду, подграбили. Вот, то любопытство, то голодуха ведут медведя к людскому жилью. Боюсь ли я медведей? Ну, во-первых, я за себя постоять смогу. А, во-вторых, я думаю, у

любого горожанина такой же шанс попасть под трамвай, как у меня – под медведя.

Для живности остров – настоящий еще заповедный уголок. Щедрот его хватит надолго, если мы сами не испортим Белый. Думаю об этом с тревогой. Вот учу я молодых ребят из ненцев обживать остров, промыслять на нем, чтобы он для местного коренного населения не оставался древним жертвенным местом, не пропадали чтоб его богатства втуне. Но уж очень привлекательное это местечко не только для нас, промысловиков, но и для геологов. Кругом газ, нефть. А за малыми отрядами геологов идут большие – эксплуатационников, и... сколько мы знаем печальных примеров, как губились заповедные уголки! Останется ли что-нибудь и на долю моих выучеников?

Были на Белом геофизики. Наши, сеяхинские, база у них в Се-Яхе стоит. Настоящие северные, работали культурно, грех мне на них жаловаться, спасибо только скажу: вертолетом помогали. Прихожу в зимовье, там записочка: «Привет, Петро. Пили чай, тебя вспоминали».

А как-то летом работали в этих местах геодезисты из Ленинграда, коллеги, можно сказать, ведь я сам семь лет в геодезистах проскитался. Так вот, петербуржцы вели себя, мало сказать, необразованно, – варварски. Добрались! Песцовые норы бензином выжигали, летнего крестовика-песца, который ни на что не годен – стреляли, мою приваду уничтожили. Хулиганили на просторе. Отряду таких пиратов на острове на год работы – и останется здесь не арктическая, а человеческими руками созданная пустыня. В арктической – то нам работать да работать.

Если думать о том, чтобы сохранить остров в заповедной целости, то нужно думать уже сейчас. Может быть, на расходы какие-то пойти, которые потом окупятся с лихвой. Я – человек вольный: сегодня здесь, завтра – там, на острове Вилькицкого, может, еще успею поработать, тоже нетронутое место. Конечно, и для меня большая потеря будет, если загубим Белый, но для государства-то настоящий урон. Загубить про-сто.

Чувствую ли я одиночество в своем безлюдном безмолвии? Чувствую. Первые три дня после отпуска. Когда еще в ритм работы не вошел, когда городская суета еще не позабылась. Потом начинаешь работать и все улечивается. Скука – она внутри нас, а не вне. Там ее искать не надо. Мне скучнее гораздо, когда я в отпуске задержусь больше своих положенных двух месяцев.

«Спидола» у меня круглые сутки не выключается. На «полярке» библиотека – поискать по всей округе, ведь с тридцатых годов береглась. Издания можно найти редчайшие и по освоению Севера, и мою любимую фантастику. Конечно, почти все в ней уже прочитано, кое-что перечитано, но полярникам регулярно присылают новые посылки. С этим – нормально.

Начинал я с ламп-десятилинеек, керосинок, свечами приходилось запасаться. Сейчас у меня на основной базе и еще в одной избе электричество – движки-киловаттники. На главном зимовье – переносная радиостанция «Недра». С «полярки» меня каждый вечер вызывают, переговариваемся по селектору. Через их радиостанцию связываюсь с Се-Яхой. Сейчас мне дают «Грозу», буду связываться с совхозом напрямую.

На метеостанцию езжу как минимум раз в месяц – попасться в баньке, и обязательно под Новый год – шампанское вспомнить. Метеорологи меняются, как правило, через два сезона, народ новый, европейский, поговорить всегда есть о чем. Бывалые, как правило, люди, не только им рассказать можно, но и у них поучиться: полярные воды и медные трубы прошли.

Понятно, большой праздник, когда летом приходит морской транспорт: соскучишься по зелени, овощам, да и свежим людям. На морских судах цивилизация выглядит наиболее привлекательным образом: чистота, порядок, уют, дисциплина, сауна. Отмякнешь душой, и снова за работу. Летом тоже

не сидишь: приваду развозишь, подкармливаешь песца, ремонта много, снабжаться надо. Вы что думаете, эти пятнадцатки просто так даются, без труда?

Много всего я вам рассказал? А на один вопрос, наверно, не ответил: почему я на острове оказался? А вы мне можете ответить, почему вы здесь, а не в каком-то другом месте? Могли бы быть в другом? Могли. И я бы мог. Но мне на этом нравится, так же, как вам – здесь.

У меня детство было военное, оккупационное, на Украине сызмальства научился на себя полагаться. Посмотрел кинофильм как-то «Сказание о земле Сибирской». И вот поманил меня этот простор. Удержу нет. И в пятьдесят четвертом махнул на целину. Диплом тракториста с той поры. Лесоустроителем в ангарских буреломах шлялся. Геодезистом тюменские таежные болота прошел. По Иртышу работал. По Саянскому проходу прошел, когда у него еще нынешней славы всемирной не было, а старый Нижневартовск в грязи тонул. Тот, кто тайгу прошел, тундры не боится. Сюда я уже закаленным пришел, подготовленным. С кондачка Арктику не берут.

Если говорить о привычках, то курю только на земле. На острове беру десять пачек папирос и, как только «Беломор» кончается, я об этом зелье забываю. Две бутылки спирту в сезоне – медицинский НЗ.

Доволен ли я жизнью? Если кто утвердительно ответит на этот вопрос, я с ним и разговаривать не стану. Я доволен собой людей не люблю. В жизни каждого из нас столько вариантов! Считать, что ты выбрал самый точный, по-моему, просто не думать о том, что бы ты мог сделать, сложишься от по-другому. Но от своей судьбы не откажусь.

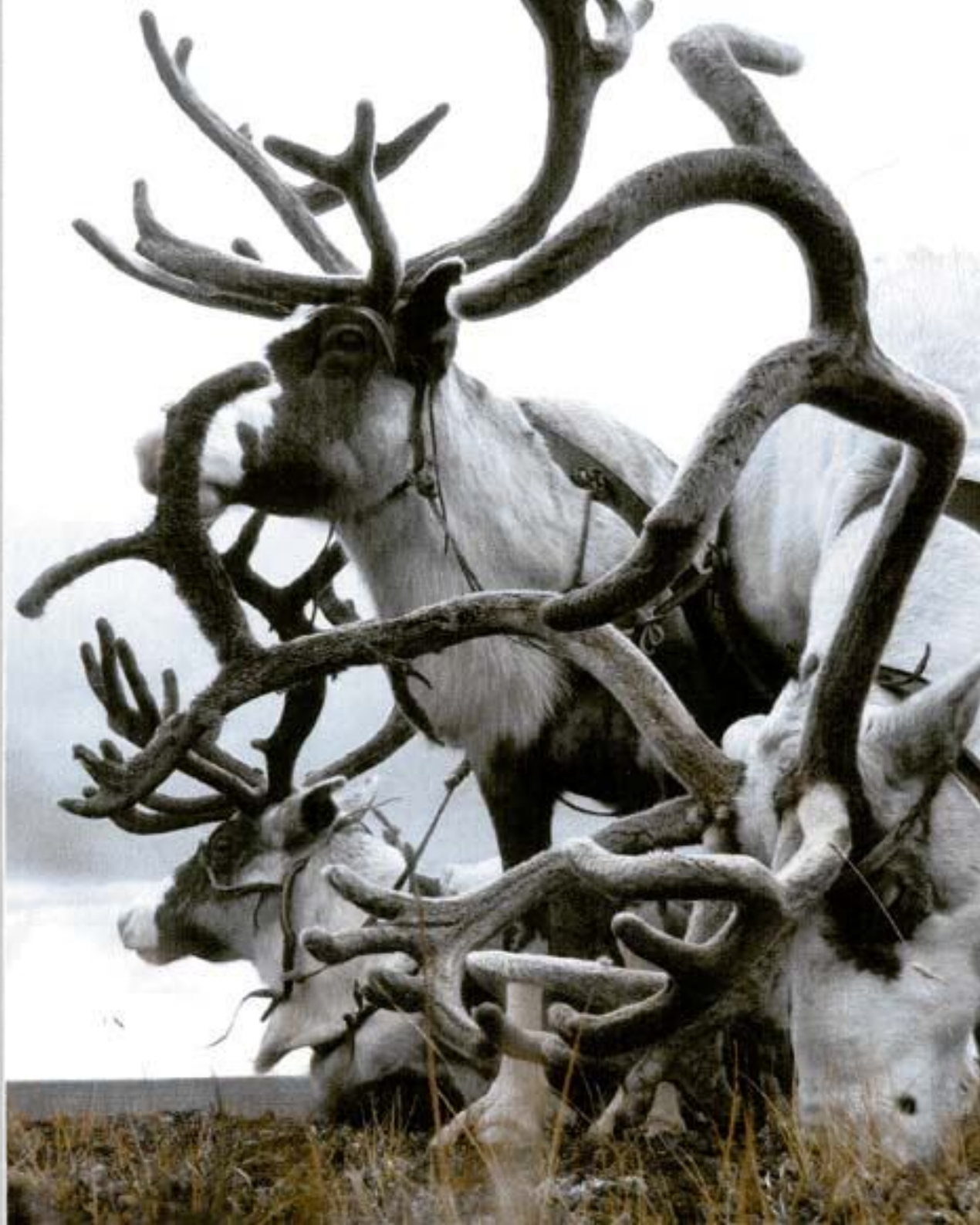
Неприветливая земля, вы говорите. Но меня-то остров Белый приветил.

КОД СЕВЕРА

Суровая нежность

Эдуард УЛЫБИН
Сергей ЛЫКАСОВ

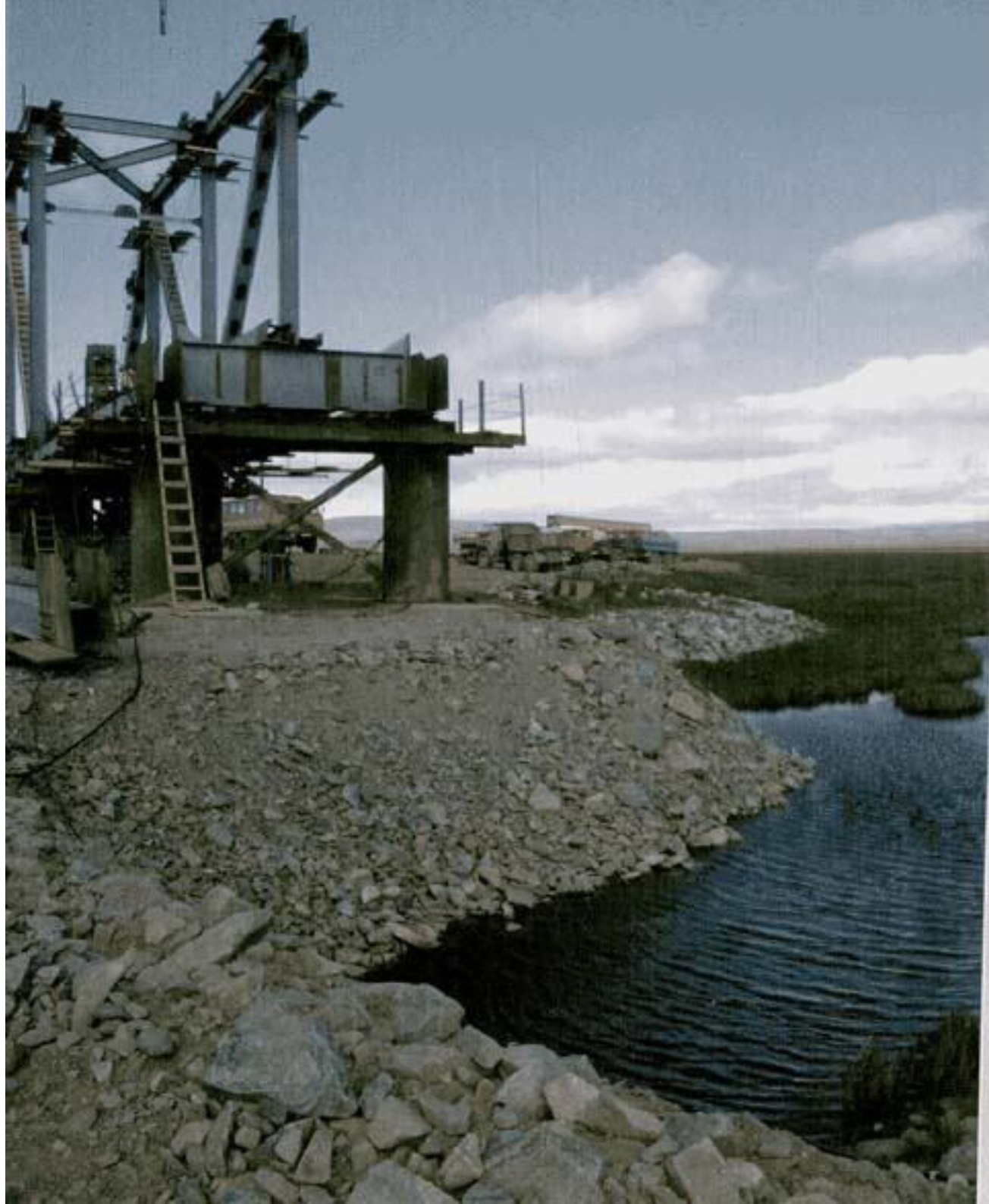

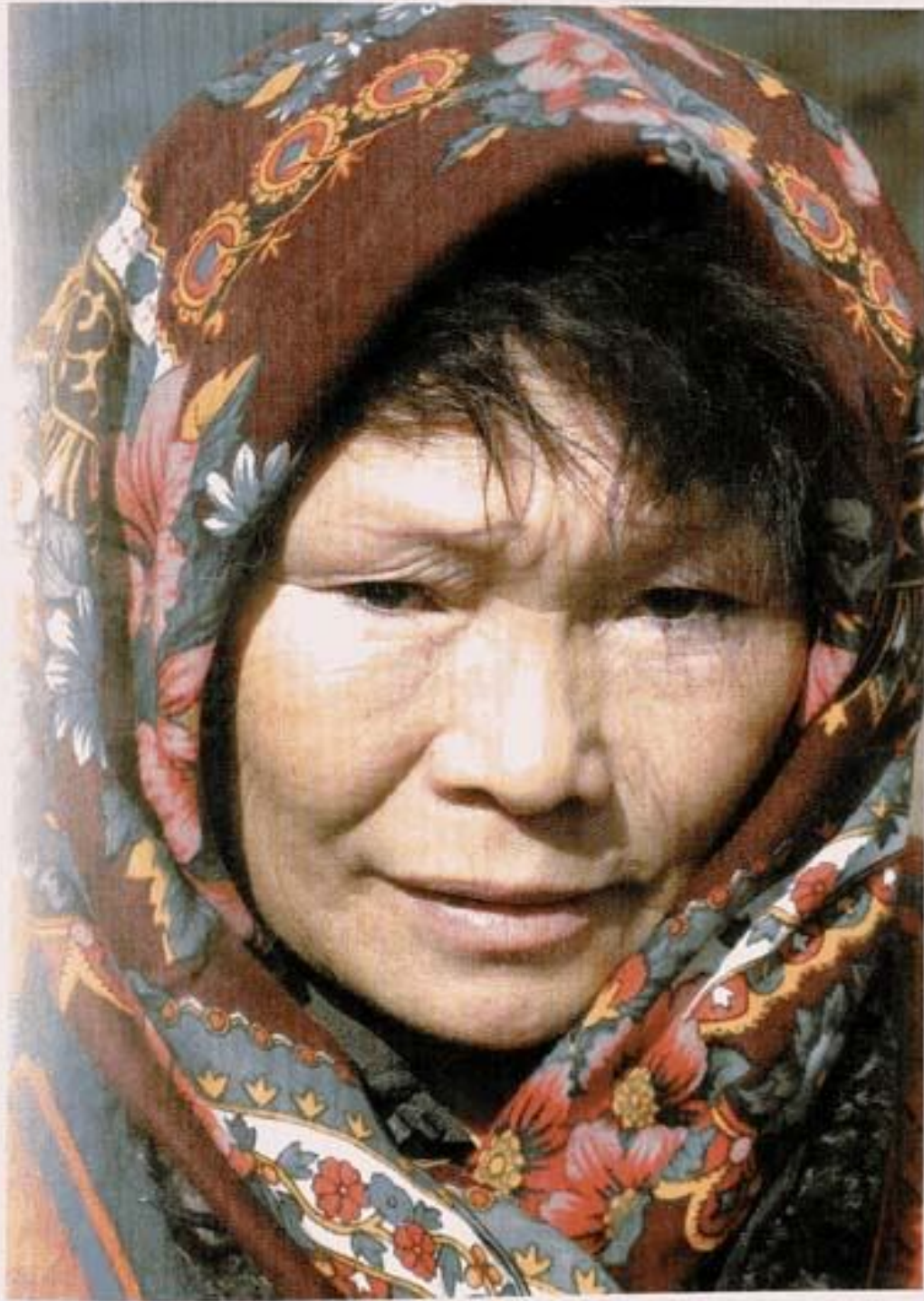

ЖИВАЯ БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ

– Самый опасный зверь в тундре – это... – Вячеслав Федорович характерно прищуривается. Добрый и ироничный этот прищур у него заменяет улыбку. Мы с ним вели речь о полярных волках, белых медведях и прочих арктических хищниках. Дав разгорячиться моему воображению, он заканчивает мягко: «конечно, комар».

Мимолетно оценив произведенный эффект, добавляет:

– Каждый, в тундре работающий, пожалуй, предпочел бы пару раз нос к носу столкнуться с белым мишкой, чем всякое мгновение иметь дело с неистребимым кровососом.

Сосин снова прищуривается.

– Вторая опасность – сам нетерпеливый человек. Безобидность тундры кажущаяся, в любой момент обыденность может обернуться опасностью. Смертельной.

Человеку, проведенному в ямальских тундрах ровным счетом двадцать пять полевых сезонов, пожалуй, можно верить.

На Ямале, в заполярном городе Лабытнанги, есть приметное местечко. В местах с более буйной растительностью оно, пожалуй бы, в глаза особо не бросилось, а здесь, где господствует унылый хмурый цвет (хотя название города «зеленое» – с коми-языка переводится как «семь лиственниц»), выглядит экзотически. Поросший березами и ивами бугор называется ласково: «Зеленая горка». Горку в свое время облюбовали под первый академический стационар в Тюменском Заполярье геологи-рудники. Когда они с исследованиями на Полярном Урале программно закруглились, то передали стационар по наследству другим «академикам» – из Свердловского института экологии растений и животных. Старший научный сотрудник Сосин в стационаре по стажу самый старший. С одной стороны, вроде лестно. С другой... Ведь голый же провинциализм. Четверть века практически вдали от крупных научных центров. Вар-

ние в собственном соку... Ямал – понятно, интересное местечко, но нужен ли этот в четверть века подвиг местного патриотизма? Всегда ли хороша приверженность северному краю?

– Мне не кажется ваша постановка вопроса правомерной, – мягко возражает Сосин. – Мы здесь, в Лабытнангах, не чувствуем информационной оторванности, читаем те же рефераты, на равных участвуем в совещаниях и симпозиумах.

– Поставим вопрос иначе: вот два исследователя, оба любят Север, работают там. Но один наезжает в экспедиции, а другой сидит безвылазно. Наверное, «налетчик» может шире посмотреть на северные проблемы?

– Если говорить лично обо мне, – Сосин не ввязывается в дискуссию, – то проблемы Севера я ближе принимаю к сердцу, большее чувствую. Может, достоинство, может, недостаток.

На долю института экологии выпали исследования по проблемам проекта изъятия части стока вод Оби и Иртыша и переброса их на юг. Проект масштабный, захватывающий, по обещаниям авторов, – огромного народно-хозяйственного значения. Но... односторонний: север отдает живительную воду, в компенсацию не получая ничего. В районах изъятия по Нижней Оби работала не одна исследовательская экспедиция: из Саратова, Ленинграда, Москвы, Горького. Не сомневаюсь, работы велись грамотно, но пугала некая холодность, научная отчужденность – специалисты не видели всей уникальности края, природа которого могла понести катастрофические потери. Как им не хватало этого болевого провинциализма!

Впрочем, стоп. Кажется, свой рассказ о провинциальном рыцаре научного поиска я начал не совсем в том ключе. Начнем – соль-мажор, не кривя душой и не искажая истину.

Три года безвылазного сидения на затерянной в тундровых снегах торговой фактории Яры не отвратили от Ямальского Севера молодого выпускника Иркутского пушно-мехового института Славу Сосина тяжелым бытом, безлюдьем и одино-

чеством. Скорее наоборот, он почувствовал вкус к жизни, где надо полагаться на себя. Он лихо мчал на собачьей упряжке за сотню верст в ближнюю человеческую Усть-Кару за письмом или связкой газет, и в этот момент его больше всего поражало то, что это он может вот так, почти снисходительно бросить вызов пугающей многих отчаянной Арктике. Научился находить общий язык с немногочисленным окрестным населением – здесьними байдарашками ненцами – охотниками и оленеводами, выучил их язык и дивился их природной естественной наблюдательности и приметливости. Здесьние охотники знали повадки зверей и птиц куда лучше дипломированного специалиста.

В Ярах на побережье Карского моря Сосин начал первые научные эксперименты. Ямало-Ненецкую окружную заготовконтору в ту пору возглавлял удивительный человек – Григорий Евгеньевич Рахманин, больше исследователь и писатель-натуралист, нежели торговец-заготовитель. Заметив в молодом специалисте исследовательские наклонности, Рахманин слал ему пространные депешки, советуя делать то, что совершенно не входило в круг обязанностей заведующего факторией. Сосин завел в тесноватом помещении фактории исследовательскую фермочку.

Странно, что от той далекой поры в сознании осталось четкое ощущение: там, где нужно было прочно скучать, постоянно не хватало времени.

Когда контрактный трехлетний срок закончился, Рахманин первым благословил разворотливого и многообещающего специалиста-заготовителя в науку. К тому времени Stanislaw Семенович Шварц, директор института экологии растений и животных УНЦ АН СССР, облюбовал Салехард в качестве плацдарма северных стационарных исследований. Молодой практик, умеющий управлять оленьей упряжкой, знающий язык аборигенов, создающемуся стационару явно погодился.

С тех пор в полевых маршрутах пройдены, проплыты десятки тысяч северных километров, если посчитать дотошнее: на планетный экватор потянет. Усть-Юрибей, Морды-Яха,

Харасавэй, Тамбей, Мыс Каменный, Гыдан, остров Вилькицкого, Малый Ямал – адреса сосинских маршрутов звучат завлекательно экзотично. Он прошел западным и восточным берегами полуострова Ямал, по Гыдану совершил зимний маршрут на оленях. Полярный Урал вроде на периферии его интересов – но тоже излажен вдоль и поперек. Сосин осуществил и давнишнюю мечту: ступил на топкие берега острова Белого, Низменный остров, голый и унылый, вряд ли бы вызвал интерес, будь пустынная земля расположена поближе. Но остров приотился за самым кончиком Ямальского «носа» и арктическая эта суша манила давно.

... В их распоряжении ходкая лодка «Казанка-2М» с двумя моторами. У них случилось немало возможностей испытать ее надежность – от самой Байдаранской губы. Сосин старался вести лодку подальше от берегов (отмели и грозят неприятностями), но удаленность от родной суши не особо радовала его спутников – Виктора Штро и лаборанта Сережу Пасхального, хотя они полностью полагались на арктическо-навигационный опыт рулевого. Чтобы достичь Белого, нужно пересечь неширокий пролив Малыгина, который изобилует особо коварными отмелями. Когда «казанка» почти форсировала пролив, начался отлив, быстро обнаживший песчаное дно. Лодка тупо уткнулась в песчаный риф. Путешественники, раскатав бродни, вылезли в воду и потащили всплывшую лодку. Но накатил туман – промозглый, студенистый, который, кажется, можно резать ножом. Он сжал пространство и сразу лишил ориентировки. Где остров, где материк? Сосин тащил лодку, Пасхальный шестом мерял глубину, чтобы не попасть на рифовый обрыв. Штро держал примитивный, туристский компас, который показывал скорее «цену на дрова», чем истинное направление. Они шарашились в промозглой мороси несколько часов, по глубине определяя, куда уклонились: если становилось слишком глубоко – к югу, если мелко – к северу.

– Долго мы будем искать остров в океане, – предположил Сережа.

– Путь к мечте ненадолго закрыт, – утешил Вячеслав Федорович.

Поддерживая лидерский оптимизм, туман тут же рассеялся практически мгновенно, и они увидели, что вышли к месту, которое и наметили на карте-трехкилометровке. На берегу мирно дремала четверка диких оленей. Увидев неожиданных гостей, животные насторожились, паники не проявили, однако ближе знакомиться не рискнули и величаво удалились в тундру. Пока на берегу стояла палатка ученых, любопытные животные то и дело проводывали ее.

День еще держался полярный, и Сосин до минимума сократил время отдыха. Ведь это совсем не исследованная земля. Здесь работало всего два зоолога – и то в давних тридцатых годах. Когда исследователь попадет в такой заповедно-труднодоступный уголок, его охватывает жадность. При ближайшем рассмотрении безжизненный остров оказался не столь уж малонаселенным. На озерцах кричали кулички, особенно выделялись тулисы. Смирные гаги-гребенушки, сидящие на яйцах, подпускали на метр к гнезду. Величавые краснозобые казарки степенно высиживали потомство. Чуть подальше от побережья начиналась гусиная вотчина. Полевые дневники исследователей заполнялись торопливыми записями: в такой ситуации лучше всего фиксировать все подряд, чтобы не упустить важного.

Погода сюрпризов больше не преподносила, молодежь даже пощеголяла в неглиже, чтобы при случае ненароком вставить, как довелось загорать на острове Белом и купаться в самом Карском.

Срок пребывания ограничивался запасом горючего. Когда подходили к материковому берегу, лодка снова залезла в густой туман, но близость большой земли вела лучше любого компаса. Они уходили с острова, полные надежд вернуться снова. Постоянное наваждение – непременно вернуться, закончить, доделать, завершить, и этой страсти нет конца и переводу.

Романтика экзотических странствий... Дрожать над каждым граммом бензина, дергаться от надоедливого зуда комарья, идти километр за километром в тяжелых сапогах по раскисшей тундре, мокнуть под непрерывным дождем, есть сухомятку, заниматься научной рутинной, фиксируя все, что попадает на пути... И потом, когда спадет усталость, с воодушевлением вспоминать:

— Ах, поле, поле... Карское море...

Забудутся комары, сухомятка, сырая одежда, прокисшие спальники. Будут помниться — огонь костра, вяжущий рот бодрящий чай, свежий ветерок на водораздельном бутре, удивленный взгляд будущей мамыши-гаги.

...Следы полярного волка попадаются довольно часто. Зафиксировав их и недолго размышляя по этому поводу, Сосин пошел по маршруту дальше от палатки, где Сережа заканчивал обустройство. На коренном берегу тундровой речки, осмотрев окрестности, Вячеслав Федорович увидел вдалеке пасущегося дикого оленя — вполне типичная картина тундровой идиллии. Про себя зоолог отметил — большой хор. Бык вел себя спокойно. Сосин определил маршрут на завтра и поворо-

тил к палатке. До нее оставалось с полкилометра, как какое-то предчувствие кольнуло и остановило. На склоне, противоположном от палатки, метрах в полустах он заметил живые темные пятна. Торопливо достал бинокль и удивился, увидев в окулярах матерую волчицу. Чуть выше по склону сидел сам волчара. Они внимательно нюхали воздух, шедший от человеческого жилья. Волчица резко повернула голову в его сторону, коротко взвыла, волк синхронно мрачно взревел, они торопливо начали спускаться к ручью. Сосин знал, что нормальный полярный волк не нападет на человека, он только может преследовать его. По ветру зоолог отбежал метров за двести, присел в небольшом овражке. Через несколько минут метрах в ста показались волк и его матерая подруга. Они долго и тщательно нюхали воздух. Волчий в выказывал глубокую заинтересованность, по-настоящему исследовательскую: на своей охотничьей тропе они увидели не привычного оленя, а непонятное существо, от которого пахло неживыми запахами. Первой истощила запас любопытства волчица, она спокойно повернула назад, а следом, как всякий покорный муж, потрусил волк.

Звери в тундре ведут себя по-джентельменски, что не всегда скажешь о человеке. Влияние его все четче проявляется и в этом заповедно-нетронutom уголке: фактор ли беспокойства, пресс ли охоты, чистое ли браконьерство — все накладывает отпечаток на картину популяции оногo бытия. А ведь у здешних животных генетический расчет на безлюдность тундры — они рождались, гнездились, жили, совершенно не принимая в расчет человека.

Сосин занимался северным оленем, куропаткой, леммингом, водной полевкой. Кандидатскую защищал по ондатре. Но с первых, в Ярах еще экспериментов, его привязанность белый тундровый песец. Симпатичный и интригующий зверюга. В экологической биографии песца немало «темных мест». Первое свое открытие тогдашний заготовитель Сосин запомнил надолго: окольцованный им у Се-Яхи песец через два месяца обнаружился уже в районе Усть-Кары. Небольшой

зверек проделал расстояние в добрую тысячу километров. Сосин, конечно, помнил хрестоматийный пример, как енисейского песца поймали на Аляске, но то хрестоматия. А когда «родной», с твоим кольцом-клеймом ушагивает столь далеко, испытываешь совершенно иные чувства. Титул арктического «странника» носит белый медведь, но песец ему не уступает. Неутомимого ходака встречали даже в районе Северного полюса. Еще одного сосинского подопечного, окольцованного у Нового Порта, обнаружили под Архангельском. До сих пор нет ясной картины, почему численность песца то катастрофически падает, то неуклонно растет. Связывали это с песцовым кормом – мышкой-леммингом, но исследования Сосина и его сотрудников показывают, что картина нарастания «пика» численности куда сложнее.

– У нас кольцевание самый продуктивный метод, – жалуется Вячеслав Федорович. – А в принципе-то уже видится, что песец «берет» себе на спину нашу радиостанцию и мигрирует, оставляя за собой четкий радиослед. Но технически это еще невыполнимо – нет столь миниатюрных станций... Вообще они такие разные, – пожалуй, я впервые вижу, как Сосин словно стряхивает некую скованность и начинает рассказывать оживленно, словно мальчишка, только что вернувшийся из зоопарка. – Вот я на Морды-Яхе, это возле знаменитого старинного волока в Мангазее, наблюдал парочку. Полный матриархат. Самец даже близко не подходил к гнезду. Завидев, что он приближается, самка бросалась к нему, он падал на землю, она брала принесенный корм, несла щенкам, а глава семейства, понутив голову, уходил за очередной порцией. Есть мамы-хлопотуньи, есть отчаянные, есть трусоватые. Наглядишься, невольно начинаешь верить Брему, который изрядно очеловечивал звериные отношения. Характеры попадают удивительные!

Он сугубо взрослый, старший научный сотрудник Сосин, но, наверное, огонь неувыдаемого детского интереса постоянно светит в его душе. Иначе, думаю я, он больше бы заботился о карьере и житейских удобствах, а не строил планы, как

попродуктивнее провести очередной сезон, успеть то и не забыть это.

– Провинциальность исследователя порождает большую самостоятельность в действиях, – рассказывает руководитель стационара УНЦ АН СССР Юрий Филиппович Рождественский. – Возьмем того же Сосина. Это по его идее решено провести в преддверии индустриального наступления на Ямал «ревизию» животного мира полуострова. Никто ему такой темы не давал. Оппозиции идее не было, было сомнение, его уговаривали:

– Вячеслав Федорович, вашей группе эта работа будет не под силу.

Но он добился и корректировки планов, и включения темы, заставил всех поверить в силы исследователей, в ценность исследований. Сегодня трудно представить, какой урон был бы нанесен, если эту работу не начали своевременно.

Это ответ на вопрос: бывают ли провинциальные ученые? Рядовые рыцари поиска, сыновья единой матери-науки, где бы они ни трудились, они работают во славу ее. Большие ли, малые открытия – все они открывают нам подлинный лик Земли.

У Сосина характерная походка – так ходят люди, которым приходится много шагать. Зоологи – великие пешеходы: ведь живую жизнь природы нужно наблюдать, что называется, с глазу на глаз, забираться туда, где еще можно встретить и птицу, и зверя, и только твоя собственная неутомимость может подарить радость встречи, которая всегда – обязательное открытие.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЭНТУЗИАСТА

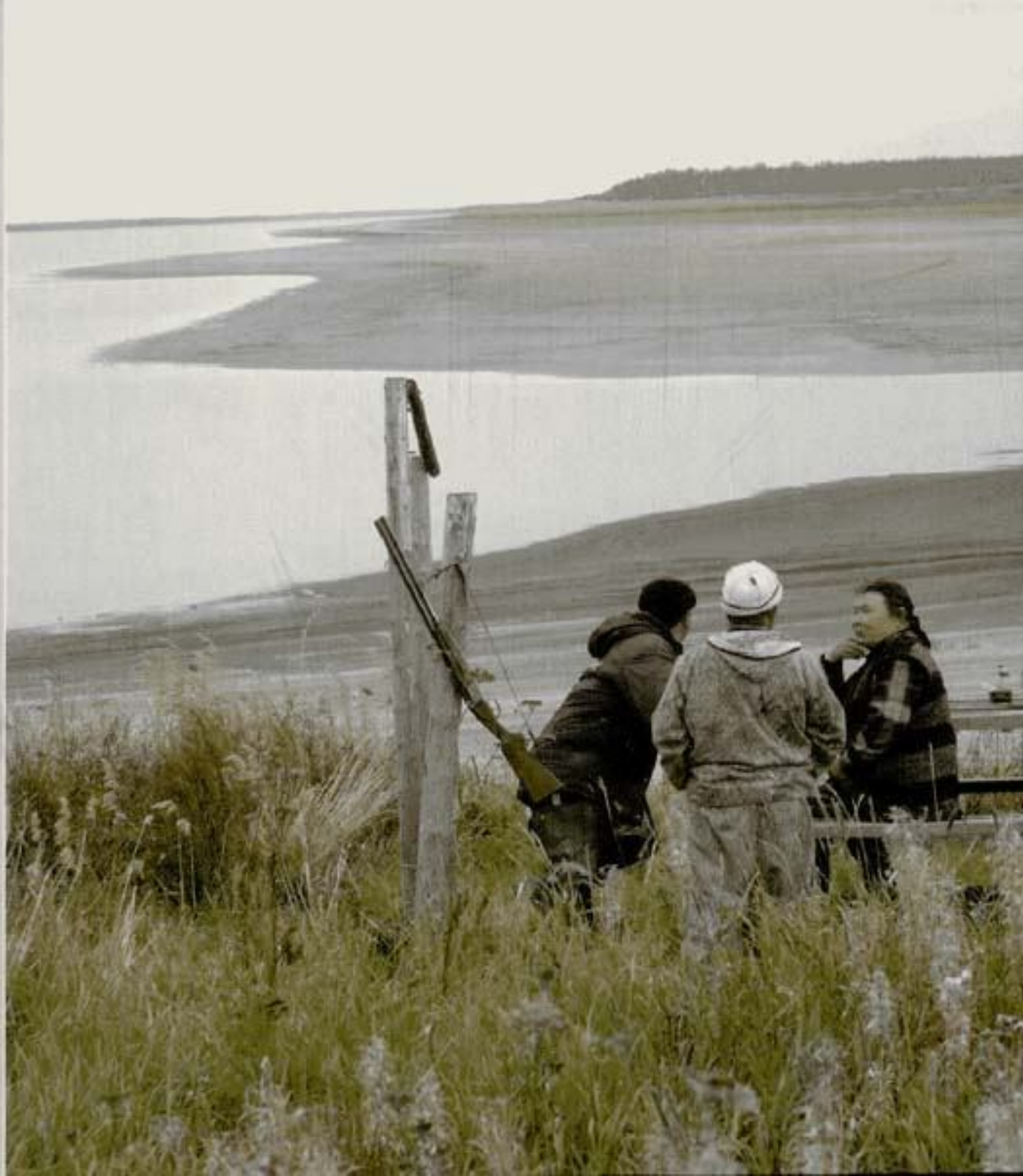
Тайга туманная

Фёдор КОВТУН

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

АРЕСТ В ДИКСОНЕ

Меня арестовали прямо в салоне Ил-14. Двое, в зеленой форме. Пограничники. Наверное, один офицер, другой – солдатик. Несolidный, тшедушный. Но – решительный. Не то, чтоб он ткнул мне в спину каким-то наганом-револьвером, но жесты у него были бойцовские.

Наверняка, он брякнул: – Вы арестованы!

Я-то уж размечтался о том, как выйду на легендарный берег легендарного моря в легендарном Диксоне, а тут тебя под твои белые ручки: – Вы арестованы!

Арктические погранцы – организация серьезная. Не пошалишь.

Все мои документы были в порядке. Но в моем командировочном удостоверении: Салехард – Мыс Каменный – Норильск – Дудинка – именно Диксон не значился.

Ил-14 из Мыса Каменного на Таймыр летал нерегулярно, и моя кадровичка и помыслить не могла, что в Диксоне у этого случайного рейса случится случайная промежуточная посадка.

Я почувствовал себя шпионом. Крупного масштаба.

Арестантская представляла из себя обычную комнату неизвестного предназначения – большая, с одним столом и стулом. Стол, наверное, для писания признательских показаний.

Решительный маломерок в погонах завел меня в этот уют арктических шпионов и диверсантов, взглянул прощально и презрительно, и закрыл замок с другой стороны. До позорных объяснений он не снизошел.

Я не знал, полетит ли мой полярный Ил-14-й на Норильск уже без меня, или будет дожидаться. На всякий случай мысленно попрощался, чтобы следующие удары судьбы встретить с примерным терпением.

Я просидел в своей арестантской два часа. Но если бы я знал, что это будет всего два часа!

Арестованные диверсанты знают, что можно подумать за 120 томительных минут.

Я отчаянно изобретал легенду. На самом деле я добирался до подводных трубопроводчиков, которые собирались прокладывать крупнейший в мире дюкер по дну сурового Енисея для газопровода с ямальского месторождения Мессояха до Норильска. Начальник СУПТР-7 был мне знаком по Надыму.

Легенда не потребовалась. Дверь отворилась, меня доставили к одутловатому майору, который вяло, равнодушно, одутловато пожурил меня за то, что командировочные документы надо бы оформлять почетче.

У меня было так много сказать ему! Но он был квелий как муха.

Родной Ил-14 почему-то задерживался, я еще успел побродить по красивому деревянному городку – гордой столице советской Арктики. Полярный эксклюзив – деревянные трехэтажки на тонких сваях – здания цапли. Посмотрел разгрузку на Диксонском пирсе сухогруза «Выру», который до этого встречал в Обской губе на траверзе Нового Порга. В какой-то приморской пивнушке удалось принять пару кружек пивка. Правда-правда, на всю советскую Арктику только в Диксоне тогда был свой пивзавод. Знатное пиво. Может быть, даже называлось «Арктика».

Полярный день стоял над океаном. Замечательный денек. Хороший город Диксон.

Неизбежный общенародный репродуктор назойливо крутит новомодный и особо любимый шлягер: четвертый день пурга свирепствует над Диксоном...

ХУДОЖНИК С ВОЛЧЬЕЙ РЕКИ

Приходилось ли вам бывать в мастерской художника? Приходилось ли вам наблюдать, как он мудрено и небрежно расставляет свои холсты или акварели, прямо на полу раскладывает листы гравюр? Вы всматриваетесь в изображенное и слышите вдохновенный авторский комментарий.

Даже если вы не знаток изобразительного искусства, вряд ли посещение мастерской оставит равнодушным: нас как бы приглашают пройти тем путем, каким шел художник.

Эту акварель я назвал «По тонкому льду». Сам видишь, лед пока выдерживает одного оленя, они и идут осторожно, в рядок. Это на Хантайском озере. А это «Осеннее пастбище». Долго для снега оттенок не мог найти, потом понял — он же должен быть красноватый, снег-то слабый еще, осенняя трава не совсем засыпана, снег прямо на листовое ржавье, на багряную землю пал. А это «Большая наледь», по-нашему «талнах». Талнах знаменитый норильский — это именно наледь... Акварель «Последние льды» — пейзаж реки Авам, там рядом Бирилях — Волчья река, на берегу которой я и родился в чуме.

Волосы у художника смоляные, но воронье это крыло прорезают серебряные нити седины. Я смотрю на голову Мякона и думаю, где же я видел вот такое резкое чередование смоляной черноты и белых штрихов? Да это же цвет многих его гравюр: резкое чередование черного, белого, точный, тонкий и четкий штрих. Мякон невысокого роста, и хотя ему уже под пятьдесят, он по-мальчишески ершист и энергичен.

Глаза его жгучи и по-охотничьи, по-художнически зорки. Мякон — это не «светское» его имя, все его зовут Борис, Борис Молчанов. Мякон — долганское имя, которое дала ему мать. Материнское сердце будто предчувствовало трудную

судьбу сына. Поэтому и получил он это имя — «упрямый, упорный», так переводится «мякон».

Родом Молчанов с берегов Авама, не зря любит писать эту реку и Хантайское озеро, где провел детство. Их семейная охотничья избушка, нынешняя его летняя мастерская, там, на Хантайке. Отца Мякона соседи звали Хоколом, «одноглазым», хотя старший Молчанов никогда глаза не терял. Он был охотником, профессиональным промысловиком, за характерный охотничий прищур и прозвали его так. Зорким глазом наградила его отец, мать — добрым сердцем и тягой к искусству. В тундре умелиц-рукодельниц немало, но Марфа Ильинична славилась своими работами по меху не только в долганских чумах. Ее работы дошли до Монреаля, выставались на всемирном «Экспо».

Ранний восход художника из тундры, как ни парадоксально, привел его и к раннему кризису, не только творческому, но и житейскому. Как это нередко случается, из самых добрых побуждений, из него, подметив его способности, слишком рано начали «делать» мастера. Мякон действительно быстро опередил своих товарищей.

Его природные способности поднесли ему первый успех на блюдецке, но они же в конце концов заставили начать настоящий поиск себя и в жизни, и в искусстве. В Красноярское художественное училище он поступил в 1958 году, а диплом получал... через 21 год.

Свою биографию художника Мякон начинает именно с 1979 года: все, что было до этого, — лишь тешенье себя, удовлетворение тщеславия, честолюбия, та суэта, в которой и поныне варятся некоторые его коллеги, которым, наверное, не дано осознать тщеты и преходящести своих устремлений.

Десять лет ему понадобилось для того, чтобы разобраться в себе. Он работал на лесоповале, был охотником, рыбаком, культработником, устраивался на предприятия, на которые брали только самый пропащий люд... «Благополучные» друзья уже «похоронили» Мякона. Он пережил это почти спокойно, потому что первым поставил крест на себе сам.

Он считал, что с тем «потолком» способностей, который отпустила ему природа, в настоящем искусстве делать нечего, а держаться на «автопилоте» прежнего успеха он не мог, не имел права.

И вот, когда казалось, что все кончено, его нашел друг-искусствовед, который не призывал, не уговаривал, а сказал просто:

— Ты — художник. Настоящий художник не требует каких-то особых условий, а работает до седьмого пота... У тебя ведь есть внутренняя потребность высказаться? Есть! И потому, какое ты имеешь право транжирить свой талант?

Мякон решил испытать себя. Он ушел в леса, он рубил ели-пихвы из живораствующих лиственниц, известью раскрашивал камни...

Он отрешал себя от суетности, потому что этот тяжелый груз помешал бы штурмовать новые вершины. Он приучал себя быть певцом, ведь песня, тобой пропетая, сразу же исчезает в прошедшем времени. Что сожалеть? Она — спета, она прозвучала.

Есть у художника Мякона Молчанова графическая серия «Овцебык». Черное и белое. Его резец как бы выбирает из изначальной темноты белое, свет, он как бы творит день из мрака. Казалось бы, что может дать этот сюжет? Изображение животных, необычных, могучих — только.

Почему же художник непрестанно варьирует эту тему, чем привлекли его эти тундровые исполины, древние, давно исчезнувшие обитатели полярных широт? Но вот окинешь взглядом все эти листы на полу мастерской художника и почувствуешь — это эпос. Нет человека на этих листах, но при-

сутствует извечная борьба всего живого за жизнь. Благодарна мысль художника о неизбежной победе живого.

— Я не устраиваю гонок со временем, — признается Мякон. — Только с самим собой...

Когда его товарищи, в свое время его похоронившие, с упреком говорят о том, что он потерял слишком много времени, он парирует спокойно:

— Вы уже давно в пути, а я только начинаю. Значит, у меня еще все впереди!

... Натюрморт прост: фон — старая, продымленная оленья шкура, долгое время служившая верхней крышкой чума, а перед ней, на столике — живописная группа ребячьих поделок из оленьего камуса, выделанной бересты, песцового меха, сыромятной кожи, оленьего рога — ножны, туеса, пастушья тынзяны, куклы, мужские кисеты. Так и просится этот натюрмортный сюжет на полотно. Но Молчанов не мастер «мертвой природы», в своих гравюрах и акварелях он непременно изображает живущее, живое. Однако чувство гармонии всегда должно жить в натуре мастера, и вот эту, небольшую выставку ребячьих поделок, он и представил в виде экзотичного живописного натюрморта.

Член Союза художников СССР, профессиональный мастер, сын долганского охотника Борис Молчанов руководит экспериментальным классом декоративно-прикладного искусства народностей Севера в Дудинской школе искусства. Свой класс он ведет третий год, у него полтора десятка перспективных ребят и одна мечта — стабилизировать народный художественный промысел в родном Долгано-Ненецком автономном округе. Недаром же он принял на себя такое хлопотное дело, наверное, видит в нем особый резон. На Таймыре дела с народными промыслами, пожалуй, похуже, чем у соседей на Ямале. Совхозная мастерская имеется только на одной центральной усадьбе — в Пясино.

Надо бы радоваться...

— Но лучше бы ее и не было, — с горечью усмехается Мя-

кон, он уже давно отучился говорить дипломатическую правду и признает только одну: правду горькую. — Из национальных материалов стряпают сувенирчики на провинциально-европейский манер. Не беда, что в этих сувенирах нет национального северного колорита, беда — что это попросту неорганично, в противоречие вступают — сам материал, форма и предназначение вещи.

Тяга к прикладному искусству у Мякона, естественно, от матери. Но если материнские поделки ценители со всего света видели в далеком Монреале, мяконовским ученикам до такой известности явно далеко.

Его принцип: дать раскрыться фантазии ученика. Он протягивает мне металлическую бляшку: чеканку Димы Лаптукова «Овцебык». Ученическая неумелость заметна, но зритель должен обладать не менее смелой, чем сам художник, фантазией, чтобы в этом лохматом облаке узреть овцебыка.

— Я-то ему задание давал: решай в обобщенной, крупной форме, — Мякон заметно доволен произведенным впечатлением, — а он начал в этих прядях копошиться. Хотел было поправить, но потом решил: пускай, все равно овцебык-то получится. Вот и получилось, то ли облако, то ли гора, а в общем-то овцебык. Нравится?

— Дерзко, — ухожу я от оценки.

— Так если они и поперву дерзать не будут, мастера из них получатся никудышные.

На каникулы своим ученикам Мякон дает единственное задание — собирать материал. Они привозят выделанную бересту, обрывки шкурок и мехов, очень много рыбьей кожи — налима, кумжи, омуля. Вот лапа россомахи с четырьмя когтями.

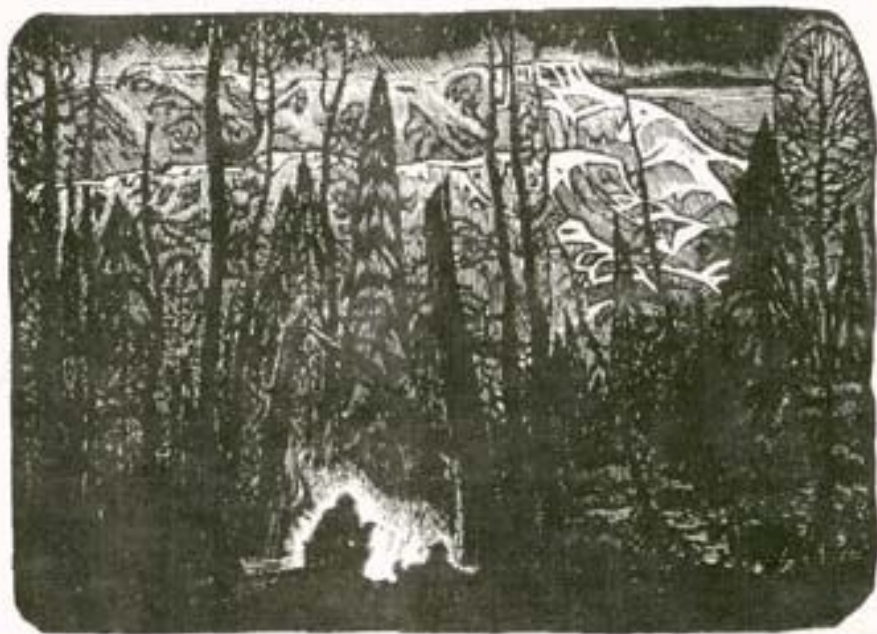
— Не правда ли, только на эту лапу посмотришь — и уже тянет на какую-то ритуальную композицию?

Учитель прививает будущим мастерам основное — чувство материала. Тот же кусок рыбьей кожи — он колоритен и неповторим. Его фактура единична, именно это и обеспечит единичность сувенира.

Может, он человек крайностей. В его гравюрах свет — освобождение от мрака, и он принимает жизнь только так — сильно-слабо, остальное — прозябание. Отношение творящего человека. Он уже прозябал, у него нет запасного времени.

Александр КУХТЕРИН

РАЗВЕДКА

(ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК АРХЕОЛОГА-ДИЛЕТАНТА)

ХАТАНГА — МЫС МАЛАЯ КОРГА — МЫС БОЛЬШАЯ КОРГА

25 июля 2012 года.

Задача: поиск на местности следов пребывания русских путешественников XVII-VIII веков.

Корабль отвалил от причала в 20 часов. Задрожала палуба.

Курс — Север. Пассажиры — долгане, конечно, пить стали сразу. Скоро перезнакомились со всеми. А я еще с буфетчицей и кокшей Оксаной Анатольевной. Она нам и пирожки с картошкой и супу Гоману из каштанской кастрюльки. Счастливые уснули. Да, детей еще куча долганских — они бродили всю ночь, прыгали по шконкам, отгадывали загадки, много загадок, которые загадывал им какой-то очкастый, хитрый старичок. Оказалось потом, что ему всего-то 56 лет... Утром ветер стал свежеть, поднялась волна, а судно-то плоскодонное, специально строилось для подхода к здешним отмелям берегам, с их приливами-отливами. Капитан — Андрей, спокойный, приветливый человек, говорит, что фарватер очень извилистый, несмотря на огромный простор речной, и на боковых ветрах судно изрядно качает и народишко травит за борт. Я уселся на кнехт в корме и вцепился в борт. На наветренный борт и, правда, смотреть страшненько. Видно, как поднимается и опускается срез кормовой. Брызги выше борта сдувает с верхушек волн ветрище. Ко мне подсел давешний старичок, я Беломорчиком у него угостился. Ну, пьяненький, как все здесь...

— Как, — говорю, переводится название поселка Сындаско? — А-а— никто не знает. Сын Дашки какой-то... И вдруг старичка пробило — А! Понял — Хын Даксу! Грязь на сетях, водоросли! Хын Дакса! Саша, с тебя бутылка за открытие!

— Это с тебя бутылка. За пятьдесят шесть лет ни разу не поинтересовался названием поселка, в котором живешь.

— А куда вы идете? На Коргу? У-у, это страшное место, жуткое... Ну спасибо! Я когда там проезжаю на «Буране» у меня руки от страха трясутся. Там кругом могилы иганасанские (он говорит — «иганашанские».) Приготовь обязательно медные денежки.

— Где я тебе возьму медные-то?

— Надо, чтобы они по цвету медные были. И везде, где заметишь, что рога оленей, нарты старые из земли торчат — сразу подкладывай туда. Можно и сигаретку. И конфетку. И не смейся!...

Да я, в общем-то, и не смеюсь уже. Там шибко могучее колдовство, шибко сильные шаманы колдовали. Оказалось, что у него в марте сын повесился 32-х лет. После зимней охоты на оленей. Как раз на Корге. Они зовут ее на свой лад — «Хорго». Все, кто носились без ума на «Буранах» за оленями, все умерли. Просто стали тосковать, сожгут и так или иначе — все померли... А уже приходится орать на ухо, волны грохочут в борт, шипит простор, одевшись в белую пену. Заливает левый борт, срочно перетаскивать вещи, баулы-рюкзаки на правый. Внутри, в помещениях страшно — люди высыпали на правый борт. Если смотреть с кормы на ходовую рубку, видно, как тяжело судно зарывается в белую пену, как брызги летят аж до мостика. Капитан подошел. Говорит, что высаживать нас в такой шторм не может, нас же нужно шлюпкой отвезить — там мелко у Малой Корги, а стоит только стопарнуть машины и отдать якорь, судно раскачает вообще, и волнища может шлюпку перевернуть. Решил идти с нами до Сындаско, а там видно будет по погоде — или переждем в бухте или потише станет. Да и ладно!

Шли в шторм еще три часа, прошли остров Последний,

Большую Коргу. Впереди... море!! Бушующее. Горизонты укрыла водяная пыль. Эх, и жуткое дело! А судну-то нашему по инструкции нельзя совсем дальше Корги, дальше уже только суда морского регистра. Да где ж их взять! Ну вот наконец на границе неба и моря словно мираж висит над водой поселочек: бараки, балки, покосившиеся домики и низкий, абсолютно голый арктический берег. На полузатонувшей барже, выполняющей роль дебаркадера пестрая толпа — дети, женщины, собаки. Встречающие и отплывающие в обратный рейс. Тут же к бортам подлетели юркие моторки, стали принимать вещи и людей. Мы помогали спускаться с высокого борта женщинам, подавали рюкзаки, сумки, гипсокартон, кресла, телевизор. Шторм стал стихать, и мы тронулись на юг. На палубе в коробке — лебеденок, серый, похожий на щенка, пушистый. Его кормят травой, хвощем — он уплетает все это и ничего не боится. Бабулька какая-то внуку везет в Хатангу. Я уговорил ее выпросить у кокши яйцо сырое да хлеба. Мне принесли и миску, сделал пюре — кормить птенца. А руки уже можно и об штаны! В полевое переоделись, болотники достали. А заодно свитеры, бушлаты, шапки зимние. И вот судно отдало якорь, и шлюпка с мотором повисла на таях. Закидали все самое тяжелое, нас с Петровичем, и поехали, подпрыгивая на волне, в белесые сумерки, к каменистому пляжу, глиняным откосам... Нам надали еще и рыбы — гольца арктического, чира, да и гуся шипанного в пакете. Заурчали дизели, и растаял в тумане наш «Таймыр», пообещав, если будет погода, забрать 6 августа. Только для этого мы должны как-то перебраться на Большую Коргу, там судно сможет подойти к самому берегу. А духота, жарница, штиль — зеркало. Лениво покатывается стеклянная волнишка, каждый камешек видно. Ну и комары, конечно, на нас, потных, набросились. Поставили лагерь в три палатки. Нашли в распадочке место за ветром, организовали печь, кухню, есть даже врытая в обрыв копильня для рыбы. Ходим в футболках, купаемся в прозрачной холодной воде. Кому расскажешь — на 73-й широте купались-загорали...

НИЖНЕ-КОЛЫМСКИЙ УЛУС. ЯКУТИЯ РАСКОПКИ ОСТРОГА МИХАИЛА СТАДУХИНА

Август. 2010 год.

... Все уже грязное, засаленное, в глине и копоты. Шея липкая, морда в прыщах, скулы от дегтя потрескались. Утром встаю вместе с дежурными, вешаю на длинный крюк котелочек чаю! И вот маленькая награда – тишина, равномерный, на одной ноте шепот ивы, плеск воды, чай и первая сигаретка. По пляжу глинистому и матово-гладкому – цепочки песцовых следов. Как мы далеко... Есть здесь какая-то рыба, местное название «каталка», а научного не знает никто. Петрович не нашел в книгах – она круглая в сечении, рот снизу и морда как у осетровых. Местные не то, что не едят ее, даже собакам не дают. Катя доложила, что прошлый год ели – вполне нормальная рыба. Ваня Юкагир говорит, что нерпу надо помаленьку кушать, и чаем запивать помногу, однако. Шибко жирная!

... Сижу в раскисшем ледяном навозе, из-под сапог выжимает желтую жижу. За щекой конфетка, по капюшону барабанит мелконький дождь, туман, низкие, беспросветные облака. Голова болит, аж потрескивает. На свинцовой реке качаются две здоровенные гагары – морские, должно быть. К обеду пошел снег. Да, говорил вчера с Галей. На пляже. Там только

берет мобильник. Ветер бьет в спину, вода шипит, несется, как бесконечный поезд. Холодина. А она, откуда-то из другого измерения, еле слышно говорит о жаре в 37 градусов, Молчановке... И приемничек мой в полиэтиленовом гриппере все о жаре да пожарах, а у нас снежок. И это только начало месяца. А все теплое уже на мне. Вот такие дела. К вечеру ветер стих, и тишина такая неестественная, совсем ни звука, с непривычки оглушает. На ужин оленья печень с макаронами, Яша гонял в Черский, привез мешок мяса и водки нам. Сетёшку штормом скрутило, забило палками. Так что – без рыбы. Ночью уже минус, спим в трех спальниках, а все мокрое, холодное. Не сохнет ни хрена... Начали новый раскоп. Мы с Ваней сразу нашли пять монет 1749 года. Наверху-то хорошо. Сухо. Баня была вечером. Желаящие похлестаться ольховыми ветками – попарились. Я не пошел – ветрище, продует еще! Только этого здесь не хватало...

КАМЕРА
ХУДОЖНИКА

*Блистательная
Кольма*

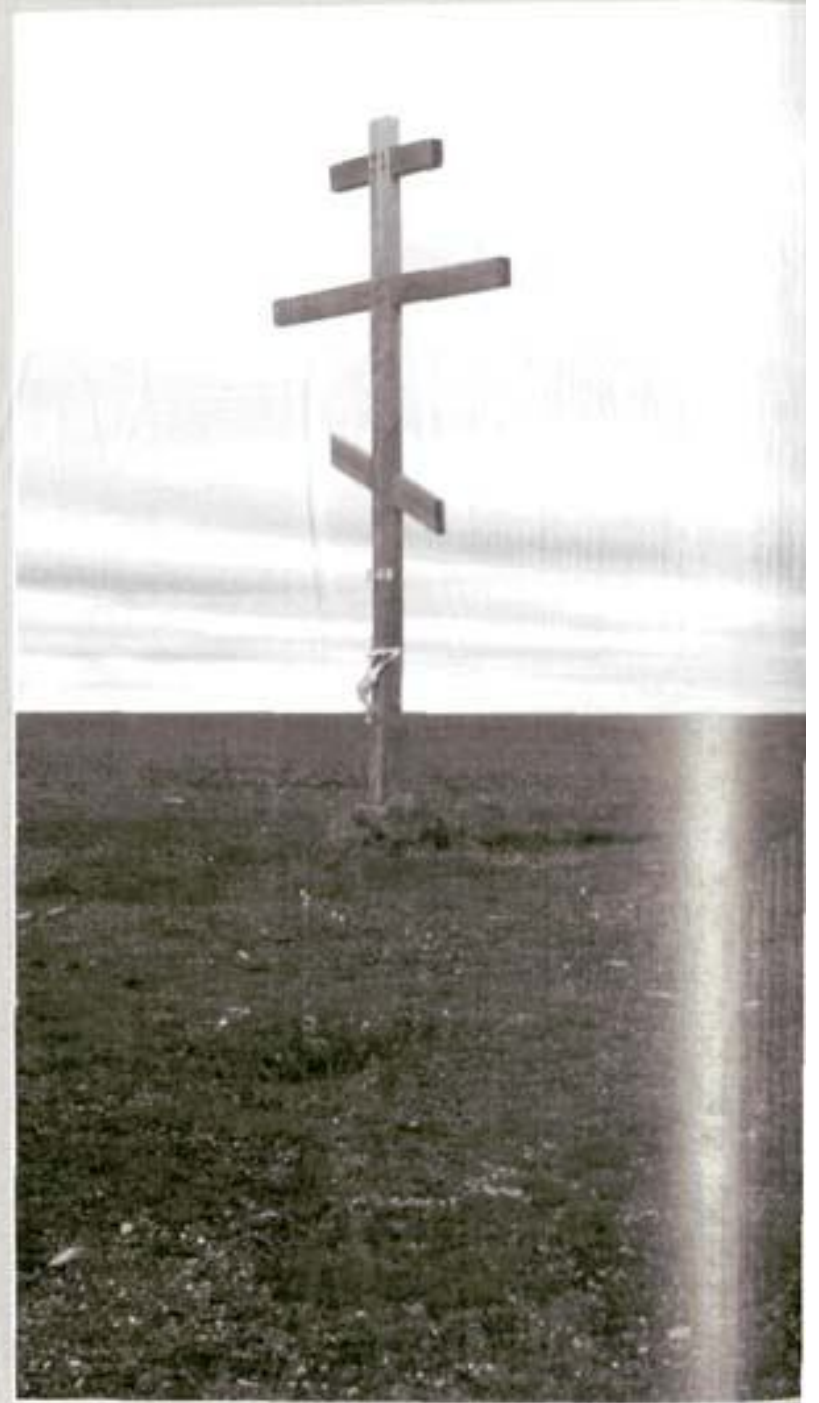
Александр КУХТЕРИН

ПОГРАНИЧНАЯ
МИЛЯ ДРУЖБЫ

Соседи по планете

Андрей ШАПРАН

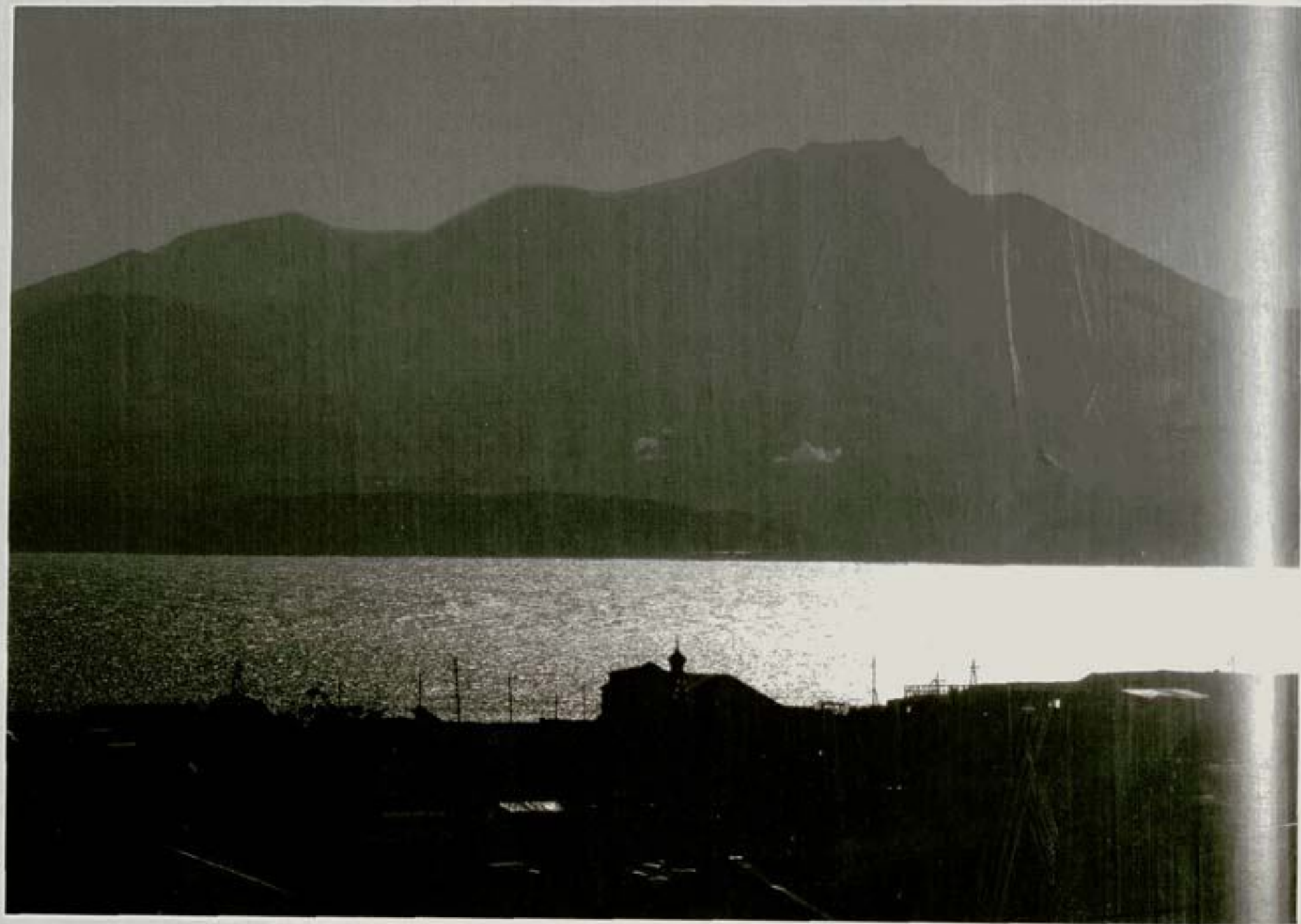

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЭТО ТЫ, ЧУКОТКА?

К весне 76-го года Мироновым овладела глубокая ностальгия. В свое время, в 1951 году, он, законно освобожденный от военной службы, добровольцем пошел в советскую Красную Армию и честно служил на Чукотке тогдашних три года.

В каждом из нас дремлет незыблемое.

Тянет и неизменное: по следам трудовой, боевой и сексуальной доблести, геройства и славы.

1976 год. Апрель.

Знаменитый губернатор Чукотки Абрамович еще не родился?

Нашумевший красногвардейский фильм «Начальник Чукотки», пожалуй, только готовился к выпуску.

Официально Миронов ехал на Чукотку перенимать передовой опыт. Он замыслил у себя в Салехарде создать современное промпредприятие – заводик по переработке оленьего сырья. Тогда все отходы многочисленного тучного ямальского оленьего стада существенно пропадали: оленьи кожи, рога, копыта. Даже дефицитными лечебными оленьими хуями (для Гонконга) стали торговать гораздо позже. Уже после Миронова.

Куча добра пропадала.

Говорят, на советской Чукотке это дело наладили рачительнее. Рядом – арктический аляскинский капитализм, американская рациональная жадность рентабельности.

Телевидения на ту пору в Салехарде еще не существовало, но зато гремело и процветало мощное и влиятельное ямальское радио, и лидер советского Ямала Константин Иванович Миронов взял в дальнюю поездку меня.

Совпали. Дельный интерес и армейская ностальгия.

Я честно репортерски осветил деловой ностальгический вояж. Как-то все на бегу и запростяк получилось, совершенно не предполагалось, что это моя не только первая, но и последняя, единственная встреча с Чукоткой. Другой не будет. Подразумевалось, что это разведка, а потом случится еще уйма времени, и мы честно пошагаем-потопаем по удивительному краю на переломе двух могучих континентов. Известно: дело молодое – все впереди. Когда много едешь – редко задумываешься, что – а вдруг! – ты здесь в последний раз. Больше не будешь. Не случится. Взглянуть на все это обычное как в последний раз. Прощально. Больше не произойдет. Великое платоновское: пусть каждая твоя написанная строка будет как последняя...

К единственной встрече я не готовился. Мироновский замысел. Мы при сем при том. Чукотка по-рабочему, на бегу. Мы сами, самостоятельно соберемся, капитально, основательно, чтобы открыть для себя Чукотку – перелом двух континентов.

Ясно же, когда-то давно, за пределами человеческой вечности, это была единая суша – планетарная земля АзияЕвропаАмерика. Евроазамерика. Потом платформы стали рваться-разъезжаться. Рвется там, где тонко. Тонко было там, где сегодняшняя Чукотка. Вон он как вытянулся – Чукотский мыс с Уэленом на носу. Здесь растягивались и рвались земные платформы. Чукотка на карте как бы тянется за Аляской, все еще не верит, что всё, порвалось. Точка. Берингов пролив.

Мистическое место. Явный обрыв двух планетарных земель.

Конечно, командировочное время замешалось круто, напроць перемешалось. У Миронова всего четыре дня, график составлен без продыха плотно. Аэродромное расписание автобусной точности. Ни минутки свободной. Встречи, беседы, экскурсии, обходы, деловые переговоры, застолья на бегу, на больших скоростях.

Нет свободной минутки для встречи двух океанов и двух континентов.

Где-то...

Непогодило, рейс задерживался. Я уллучил минутку. Вышел на берег океана. На суше – существенная зима, на воде – штормовая осень. Подышал морозной сыростью. Это океан разделит единую сушу.

Я всегда подозревал: вода – это разлука.

Я подышал сущностью Чукотки. Хотелось побольше. Но времени в обрез.

– А ты спрашиваешь? – встретил меня довольный Мионов. – Да хоть одним глазком вспомнить.

Я сначала забыл, а потом потерял чукотские радиорепортажи. И поделом: не на вечность писаны. Потом что-то заезозило: чего ж это я там написал и увидел. Года три разыскивал старые записи, не находил. Потом вспомнил: есть такая вечная ценность: архив.

В Салехардском архиве хранятся папки старых радиопередач. Архивные любезные девушки достали мне аккуратные тетрадки. Наверное, духа чукотской вечности молодой репортер не уловил, но аромат времени пропустить трудно. Что это я там наглаголил своим радиослушателям в девятьсот семьдесят четвертом году?

РАССВЕТ НАД ЧУКОТКОЙ

Анадырь встретил тридцатиградусным морозом и резким ветром, его здесь, кажется, именуют «хиусом». Улетали из Салехарда при апрельских минус трех, в Хатанге случилось чуть похолоднее. Если учесть, что на Чукотке нынче выше

минус двадцати пяти не было, то ясно, что климат на Дальнем Северо-Востоке страны пожестче, чем на ближнем сибирском. Близость двух океанов делает погоду резко изменчивой: четверть часа лёту – и из сумасшедшей пурги попадаешь в безоблачно спокойный день. Четыре дня недели – с обязательными ветрами. Жители Чукотки получают стопроцентный районный коэффициент, и 10 «полярнок» через пять лет. Обоснованно.

Северо-Восток – совершенно другие временные измерения. 10 часов анадырской разницы с Москвой. У Магадана – только восемь. В одном Анадырском районе (его площадь с приличное средневропейское государство!) стрелки часов отстают-опережают на одно деление.

Приглядимся внимательнее к карте. Мы говорим: восток дальний, а ведь Чукотский полуостров – чистое западное полушарие. Ни один житель экзотического края не согласится, если Чукотку назовут «краем земли». Он, пожалуй, с гордостью поправит: «начало нашей страны», ведь отсюда начинается шестые советский день.

– Краем восходящего солнца, – пылко утверждала нам председатель Чукотского окрисполкома, член Президиума Верховного Совета Советского Союза Лина Григорьевна Тыньель, – следует называть не Японию, а именно нашу Чукотку. Наш рассвет раньше.

К особенностям Чукотки привыкнешь не сразу: проснувшись рано утром, слушаешь последние московские вечерние радионизвестия Москвы... прошлого дня. Газеты неизбежно запаздывают на сутки.

Чукотка – край, обгоняющий общее время страны.

Холодная, далекая земля, но полноценно трудится на благо страны. Забытую окраину не зря называют «золотой». Она выдает почти половину добычи «валютного цеха родины» – Магаданской области: кроме золота – вольфрам, олово, уголь.

На пресс-конференции, организованной для ямальской делегации, первый (неприлично молодой для первого, по сравнению с ним Мионов выглядит матёро, настоящий партзубр)

секретарь окружкома Александр Погребной формулировал:

– Округ представляет себя промышленным. На Чукотке – первая на Севере, построенная в условиях вечной мерзлоты, Билибинская атомная электростанция. Запускаем последний, четвертый энергоблок. Четыре крупных горно-обогатительных комбината – в заполярном Певеке, в Билибино, в Иультине, Поляринский, плюс четыре самостоятельных прииска. Шахтерский край – уголек Чукотке обеспечивают шахтеры Беринговского района и угольные копи Анадыря. Пять геологоразведок осваивают 50 миллионов рублей капитальных вложений. Работает нефтеразведочная экспедиция. Первая удача: в прошлом декабре получен промышленный фонтан газа. Нефтяники считают Чукотку перспективной территорией, надеются в десятой пятилетке получить фонтаны «черного золота».

В Анадырь из Москвы нас доставил комфортабельный Ил-18. Анадырцы могут похвастать замечательным аэропортом с взлетно-посадочной полосой, на которую, как прогнозируют, уже «прицеливается» Ту-144. 13-часовое расстояние от столицы Чукотки до столицы Союза сократится еще на пяток часов. На внутренних линиях летают краснополосые Ил-14, Як-40, естественно, без вездесущих «Аннушек» в Арктике обойтись нелегко. Крупные авиаподразделения базируются, кроме Анадыря, в Билибино, Певеке, на мысе Шмидта. Аэропорт Черский в соседней Якутии «нацелен» на Чукотку.

Четыре крупных морских порта – Певек, Провидения, Эгвекино, Анадырь – позволяют завозить в округ, не имеющий собственных автомобильных и железных дорог, все необходимое для предприятий и продовольствие для населения на год жизни и работы вперед.

25 строительно-монтажных организаций строят солидно и капитально, в основном доминируют каменные и кирпичные сооружения. В Анадыре задействован домостроительный цех.

Чукотка – край стабильно развивающегося сельского хозяйства. Здесь самое большое в стране оленье поголовье – более полумиллиона животных. Процветают исконные отрасли

хозяйства эскимосов и чукчей – морской зверобойный промысел: добыча кита, нерпы, моржа, тюленя-лахтака.

Рентабельность народного хозяйства Чукотского национального округа выражается цифрой в 300 миллионов рублей.

Анадырский экскурсовод поведал главную тайну установления советской власти.

– Все долги местного населения, а долги очень большие, ревком сразу и бесповоротно отменил.

Люди, понятно, безоговорочно поверили щедрому ревкому.

Но те, кому были должны наивные чукчи, не собирались мириться с тотальной потерей собственности. Ревком продержался полтора месяца. На берегу Анадырского лимана стоит памятник первому ревкому Чукотки. Отсюда, от братской могилы первоначальных чукотских революционеров, начиналось счастливое будущее сурового, но богатого края.

БЕРЕГ ДВУХ ОКЕАНОВ

Помните песню Бориса Вахнока об «Аннушке» и «Антоне»:

Надо ль на Анапу менять Анадырь,

И залив Креста на Крещатик менять?

Залив Креста – лиман, глубоко врезающийся в основание Чукотского полуострова. Аэропорт именуют «Залив Креста», но морской порт – Эгвекино.

Наш Ил-14 летит курсом на центр Чукотского района – поселок Лаврентия, но погода безнадежно испортилась, пришлось срочно приземляться в Заливе Кресте.

Эгвекино жмется в тесном каменном «мешке» сопки. Со стороны аэродрома его дома четко вырисовываются на белом «экране» отвесно возвышающейся полукилометровой скалы. Поселок компактен, уютен, фоновые горы придают ему незабываемый вид.

Эгвекино – центр Иультинского района. Район большой. Может, нигде в Союзе нет района, который бы омывался во-

дами сразу двух океанов. В Иультинском районе – южная граница – Берингово море, Тихий океан, северная – Чукотское море, Северный Ледовитый океан.

По добыче вольфрама район находится в первой союзной пятерке, по добыче россыпного золота – в первой десятке. Иультинский горно-рудный комбинат имени Ленина – едва ли не крупнейший в Магаданской области. Иультин находится в нескольких десятках километров от Чукотского моря, с районным центром его связывает редкая в здешних местах круглогодичного действия двухсоткилометровая магистраль, построенная четверть века назад. Из залива Креста в Иультин везут доставленные морем грузы, а с горно-обогатительного комбината в морской порт – рудный концентрат.

В чертовой дюжине километров от Эгвекинота поселок Озерный, база районной тепловой электростанции. Мощность ее – 27 мегаватт. Для сравнения – это три Салехардских электростанции.

Главный потребитель – Иультинский горно-обогатительный комбинат. Линия электропередач шагает рядом с автотрассой. Родились вместе и благодаря друг другу.

Знакомя с предприятием, директор ТЭЦ Анатолий Мелешко объяснял:

– Работаем на углях местных месторождений – Беринговского и Анадырского. Энергетика – вещь особая, мы не можем «хранить» электроэнергию на складе, не можем выполнить план даже на 101%. Максимум перевыполнил – на 0,5%. 101% – нас уже вовсю ругают. Стараемся, чтобы не ругали, работаем неплохо. Перспективы – передача энергии на прииск «Восточный», на Мыс Шмидта и долгожданная подача тепла в Эгвекинот.

Привлекает, понятно, могучее оборудование ТЭЦ, впрочем, и то, как заботятся о рабочих. Поселок энергетиков Озерный и ТЭЦ связывает, что бы вы думали? – «метро»! Так называют шестисотметровый подземный туннель. В центре поселка вы входите в него, чтобы через несколько минут по-

пасть в свой цех. Канава рылась для технических целей, но строители подумали и переделали ее в подземный переход. То, что это очень удобно, говорить не приходится. В Озерном пять дней из семи – метельные. Шофер Кирилл, везущий нас на ТЭЦ, профессионально определял мощность местной пурги:

– Дует: пробку радиатора не видеть.

Гордится электростанция своим плавательным бассейном. Хозяева пригласили нас искупаться. Пятиметровая глубина, вышки для ныряния, постоянно меняющаяся вода, комнаты с «искусственным загаром». Несколько часов – и никакого тебе юга. Плавбассейн энергетики строили методом субботников, приспособили вспомогательное помещение. Обошлось недорого. Желающих невпроворот.

Что такое купание в морской свежести воде, да в разгар полярной ночи – северян не стоит особо уговаривать!

Зав. подсобным хозяйством Владимир Ничипуренко знакомит со своими обширными владениями. Почти тысяча квадратных метров теплиц, всю зиму выращивают зеленый лук, полярным летом снимают урожай огурцов и помидоров. В птичнике 6 тысяч кур. В коровнике –

60 коров. Особо зарекомендовали себя в высоких широтах коровы йоркширской породы: невысокие, но крепкие – они дают молоко большой жирности. «Англичанки» достойно адаптировались к Чукотке.

Не частая роскошь для северян – свободно купить в магазинах свежее молоко, свежие яйца, овощи, зелень. На ТЭЦ почти нет текучести кадров.

Надо бы не забыть и о противотуберкулезном санатории. Четыре корпуса расположены в межгорной долине. Сюда съезжаются больные дети из всех районов, проходит курс лечения. Здесь есть все для современных и эффективных методов лечения. Усиленное, пятиразовое питание: свое подсобное хозяйство.

Девочки под присмотром воспитательницы вязали и слушали сказку на пластинке. Ребята лепят, приглашают войти.

В столовой бойкая повариха Валентина предлагает отве-
дать фирменных «галушек» и показывает меню полдника:
свежие яблоки, апельсины, фруктовый компот. Это ты, Чу-
котка?

Полторы сотни маленьких чукчей, эскимосов, чуванцев,
эвенов, ламутов ежегодно прощаются с санаторием в Озер-
ном, избавившись от болезни, которая ставила тундровиков
на грань едва ли не полного вымирания.

Советская власть принесла в холодную тундру живой свет
новой жизни. (Классно!)

СТОИТ ЛИ МЕНЯТЬ ЗАЛИВ КРЕСТА?

Стимул развития отдаленного края – поиск геологов. Это
они обнаружили на огромных пространствах бассейна вели-
кой Амгуэмы россыпи золота, олова, вольфрама, находят
драгоценные аметисты и аквамарины.

Начальник Восточно-Чукотской комплексной экспедиции
знаменитый Юрий Борщев с указкой в руках у карты обла-
сти, знакомя нас с поиском на Чукотском Севере, показывает
куски кварцита с тусклыми золотыми проблесками, невероят-
ной красоты наплывы вольфрама на том же кварците.

– Мы перешли работать на совершенно неисследованную
Ванкаремскую низменность. Пробурены скважины ударно-
канатного бурения на очень большие глубины – до 180 мет-
ров. Пока все эти россыпи идут по разряду забалансовых.
Пока. Основные работы в районе Иультина – в окрестностях
действующих предприятий. Прошлый сезон «урожайный».
Выявили крупный район на Чаантале – запасы олова сопоста-
вимы с Иультином. Ищем железную руду, ртуть, полиметал-
лы и редкоземельные элементы.

Главная задача геологов – сырье для Иультинского горно-
рудного комбината и прииска «Восточный».

Геологи экспедиции вышли на самую восточную точку на-
шей страны – Мыс Дежнёва. Знаменитый берег, возможно,
золотой в прямом смысле слова.

Рассказывая об Эгвекиноте, нельзя миновать его морской
порт. Удобную бухту облюбовали первые русские мореходы.
На добрую сотню метров уходит в залив каменный пирс.
Мощные стрелы трех «братьев» – кранов «Альбатрос»,
«Абус» и «Ганс» – в апреле еще бездействуют, но летом, вы-
гружая из морских транспортов сотни тонн грузов, работают
на измот. Порт солидно оснащен – вместительные японские
склады, угольный пирс, механизированная линия генераль-
ных грузов.

Залив Креста – уникальная бухта. Единственная на север-
ном побережье Тихого океана может принимать морские суда
более полугода.

Поэт ставил вопрос конкретно:

– Надо ль на Анапу менять Анадырь, и залив Креста на
Крещатик менять?

Ветераны Эгвекинота своей жизнью отвечают, что любой,
самый холодный край можно сделать человечески теплым.
(Классно!)

ПЕРВЫЙ ФЛАГ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

Поселок Лаврентия особенно прославился в дни трагиче-
ской «Челюскинской эпопеи». Именно из Лаврентия и Ванка-
рема полярные пилоты вывозили попавших в ледовый плен
моряков и полярников. В Лаврентия (он не склоняется) до сих
пор сохранился домик, где жили спасенные. Сейчас здесь
медицинская лаборатория. Скромная, постаревшая доска
вспоминает о героических событиях. Небольшое здание уто-
нуло в снежном сугробе, с точной надписью можно познако-
миться, пожалуй, лишь дождавшись лета.

Лаврентия – название поселок получил по имени бухты –
центр самого восточного в нашей стране Чукотского района.
Район – первобытно-аграрный: три оленеводческих совхоза,
планируется создание крупного звероводческого комплекса.

Побывать на Чукотском полуострове и не захватить в Узлен
– непростительно. Погода, как любят выражаться аэродром-

ные диспетчеры, «на пределе». Но наши пилоты все же рискнули. (Еще бы не рискнули – Миронов смотрел так, будто его жизнь окончательно не задалась, если он в сей момент не посмотрит родной до боли Уэлен).

Под крылом «Аннушки» – суровый, величественный пейзаж: вздыбленные сопки, протяжные горные плато с узорными следами бесновавшихся здесь пург. Среди белизны прибрежного припая мелькнуло серое пятно – открытая вода, Берингов пролив свободен.

Берег внизу становится все круче, обрывистее: это мыс Пээк – «низ» Чукотского «носа». Сейчас будет мыс Дежнёва! Но – незадача. Густой туман, поднимающийся от воды, заслоняет плотной пеленой восточную оконечность азиатского материка. Командир Ан-2 Владимир Дорошенко и его «второй» – Владимир Юшенко, с молодой настойчивостью ищут просветы в этом молоке, но – тщетно! Если честно, дело обстояло так. Военная тайна, но сегодня ее уже можно рассекретить. В подцензурном репортаже тогдашние обстоятельства были невозможны. Мы уже приземлились в Уэлене, и первый Володя на ушко шепнул:

– Ну мы чуть не втохались!

Когда желанный мыс начал прорисовываться, «Аннушку» вдруг резко трянуло. Да чего там трянуло! Она падала, пожалуй, метров сто. Просто падала. Или ныряла. Душа ускользнула в пятки, пустые яйца зазвенели.

Наши пилоты увлеклись. А ведь тут проходит государственная граница, прямо в атмосфере, по воздуху, граница не с кем-то, а главным врагом, который притаился на противоположной американской Аляске. Кажется, наша «Аннушка» сантиметра на два-три в границу залезла. Нарушила! Ребята резко и дернули, давали дёру с нейтральной полосы. По своим и чужим тогда доблестные защитники воздушных рубежей палили без предупреждения. Миронов выслушал сурово, ведь это он же был косвенной причиной возможного военного конфликта.

– В наши времена, – молвил только, – тоже били без предупреждения.

Мыс Дежнёва мы увидим только «со спины». Мелькнул обелиск, поставленный отважному русскому мореходу, крест, заброшенный домик. Обелиск на мысу поставили гидрографы. Это даже не памятник, а гидрографический маяк с бюстом Семёна Дежнёва. Крест соорудили русские моряки в начале века. Раньше на самом мысе находился небольшой посёлок, который «переехал» в Уэлен.

Уэлен вытянулся ровным рядом домов на береговой косе. Северная граница посёлка – Северный Ледовитый океан, южная – лагуна Тихого. Конкурентов по географической уникальности у Уэлена на планете нет.

Известность небольшому посёлку добавляют прославленные мастера резьбы по моржовой кости. Косторезная мастерская принадлежит совхозу «Герой Труда». Косторезы по заработкам на равных конкурируют с оленеводами и морскими зверобоями. Их мастерская работа пользуется большим спросом в стране и за рубежом. За нее охотно расплачиваются звонкой валютой.

Мастерская – хорошо оборудована. Орудия ремесла резчиков-гравёров изменились не особо, но мастера охотно пользуются электрическими дрелями с фигурными насадками.

На стене директорского кабинета у хозяина Александра Яковчука – портрет старика: морщинистое лицо, внимательные мудрые глаза. Это заслуженный художник РСФСР, кавалер ордена Ленина, основатель уэленского косторезного промысла мастер Вуквутагин. Старик умер, но его ученики продолжают дело. В стенах мастерской работают заслуженные художники Российской Федерации Туккай, Хухутан, Эмкуль, Сейгутэгин. Настоящее созвездие мастеров. Мировой класс. Моржи всей планеты могут быть благодарны своим мастерам. (Классно!)

С уважением вспоминают в Уэлене талантливого народного художника Вуквола. Он пионерски внес в традиционные

мотивы новые темы. Это его гравировка – на моржовом клыке портрет Ленина. (Моржовый Ленин). Мастерская располагает уникальным собранием работ знаменитых уэленцев. Хотя, понятно, шедевры раскупаются и расходятся по миру. Как всегда, лучшие сапоги сапожника – в другом месте.

Чукотский хохол Яковчук рассказывает, что мастерской требуются местные чукчи и эскимосы. Много мастериц. Моржовый клык добывают совхозные звероловы. Ближайшее большое лежбище моржей – в полутора десятках километров от Уэлена.

Впрочем, мастерской приходится расширять ассортимент. Мастера осваивают китовый ус, китовую кость, мастерицы начали изготавливать национальные коврики из оленьей замши. Коврики расписываются акварелью. Станный, но выразительный союз.

На подаренном мне моржовом клыке – нехитрый мотив, созданный художницей Иочитегиной. Охота на тюленей: охотник, притаившись между льдин, стреляет из карабина по тюленям. Двое его товарищей возвращаются с добычей. На другой стороне клыка – возвращение домой оленевода. Встречать его выбегает сынишка, вышел и старый отец, радостно встречает хозяина пса. У яранги жена. Скупыми штрихами намечен типичный пейзаж – всхолмленная тундра. Чукотские сопки. Простота. Искренность.

Ювелирная точность, четкость природного образа, бесхитростные сюжеты вечного бытия, наверное, это принесло народному искусству международное признание.

...Красный флаг над Уэленским сельским Советом – последний советский флаг на нашей земле. Впрочем, любой уэленец опять же поправит – первый флаг на советской земле. Ведь именно отсюда начинается свое шествие советский день. 800 жителей этого маленького поселка гордо и достойно несут доставшуюся им высокую честь начинать утро великой страны. (Классно!)

СОВХОЗНЫЙ БАДЕН-БАДЕН

С чего бы начать рассказ о колхозе имени Владимира Ильича Ленина? С рассказа о его центральной усадьбе, ухоженном и опрятном селе Лорино? Или о совхозном музее? Или о совхозном директоре – северянине с тридцатилетним стажем Григории Гутникове? О знаменитых уникальных «Горячих Ключах?» Пожалуй, в этом порядке.

По Чукотке мы в основном летали. Над Чукоткой. Краснополосый (принадлежности бывшей полярной авиации) Ил-14 садится почти на всех здешних аэродромах. В Лорино же мы ехали на вездеходе. Расстояние сравнительно небольшое (по местным масштабам) – четыре десятка километров, а постоянные ветры так разутюжили и утрамбовали тундру, что лучшей дороги, пожалуй, и не придумаешь. Вездеход в «пассажирском» варианте – явное свидетельство: «Лаврентия – Лорино» – маршрут найденный.

Центральная усадьба совхоза – современный северный поселок, обязательные больница, аптека, школа с интернатом, клуб, магазины, причем один – самообслуживания. Совхозные мастерицы изготавливают из шкур нерпы, тюленя, лахтака, оленя, песца – красивые, со своеобразным национальным орнаментом вещи бытового обихода – шапки, торбаса, кухлянки, даже дамские шляпки: для здешних модниц.

Гордость лоринцев – краеведческий музей. Трудился здесь энтузиаст – таксодермист Владимир Плечев. Это он изготовил чучела обитателей моря и прибрежной тундры. Как живые! Встал на лапы хозяин прибрежных льдов белый медведь, хищный волк задирает оленя, заканчивает кровавое пиршество коварная россомаха: ощущение подлинности настоящей звериной жизни. Столь же искусно изображены птичьи базары. Берингово побережье славится многошумными птичьими ярмарками. В нескольких километрах от Лорино – на мысе Халюскина – царство гагар, на мысе Кригугун – бакланов.

В небольшой комнатке, отведенной под музей, сошлось прошлое и настоящее народов, искони населявших морское побережье. Орудия древнего промысла, наконечники стрел, плащи из моржовых кишок, и здесь же – современная рабочая одежда нынешних морских зверобоев.

Хозяйство в Лорино – многоотраслевое. Здесь добывают морского зверя, несколько оленьих стад, собственные теплицы и птичник. Возглавляет совхоз опытный северянин Григорий Семенович Гутников. Первый секретарь Магаданского обкома КПСС Семен Шайдунов писал о коллеге: «Опытным организатором оказался Гутников (до этого работал секретарем Чукотского райкома партии и председателем райисполкома), когда согласился остаться в Лорино председателем колхоза. Десять лет работает там, главной заботой у него сейчас остается оленеводство. Хорошо живут в Лорино, – продолжает партийный лидер. – Рабочий получает 200-300 рублей в месяц, не считая денежных премий, натуральных поощрений за труд. Лучшие из звероводов получают за ударный труд по две и три тысячи рублей премии. Оленеводы хорошо зарабатывают, особенно – бригадиры, по 500-600 рублей в месяц. Лучшие из них в порядке дополнительной оплаты получают оленей».

Побывать в совхозе имени Ленина и не съездить в Горячие Ключи – верх неуважения к хозяевам. Обычный чукотский пейзаж. Поселочек расположился в распадке, горизонт со всех сторон закрыт покатыми сопками. Но из-под земли здесь бьет горячая вода. В подгалинах снежные сугробы, над никогда не застывающими озерцами постоянный пар. На природном тепле работают теплицы, на столе – свежий салат, редис, огурцы. Устроена нехитрая купальня. Побыл в ней подчасика – зарядишься энергией на целый день. По целебным свойствам, как говорят специалисты, вода Горячих Ключей не уступает знаменитым источникам Баден-Бадена. Летом здесь проводят горячие пионерсезоны...

После купания собрались в просторном зале профилактория. Григорий Семенович – заядлый кинолюбитель. Он при-

вез с собой киноустановку, экран заменила белая простынка, и под равномерный гул моторчика «Украинь» Гутников комментирует кадры собственноручно снятого фильма.

– Вот вездеход. На этом ГТТ кочует первая бригада. Эти домики мы делаем сами. Проект Ленинградского института. Он открытый. Там печка стоит. Очень удобно, зимой особенно. Летом обычно ребята там любят жить. Рация в каждом домике. В каждой оленеводческой бригаде по одной упряжке обязательно собачьей. Оперативности больше. Кетати, у нас неплохо поставлена торговля в тундре. Чукотементоры выезжает и торгует. Оленеводы очень любят торговать и торговаться. Вот распаковывают товары. Нет никаких прилавков, на нагты раскладывают – свободный доступ.

Оленеводство на океанском побережье имеет свои особенности. Здесь мало ягельников, зато летом обильная трава. Нагул происходит за счет летнего выпаса. Теленок в августе весит полцентнера. Взрослые быки достигают полутора центнеров.

Выгодная совхозная статья – добыча морского зверя. Кадры, снятые совхозным директором, показывают перипетии сложного промысла.

– Мы начинаем охоту в мае, км за 15. Вельботы тащим на собаках. Начинаем охоту с кромки льда. Добываем моржа и лахтака. Основная добыча – весной. Сейчас будет, смотрите! Стрельба по моржам. Вон моржи! Во! Во! Обычно раненого моржа не стараются убить сразу на воде. На льдине бьют. Это на льдине все делается, прямо на льдине, на плавающей льдине. Моржей стараются бить более крупных, на тонну, 1500 килограммов – не менее. Видите, морж, вот он, вот гарпун – бросок! – Уже вытащили. Два моржа на вельбот. Куда идет мясо моржа? Коренное население в основном им питалось. Заготавливают впрок «копольхен» – на зиму! и для себя, и для собак.

МЫ ЕЩЕ ВСТРЕТИМСЯ, ЧУКОТКА

Географическое наименование бухты Провидения теряется в исторических глубинах. Те, кто пишет Провидения, связывают это название с истовой религиозностью российских матросов, которые с божьей помощью нашли здесь свое спасение от жестокого шторма. Те, кто пишут Проведения, спускаются с небес на землю, и связывают название с эпизодом, когда русские суда благополучно прошли (были проведены) в удобный залив.

Русские мореплаватели, повседневно имевшие дело с опасной стихией, понятно, богобоязненны, но, пожалуй, не столько божий промысел спасал их, а крепкие руки и нервы, отчаянный нрав, мужество, неукротимый дух, светлая голова.

Так или иначе название Провидения – чисто морское, жители ним заметно гордятся. Провидения – крупный морской порт, здесь останавливаются для заправки водой суда, идущие из Находки на север, и из Певека на юг – к Камчатке и Владивостоку.

Если смотреть на карту, Провиденская бухта «утиным клювом» врезалась в «подолу» мыса Чукотского, трудно найти более удобную стоянку для судов арктического плавания. Залив подковой окружают высокие и крутые сопки. Под площадку городка строители отвоевали крохотный плацдарм, поэтому единственная улица четырехэтажных домов жмется к отвесному склону скалы, словно намереваясь влезть на неё. Дугообразная подкова дороги из аэропорта в поселок идет по ущелью над морем. Вид опасно своеобразный.

Провидения обязательный пункт нашего маршрута – здесь находится работающий на оленьем сырье кожевенный завод. Известно, что на Ямале ежегодно забивается около 80 тысяч оленей, но все кожевенное сырье практически не перерабатывается, а отправляется за пределы округа. Деньги на сторону, чужому дяде. На Чукотке сумели решить эту проблему.

Пояснения на заводе давал начальник Магаданского управления местной промышленности Андрей Бондарь.

– Вырабатываем лицевой хром, велюр – тип замши, кожевенные товары, мездру из шкур местного оленя. Значительное количество шкур имеет дефект – они поражены оводом. Более рационально перерабатывать на велюр или на мех. Из меха коврики шьем, шапки. Считаем, направление перспективное. За год на заводе перерабатывается 45 тысяч оленьих шкур. Две трети идут на выделку качественного хрома.

Бичом для оленеводов, как и для тех, кто обрабатывает оленьё сырье, остается подкожный овод, который дырявит, буквально «решетит» шкуры.

– На заводе выход нашли, – рассказывает директор Василий Волков. – Мы не выбрасываем шкуру, пораженную оводом, – если её перерабатывать – стоит она от 7 до 13 рублей. И качество неплохое. Оленеводы стали интенсивно применять препарат «Байтекс», сырье поступает качественнее.

Василий Яковлевич для сравнения показывает две шкуры. Один живой олень обработан «Байтексом», другой – нет. На обработанной шкуре нет ни единой дырочки. Другая издырявлена свищами.

– Головные уборы пошиваем, шапки-«магаданки», шапки из хвостов песца – олимпийки, финки. Нож сувенирный из рогов оленя выпускаем, «нерпochку» выпускаем, «моржа» выпускаем. Из шкур нерпы шьем комбинированные перчатки, выпускаем панно. Выпускаем ножи, сам нож – из рога северного оленя, а чехол делается из дерева и обтянут шкурой нерпы.

Короче говоря, все отходы на сто процентов используем.

Выразительны сувениры из отходов кожевенного сырья, аппликации из кожи, изделия из оленьих рогов. Жители поселка часто пользуются услугами местных бытовиков, не едут за обиходным ширпотребом куда-то на «материк».

В Провидения встретили начальника Магаданского областного управления по делам полиграфии и книжной торговли. Во всех восьми районах Чукотки выходят трехразовые четырехполосные газеты, в Анадыре – шестиразовая окружная «Советская Чукотка» и её трехразовый дубль на чукотском

языке. Ежегодно Магаданское книжное издательство выпускает до семи тысяч экземпляров книг на чукотском языке. Ведется серия «Чукотская Лениниана». Регулярно издаются книги популярных земляков – Юрия Рытхеу и Антонины Камыт-вааль.

Анадырское радио ежедневно передает сорокапятиминутную программу на чукотском и эскимосском языках. В программе местного телевидения (кстати, на Чукотке уже четыре станции «Орбита») звучат передачи на местных языках.

Эти факты – честное свидетельство постоянной заботы советской власти о развитии культуры коренных обитателей Чукотской тундры. (Классно!) (Мироновская школа партийной радиопублицистики).

Чукотская легенда гласит: «Летел над землей золотой олень. На краю земли смерть настигла его. Копыта золотого

оленья упали на Колыме, рога – на Аляске, туловище – на Чукотке». (Отметим – Аляске достались рога!)

О золоте Колымы и Аляски широко известно. «Золотая» эра Чукотки лишь начинается. Начало успешное, перспективы захватывающие. Народная легенда говорит о блестящей будущности сурового края. Старт будущего мы наблюдаем.

В чукотском языке нет слова «прощай». «Атав», которым чукчи пользуются при расставании, обозначает «до свидания».

Уезжая с этой холодной, но гостеприимной земли мы говорили:

– «Атав!»

Предполагается:

– Мы еще встретимся, Чукотка.

Предполагалось...

Советский Союз

СИБИРСКАЯ
АМЕРИКА

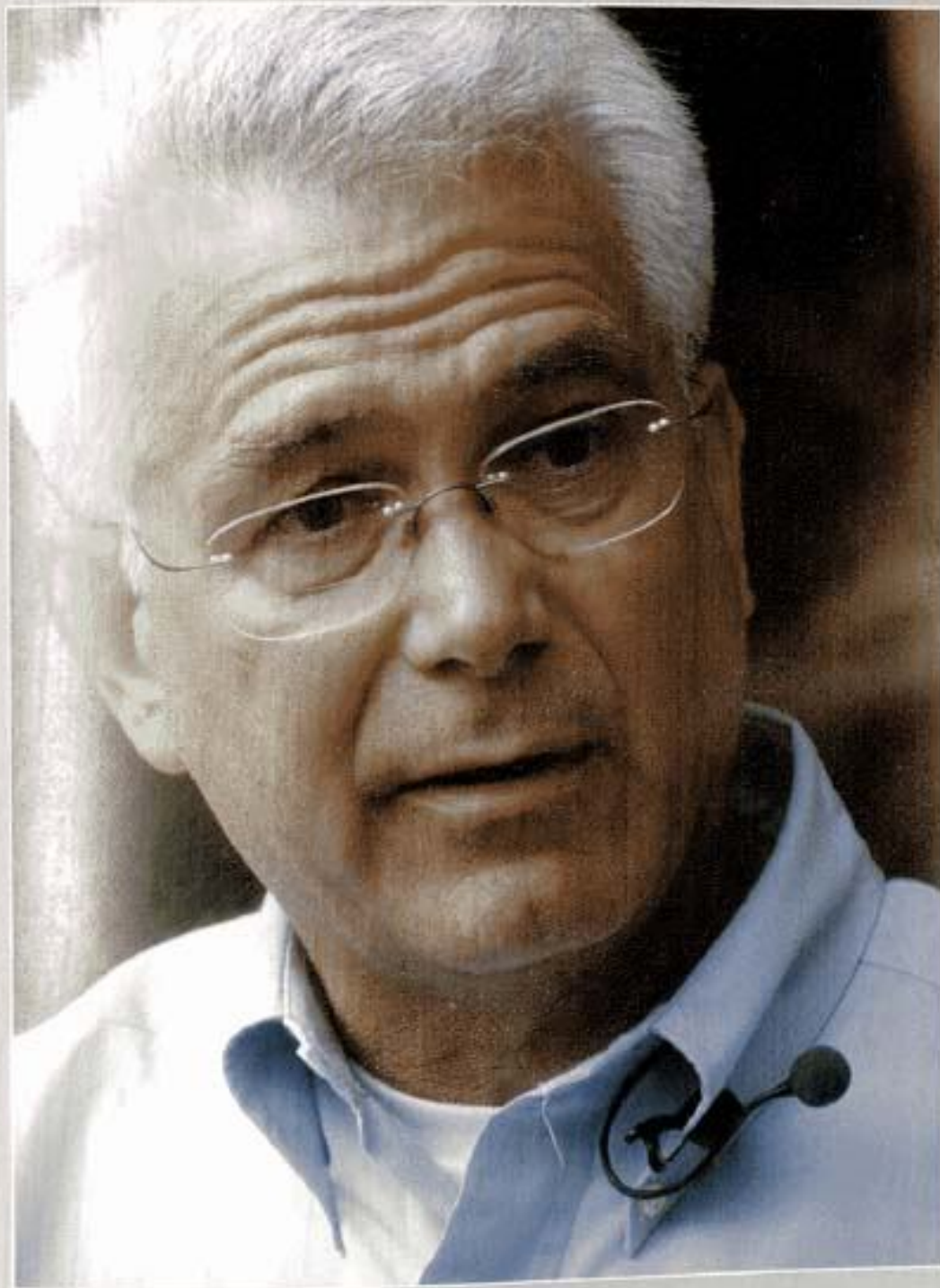
*Американская
Сибирь*

Эдуард УЛЫБИН

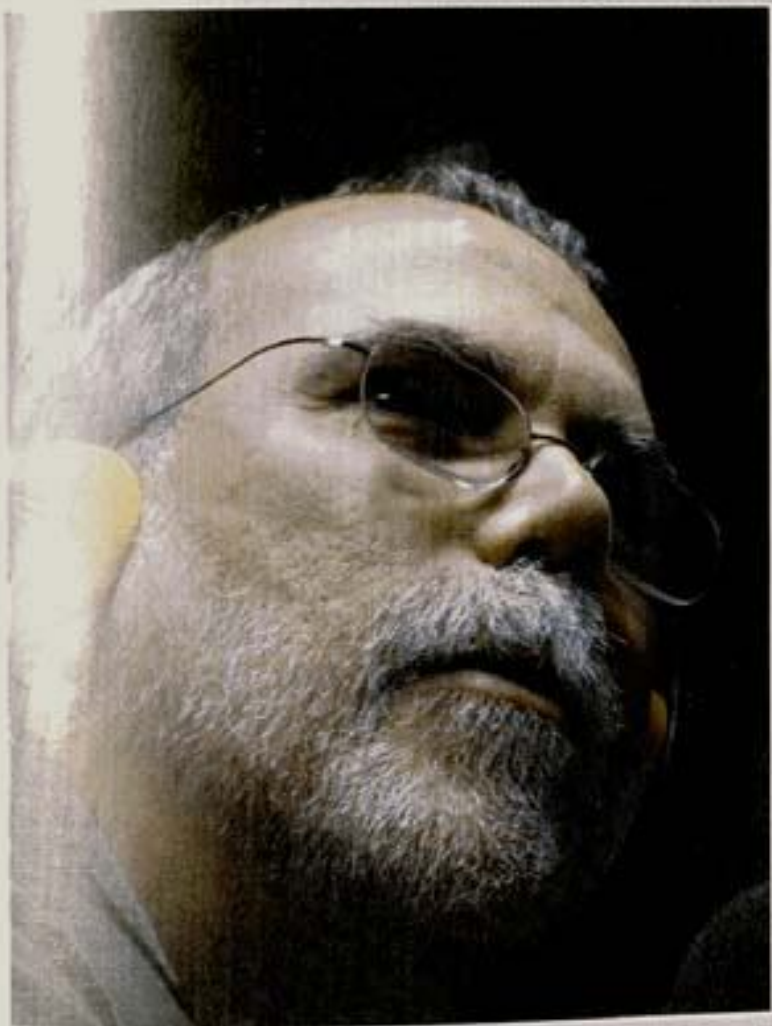
ConocoPhillips
Alaska

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

РАШЕН ТАЙМС

ВИДЕОФИЛЬМ

Омельчук: Это Русская речка. Это устье Русской речки. Мы нашли ее на острове Кадьяк, Аляска. Реки редко называются вот таким образом – по этнической принадлежности. Наверное, те, кто назвал эту речку Русской, помнили, что здесь были русские люди. Какие, интересно, какие русские были здесь? Почему они оставили такой глубокий след, что в их честь называют даже реки?

Ведущий:

– Если порасспрашивать россиян, мало кто из современников, вероятно, думает о судьбе бывшей российской территории.

Штучно, наверное, кто-то и вспомнит о давних проблемах России – Аляски.

Мне это надо?

Других проблем нет?

Безответной любви, скажем.

Почему же зудит? Нудит.

И почему, когда произносишь это мягкое, ласковое слово «Аляска», слышишь не просто географическое имя, но обязательно присовокупляется нечто еще, что как-то неявно связано с государственной печалью невозвратимой и неизбежной утраты?

Недавно посчастливилось побывать на Аляске. Давно стремился. Стремление – понятное. Аляска – если не сегодня, то еще недавно, почти вчера – это же просто Сибирь, Американская Сибирь. И губернский город у заморского владения российской короны нам хорошо известен – прекрасный Тобольск. Наш Тобольск.

Почему бы и не побывать на самой окраине, на американской окраине исторической Тобольской губернии?

Если мы не совпали во времени с великой исторической Тобольской губернией на трех континентах — это же не означает, что ее не существовало. В Восемнадцатом славном веке. Вот же Александр Сергеевич Пушкин осознавал совершенно как должное, что в стране, в которой он живет, есть заморское владение — Аляска. И, наверное, своего приятеля, которого — за житье на Аляске — прозвали Толстой-американец, воспринимал, не как чужеземца, а родного американца из русской же Америки.

Ладно. Времена изменились. Но из нашей памяти необязательно все должно исчезать. Если Вы все еще не утратили исторического любопытства и время от времени заглядываете в географический атлас, возможно, вас привлекла и, может быть, насторожила эта прямая линия.

Нынешняя граница Канады и Аляски — подозрительно прямая линия. По горам, рекам, озерам и долинам — прямо, напрямки.

В 1824 году Англия и Россия заключили специальный договор. Англия тогда владела Канадой, а Россия — Аляской.

И Аляска, и Канада тогда были мало изучены, а северная граница и вообще труднодоступна. И, не мудрствуя лукаво, величаво, величественно не вдаваясь в детали и подробности, две метрополии решили граничный вопрос предельно прямолинейно. Граница была проведена четко по линейке.

Как недавно это было!

Еще и двух веков не прошло.

И как бы само собой разумеющееся: Аляска — у России, Канада — у Англии. И никаких тебе Соединенных Штатов.

Киевлянка Лидия Сергеевна Тёмышева, ставшая профессором антропологии в Университете Аляски в Фэрбэнксе Лидией Т. Блэйк, написала книгу «Русские на Аляске».

Официально власти США считают, что русский период Аляски, когда Аляска принадлежала Российской империи и была ее заморской территорией, это 1784-1867 годы. Официально этот исторический этап 49-го штата США особо не акцентируется, но и не замалчивается. История Штатов еще очень коротка, чтобы выпускать такие значимые и значительные куски, фрагменты истории.

На обложке книги Лидии Блэйк «Русские на Аляске» другие даты: 1732 — 1867 годы.

Американский профессор русского происхождения удлиняет российский этап Аляски.

Главный знаток русской истории Аляски 82-летняя Лидия Сергеевна нынче живет в городке Кадьяк на острове Кадьяк.

Лидия Блэйк – историк, университет Аляски, г. Фэрбэнкс

Омельчук: Русских на Аляске всегда было немного. Как говорится, русский гарнизон был малочисленный?

Блэйк: Военный гарнизон здесь был только во время Крымской войны. Гарнизона никогда не было.

Омельчук: Но всегда много служилых было?

Блэйк: Очень мало, очень мало. До 350 на всю Аляску, большинство из них в Ситке, потом на Кадьяке. В Ситке, может быть, сто, а на Кадьяке человек сорок-пятьдесят, а остальные разбросаны по всей Аляске. Вы посмотрите на карту, на территорию. Это уже сразу говорит, какие существовали отношения, потому что, если бы аборигены действительно хотели расправиться, то...

Омельчук: Одноминутно?

Блэйк: Одноминутно бы расправились, да.

Омельчук: Что-то общее в характере тех людей, русских людей, которые занимались освоением Аляски было, это были авантюристы, послушные служивые, служба звала, долг, жажда наживы?

Блэйк: Трудно сказать. В самом начале большинство было с русского Севера, не из Сибири, а поморы или потомки поморов, которые поселились на Камчатке. А уже потом людей набирали в Иркутске, в Охотске и т.д. Была более разношерстная публика. А вначале, первые, которые сюда шли, это были потомки поморов. И сам святой Иннокентий митрополит Московский и Коломенский – он был потомок поморов, которые поселились в Сибири. Потому что очень многие русские, которые селились в Сибири и на Камчатке – они были поморского происхождения.

Омельчук: Это были люди простора?

Блэйк: Да. На Аляске им жилось свободно. Иногда сюда приезжали даже крепостные, у которых был какой-то капитал, и они шли добровольно, с разрешением, с паспортом, без паспорта их не принимали. И один очень знаменит в американской истории, это Тимофей Тараканов. Он был на корабле, который разбился в устье реки Колумбии, и часть команды, включая жену капитана, была взята в плен индейцами. И он был среди них, и кончилось тем, что индейцы его признали за очень опытного лидера и память о нем еще живет в одной индейской группе в Орегоне.

Омельчук: Лидия Сергеевна, почему русские женщины, русские жены не поехали за своими мужьями в русскую Америку?

Блэйк: Потому что очень много людей, которые шли на Аляску, они не были женаты, были молодые. Очень много холостяков.

Омельчук: Вот это решающий фактор того, что русские женщины активно не вовлеклись в колонизацию Западной Аляски?

Блэйк: Вы должны знать, что в Сибири тоже первопроходцы очень часто женились на местных женщинах.

Омельчук: А кто те редкие женщины, которые приехали сюда?

Блэйк: Некоторые приезжали с мужьями. Например, если человек занимал такую позицию, как главный врач госпиталя, у нас есть в Кадьяке. Правители Аляски после Баранова всегда приезжали с женами. Федор Петрович Врангель привез с собой жену аристократического происхождения. Но она в своих дневниках пишет о том, как собирала ягоды со своими туземными подругами, их сын родился в Ситке.

Омельчук: Какие имена русских женщин запомнила история Аляски?

Блэйк: Ну, конечно, Наталья Шелехова. Наталья Шелехова и княгиня Максимова, которая умерла в Ситке и похоронена там, и Анна Нецветова, жена священника Якова Нецветова, он теперь считается святым, святой Яков, просветитель Аляски. Мать святого Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, она оставила след. Он приехал, когда был назначен священником на Аляску, приехал с женой и с тещей, и с младшим братом Стефаном. И теща, и его жена занимались акушерством, очень много помогали в деревне.

Ведущий:

– Остров Кадьяк в череде, архипелаге Алеутских островов, и столица его – городок Кадьяк – заповедник русской памяти.

Место это не просто выбрано – избрано теми русскими, кто начинал освоение этих американских берегов.

Даже местный музей, музей Александра Баранова, расположен в старинном – русского происхождения – давнем наклаузе.

Хелен Лестер – куратор коллекций, музей Баранова, о.Кадьяк

Омельчук: Хелен, это самое старое здание на Кадьяке?

Лестер: Да, это самое старое.

Омельчук: Больше так на Кадьяке не строят?

Лестер: Нет. Ну в давние времена русские здания строились из бревен.

Омельчук: А как собиралась эта коллекция?

Лестер: Жители Кадьяка приносили все эти предметы, представленные здесь, в дар музею. Самым первым предметом, подаренным музею, была байдарка, которая как раз у вас над головой под потолком.

Омельчук: А кто пришел с пушкой?

Лестер: В давние времена она стояла на берегу моря в верфи и стреляла, приветствуя заходящие сюда корабли.

И также из нее салютовали во время всех великих церковных праздников.

Омельчук: Это — пушка привет, она никого не убивала?

Лестер: Да, насколько я знаю, эта пушка только для приветствия. Но она такая же, какие устанавливались на русских судах.

Омельчук: А другие экспонаты? Это все подарки местных жителей?

Лестер: Вот этот камень или кусок могильной плиты — это с русской могилы, и этот камень был найден прямо здесь, рядом со зданием, на задворках.

Омельчук: Судя по этим предметам, русские на Аляске вели мирный образ жизни?

Лестер: Я только знаю, что они использовали коренное население, чтобы те помогали им охотиться на морских выдр. Они и приплыли сюда с этой целью, охотиться на морских выдр. В больший период времени это здание использовалось в качестве склада, и мы не можем сказать, что мы на сто процентов уверены, что губернатор проживал в этом доме. Большая часть мнений склоняется к тому, что он жил в соседнем доме.

Омельчук: А Александра Баранова на Кадьяке еще помнят?

Лестер: Да, его помнят, потому что наш музей имени Баранова.

Омельчук: Его помнят как американца или как русского? Или, как русского американца? Или, как американского русского?

Лестер: Я знаю, что у нас очень многие улицы названы русскими именами. Например, я живу на улице Кускова. Есть улица Баранова, есть улица Шелехова, парк назван именем Баранова. Есть улица Резанова. Другими словами, очень многие улицы названы русскими именами.

Омельчук: Уютно жить на улице Кускова?

Лестер: Мне уютно.

Омельчук: А в парке Баранова? Хороший парк?

Лестер: Да, это очень хороший парк, там уютно детям, там для них специально беговая дорожка сделана. Наш музей называется музеем Баранова, и это музей русской культуры, и мы занимаемся тем, что поддерживаем воспоминания о русской культуре.

Омельчук: Она сказала «рашен таймс»? Для ваших посетителей это русский уголок?

Лестер: Все люди разные, некоторые — те, кто заранее подготовился к поездке, читал какую-то определенную литературу, те видят то, что они надеялись увидеть. Кто же ничего не знал, те, да, бывают удивлены и ошеломлены таким богатым культурным наследием.

Ведущий:

— В нынешней аляскинской столице — симпатичном Анкоридже — есть очень интересный национальный центр. Национальный парк, национальный музей, национальный театр, национальный балет — всё вместе. На Аляске живут эскимосы, алеуты, индейцы, иннуиты — дальние родственники наших чукчей, кетов, айнов, нивхов, наших эскимосов.

Аляскинский центр наследия коренного населения возглавляет президент Перри Итон. Мы с ним встретились, Перри специально приехал встретиться с сибиряками. Как выяснилось — с земляками.

Высокомерный Наполеон I Бонапарт как-то обронил между прочим:

— Поскреби любого русского — обязательно наткнешься на татарина.

Император французов намекал на плоды татаро-монгольского обременения.

Наполеона хочется переименовать:

— Поскреби коренного жителя Аляски — обязательно наткнешься на тоболяка.

Не верите?

Перри Итон – вождь, лидер аборигенов Аляски

Омельчук: Перри, много кровей намешено в родословной?

Перри: Да. Много. Русская.

Омельчук: Первая и главная?

Перри: Русская. Суклак – алеутская – с острова Кадьяк, алеутская женщина, на которой мой предок женился. Эта семья выросла в деревне Узенькая. А затем появился англичанин, от которого я получил свое имя – Перри Итон, и этот англичанин женился на девушке из деревни. Поэтому во мне английская кровь.

Омельчук: И тобольский корень забыт, англичане перебили?

Итон: Да. Значит, предки из Тобольска приехали в 1794 году, еще до момента создания русско-американской компании, как раз в то время, когда они Устав обговаривали.

Омельчук: А тоболяки какого рода? Тобольский род на Кадьяке, в Узеньком, кто начинал?

Итон: Семен Скворцов, его звали Семен Скворцов. Он был рабочим русско-американской компании.

Омельчук: Вояка, купец, мастеровой?

Итон: Охотник.

Омельчук: За кем охотился Семен?

Итон: Он охотился за выдрами, за морскими.

Омельчук: Удачно?

Итон: Да. Мне кажется, да, потому что семья была очень крепкая. Его сын, когда он выходил на пенсию, получил от российского правительства как бы грант на землю.

Омельчук: А что заставило его не вернуться в Тобольск, а остаться на Кадьяке? Страстная алеутка?

Итон: Мне кажется, из-за семьи. На Аляске русских женщин было мало, потому что женщинам не разрешали приезжать. А охотников как бы стимулировали, делали все, чтобы они оставались, семьи создавали. И в его времена Аляска была – Русь, Россией. Поэтому он же все равно был в России, просто в другом месте России.

Омельчук: Русских на Аляске помнят или помнят только те, у кого русские корни?

Итон: Когда открыли границы в 1989, в 1990 годах, Аляска открыла свои объятия для русских, которые приезжали в то время, просто с необыкновенной искренностью и с сердечностью, не просто приветствовали русских, которые приехали, а просто как будто северные народы снова встретились и начали говорить. А мы, являющиеся потомками, мы всегда испытывали чувство огромной гордости. И мы всегда вот это свое русское происхождение с гордостью несли. Мы никогда не пытались его спрятать или положить под стол, это всегда то, чем мы всегда гордились. И церковь всегда присутствовала. И всегда это как бы соотносилось с русским периодом. И это всегда являлось неотъемлемой частью вот этой мистической загадочности Аляски. Всегда Аляска неразрывно связана с началом ее исторического развития, всегда это присутствовало. Самые наихудшие моменты холодной войны мы все равно стояли гордо, выпрямив спину, и мы все равно гордились своим наследством, и мы никогда его не теряли.

Омельчук: А Перри Скворцов нашел себя в этой жизни?

Итон: Когда он был здесь, то в окружающей среде доминировало русское. Но и в то время, когда он работал в русско-американской компании, его задача была заработать себе на жизнь, но при этом находиться в мирных, дружественных отношениях с местным населением. Он был первопроходец.

Омельчук: Я имею в виду Перри вот этого – Скворцова. Вас...

Итон: (Смех).

Омельчук: А в Тобольске?

Итон: Я хочу, я хочу туда поехать. Я во всех моих путешествиях по России – я куда только не ездил, но туда не приехал, а я действительно хочу туда поехать.

Омельчук: Перри верит в то, что между Америкой, Аляской, Чукоткой была суша в свое время – Беринговский мост? Это была единая земля?

Итон: Мне кажется, это было над Кадьяком, от севера Сахалина к заливу Бристон, мне кажется, это была такая низменность и тундрой покрыта. Мне кажется, люди перешли зимой, а потом уже разделились и уже пошли на север и на юг.

Омельчук: И в давние времена по этому мосту ходили старые мамонты?

Итон: Да, мне кажется, они мигрировали.

Омельчук: Мы одного мамонта привезли из Тобольска.

Итон: (Смех).

Омельчук: Это тобольский мамонт от мастера Минсалима, вот который ходил или по Берингову мосту, или Сахалинско-Кадьякскому. На память.

Итон: Спасибо большое.

Омельчук: Пусть он приведет тебя в Тобольск. По следу за ним.

Итон: Да я его разверну, пошлю домой...

Омельчук: И за ним...

Итон: И за ним сам пойду.

Омельчук: Мы еще хотели Вам подарить диск о Вашей старой родине, где Тобольск. Я вот написал эту книжку, называется «Нежный Север». Мои дети родились на севере в полярную ночь и закладывались в полярную ночь, Север – это особо нежная земля, потому что там долгая полярная ночь. «Тобольскому старожилу Перри Итону с напутствием – обязательно побывать в Тобольске». И с северной нежностью.

Итон: Спасибо. Спасибо.

Ведущий:

– Симпатичная Аннет Смит – первая помощница главного вождя аборигенов Аляски.

Конечно, Смит.

Но, если покопаться...

Аннет Смит – вице-президент Центра наследия аборигенов Аляски

Омельчук: Анна, русский язык очень трудный?

Смит: Да, очень трудный язык. Я изучала много года назад.

Омельчук: А что заставило изучать русский язык?

Смит: Я изучаю немного по-русски, но я изучаю, пытаюсь. Я очень усердно пытаюсь. Я изучала его четыре года.

Омельчук: Это язык бабушки?

Смит: Дедушки.

Омельчук: Как его звали?

Смит: Его зовут Николай Зимин. Мой прапрадедушка был русским, он был с Сахалина. Русское православие стало частью нашей жизни, и мы до сих пор исповедуем его.

Омельчук: А кто мне клялся говорить только по-русски, с трудом, но по-русски?

Смит: Не знаю, я не знаю.

Омельчук: А какие-то из русских обычаев в быту сохранились?

Смит: Каждый дом – у нас есть икона, лампада. Каждое Рождество мы славим, славим. Да, зажигаем звезду и поем, славим перед иконой.

Омельчук: И даже русская кухня сохранилась?

Смит: Моя семья приготовила много русской еды. Голубцы, пельмени, пирожки и десерты, сладости.

Омельчук: А тебе что больше всего нравится из русских кушаний?

Смит: Пельмени.

Омельчук: Пельмени? А сама умеешь лепить?

Смит: Да.

Омельчук: Нравится это занятие?

Смит: Много труда. И нужно много времени.

Омельчук: Но зато какое удовольствие?

Смит: Мне нравится.

Омельчук: И пельмени никогда не уйдут? Пока живу, буду лепить пельмени?

Смит: Да.

Омельчук: И своих многочисленных детей научу?

Смит: Да.

Ведущий:

– Известно, что Аляска более ста лет была русской территорией, заокеанским владением Российской империи. Аляску продали. Император Александр Второй – великий реформатор.

Дело давнее.

Забытое.

Тщательно забытое.

Наверное, и ворошить не стоит.

Тем более, что история нас ничему не учит.

Но продавали – по существу – не Аляску. Продавали часть.

России. Продавали Россию. Как продавали Россию? Можно ли ответить на этот вопрос?

Взглянем географически.

Старая Россия. Скажем, времен Пушкина.

Две территории.

Западный фланг –

Финляндия.

Восточный фланг –

Аляска.

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи.

Американская территория в составе Сибирской (Тобольской) губернии.

Российской империи.

Аляску продали. Год 1867.

Финляндия полюбовно вышла из империи по Ленинскому декрету о праве наций на самоопределение. Год 1918.

Бывшее русское владение.

Финляндия – сегодня одна из самых – назовем так – комфортных стран мира.

Аляска – по потенциалу человеческого комфорта – составит достойную конкуренцию Финляндии.

Между ними – бывшими российскими владениями – посередине – Россия...

Не будем делать выводы.

Но заставляет задуматься. Да?

Счастье – это когда без России?

Не в России?

И – не в самой России?

Выбор пути развития, модель развития – определяет все. Счастье – в конечном итоге.

У нас есть возможность сравнить и сопоставить.

Наши пути разошлись.

Мы стартовали из одной точки.

Посмотрим: кто к чему пришел.

И оценим: какой путь вернее?

Каждый по своему интересен – полезен, каждый по своему труден. Но...

Результат.

Страну окончательного счастья, наверняка, не построишь. Но... Кто на пороге?

Когда-то русские владения, русские окраины подсказывали Москве – модель развития.

Есть, она существует – другая модель развития.

Лидия Блэйк – историк. Университет Аляски, г. Фэрбенкс

Омельчук: А вот скажите, Лидия Сергеевна, официальная история русской Аляски считается 1784 год – 1867. Вы пишете 1732. Это Ваша принципиальная позиция?

Блэйк: Это позиция императорского правительства России. В XVIII-XIX веке европейские страны предъявляли права на земли, куда их мореплаватели попадали, ставили свой флаг по праву открытия. И в 1732 году военный корабль «Святой Гавриил» был на мысе Принца Уэльского в Беринговом море. И поэтому считается 1732 год, потому что это не было частное судно, а это было военно-морское судно, которое подняло русский флаг около мыса Принца Уэльского.

Омельчук: Вот Вы хорошо знаете историю русской Америки. На Ваш взгляд, насколько неизбежна была продажа правительством Александра Второго, императора Александра Второго Аляски американскому Правительству?

Блэйк: Продажа – это камуфляж. Это была глобальная политическая ситуация, то, что происходило на севере Тихого океана. Англия, которая только что заключила мир с Россией вместе с Францией и Турцией в так называемой Крымской войне, позорный мир, который, по моему мнению, Николай Первый никогда бы не подписал. Наступали со всех сторон, они хотели взять устье Аму-

ра и двигались через Китай. Они заняли то, что сейчас – Британская Колумбия в Канаде, порт Ванкувер на острове Ванкувер, и стали вооружаться, так сказать, основываться, как государственная собственность. Канады еще тогда не было. У них там стояли военные корабли. А по миру, заключенному после Крымской войны, русский флот был совершенно беспомощен. В Охотске флота не осталось почти, который мог бы противостоять новому английскому флоту. Я не знаю, насколько в русской истории освещена та часть Крымской войны, когда эскадры англичан и французов морские напали на Петропавловск и побережье Охотского моря. В это время технология морская тоже менялась. У англичан были большого масштаба с паровыми двигателями, металлом покрытые корабли. А русский, Северо-Тихоокеанский флот еще не преобразовался, поэтому удержать Аляску без помощи из Кронштадта русские не могли. И поэтому великий князь Константин Павлович, который командовал флотом, сказал – без флота я защитить Аляску не могу. С Америкой были отличные отношения, очень близкие отношения. И российское правительство пригласило Америку занять территорию, чтобы, во-первых, англичане не захватили, а, во-вторых, началась «Золотая лихорадка». Русские знали, что на Аляске есть золото, но они видели, что творилось в Калифорнии, когда люди шли за золотом. Что произошло, когда пронесся слух, что на границе, на реке, которая, так сказать, разделяет, граничит с Канадой есть золото? А русских, я уже вам говорила, было очень мало здесь, и они боялись, что нахлынут, просто волной захлестнут из Калифорнии люди, которые будут бороться за золото. И политическая ситуация была такая, что, это не моя мысль, эту мысль высказал еще Франк Гольдер, американский историк, который для Америки открыл это поле – «русские на Аляске». До него американцы, они считали, что купили «холодильник со льдом», и Аляска для них ничего не значила.

Омельчук: Но ведь на Аляску никто не нападал, история не знает сослагательного наклонения и даже политика, могли, конечно, напасть, но никто не нападал?

Блэйк: Ведь ситуация-то политическая менялась.

Омельчук: Можно сказать, что Аляску продали, Александр Второй продал Аляску с перепугу?

Блэйк: Нет, нет.

Омельчук: Мужественный русский император спрогнозировал мудро?

Блэйк: Нет, нет. Это политическая ситуация, и военные силы России в тот момент были в таком состоянии, что нужно было делать выбор: защищать устье Амура, потому что англичане и французы

двигались через Китай после опиумных войн уже. И Амур очень был соблазнитель. Защищать Амур и держать Охотское побережье и Камчатку твердо в своих руках или распылить свои силы.

Омельчук: Никто не нападал! Даже не грозил! Правительство Соединенных Штатов не угрожало?

Блэйк: Нет. Правительство Соединенных Штатов поддерживало Россию, а угрожали англичане.

Омельчук: А у них были конкретные планы напасть на Аляску?

Блэйк: Я не знаю, что Вы имеете в виду – напасть? Но, чтобы воспользоваться тем, что плохо лежит, они бы с удовольствием воспользовались.

Омельчук: А кто из русских открыл золото на Аляске?

Блэйк: Здесь было несколько геологов, которые работали.

Омельчук: Имя русского геолога, открывшего золото на Аляске, неизвестно?

Блэйк: Нет. Геологов было несколько. Я всех и не упомяну. Потому что первый геолог был послан на Аляску русским правительством в 1790-х годах, и его звали Тарханов.

Омельчук: Тарханов?

Блэйк: Тарханов.

Омельчук: Сибирская фамилия?

Блэйк: По журналу, хранится в Государственной библиотеке в Петербурге, я его только что перевела на английский язык. И Баранов его держал в черном теле, потому что Тарханов представлял российское правительство, а у Баранова политика такая, чем меньше правительство знает, что я делаю, тем лучше для меня и для правительства. А еще раньше на Медный остров был послан тоже геолог. Российское правительство всегда интересовалось поиском минералов, металлов, угля и т.д., еще в XVIII веке.

Омельчук: Лидия Сергеевна, мы с Вами беседуем на острове Кадьяк. Ну ладно, Константин Павлович, великий князь, защитить Аляску не мог. Но Кадьяк-то он мог оставить?

Блэйк: Как?

Омельчук: Ну пусть нападают, дожидаются, на мирных жителей, пожалуйста, всю Аляску продал за семь с половиной миллионов, а Кадьяк оставил себе, как летнюю дачу?

Блэйк: Не думаю, что им это в голову приходило что-нибудь такое. Хотя, это, конечно, Николай Павлович, моя бывшая студентка доктор Арнд нашла один документ, в котором просят прислать в Царское Село два каяка, один алеутской постройки, один – кадьякской постройки, чтобы дети Николая Павловича учились, как управлять каяком.

Омельчук: Каяки не послали?

Блэйк: Поспали.

Омельчук: 1867 год – счастливый год для Аляски?

Блэйк: Нет.

Омельчук: Это драма?

Блэйк: Да.

Омельчук: Григорий Шелехов, как гласят некоторые предания, закапывал в каких-то местах медные плиты – «Земля русского, российского владения»? Это легенда?

Блэйк: Нет. Нет. Не только Григорий Шелехов, а очень многие. Это присыпалось через Иркутск, через сибирского губернатора, и мы точно знаем, где они были закопаны.

Омельчук: Остались те, которые лежат?

Блэйк: Нет. Вы послушайте. Закапывались они на побережье, а здесь вулканическая деятельность, мы же живем в страхе больших потрясений, так сказать, земных. У нас в 64 году было страшное землетрясение, Кадьяк был весь залит, весь город был разрушен, рыбачий флот выбросило на гору. И побережье очень меняется. От землетрясений опускается, повышается, русла меняются, и поэтому найти их, собственно, невозможно, потому что побережье настолько изменилось.

Омельчук: Ну они там есть?

Блэйк: Кое-где, может быть, и сохранились, но их нужно найти. А то, что мы знаем, единственная, которая сохранилась на месте, это та, которая была в старой Ситке, закопанная Барановым в 1799 году.

Ведущий:

Высокопоставленная «Шпаргалка», подсказчик императора Второго Александра – великий князь и адмирал Константин – явно праздновал труса.

Может быть, сделка – продажа Аляски – была неизбежна.

Позже.

Необязательно полная продажа – вспомним: вопиюще слабый Китай тогда могучей Британии – Гонконг отдал в аренду на 99 лет.

Надо признать: наша сделка со Штатами была предельно бездарной.

Национальный позор.

Потому никто не хотел об этом вспоминать: ни продажный царизм, ни гордые большевики. Разве не ясно, что Аляску – на долгие годы – ожидала бы участь всякой российской окраины (Камчатки, Охотска). Если не хуже.

Может, потому что снова цифра «7» на конце, но как не обратить внимание на ключевую для Аляски дату, 1867. Полвека назад.

Может, Российская революция началась в 1867 году, когда Россия начала катастрофически и окончательно слабеть, и крах империи начался – состоялся именно тогда, когда адмиралы начали сдаваться, еще не видя противника?

Слабых империй не бывает.

Понутно.

Как всегда: вопрос о цене.

Что продали за 8 с половиной миллионов?

Одна деталь. О золоте на Аляске царские власти знали, знали из донесений русского горного инженера Дорошина, но в расчет дорошинское открытие не принимали. Так вот, золото на Аляске, ставшей американской, дало Штатам миллионов долларов – в 3 тысячи раз больше! Только золото окупило штатскую покупку сразу в 3 тысячи раз! Потом на Аляске добывали даровую медь. Она в 5 тысяч раз окупала покупку! Здешняя рыба, как говорится, постоянный поток живого золота. А потом пришло время нефти и газа. Большого газа. Очень большой нефти.

Продали не просто кусок территории. Красивую землю. Щедрую землю. Богатую землю. Продали будущее.

Так всегда случается.

Так всегда бывает, когда продают Россию.

Продажа Аляски «на всякий случай» – такой бездарной и преступно-простодушной сделки не знает не только отечественная история, но, пожалуй, и мировая. Возможно, и «Беловежская пуща» – родом из этой сделки «на всякий случай». Продажа не территории, продажа земли родины – наверное, всегда предательство.

Аляска не только по территории равна Тюменской области, у них много общего, что позволяет сравнивать и сопоставлять. Мощь. Могущество. Величие.

Можно представить современную Россию без Тюмени?

Наверное, это была бы другая Россия. Совершенно другая.

И без всякого сослагательного наклонения понятно. Россия без своей Американской Аляски это другая история. И другая Россия.

Не будем считаться, но отметим для себя.

История Аляски.

1732–1867 годы. 135 лет. Рашен таймс.

1867–2005 годы. 138 лет. Американское время.

Ведь ровно. Фифти – фифти. Половина на половину. Почти тютелька в тютельку.

Гил Санчес – телеведущий, Анкоридж

Омельчук: Насколько Вас, популярного телеведущего, интересует история Аляски?

Санчес: Нет, меня больше интересует обучение, я учу историю Аляски и забочусь о том, чтобы сохранять эту историю. Потому что иногда историю искажают.

Омельчук: На Аляске помнят, что часть этой истории и русская история?

Санчес: Да. Я частенько говорю, что до того, как здесь появились американцы-русские и испанцы, а у меня испанские корни, они пришли сюда первыми и они были здесь одновременно с коренным населением. Поэтому Вы сюда приехали, и я сюда приехал. Как бы наши предки здесь были много лет тому назад и Валдиез никогда не назывался Валдиезом, он был Валдес.

Омельчук: Русские или американцы были здесь первыми на побережье? Чтобы мы не исказили аляскинскую историю?

Санчес: Вы сейчас меня загоняете в угол, а по-английски скажем, если дословно перевести, я ступаю на очень тонкий лед. Я понимаю Ваш вопрос, но не знаю, как на него ответить.

Омельчук: Чтобы только не исказить историю Аляски?

Санчес: Да, это как бы часть моей работы.

Омельчук: Но в любом случае англичане были после русских и испанцев?

Санчес: Да, правильно. И я должен еще добавить, что русские внесли огромный вклад в развитие этой страны, в противном случае у нас не было бы сейчас столько церквей.

Ведущий:

– Карты хорошо помнят.

Географические карты.

У карт хорошая память. Может быть, попрочнее чем человеческая.

На карте Аляски много русских названий, имен. Американцы

современному совсем непонятных, но привычных русскому уху, скажем: «Шинмарев».

Николаевск.

Это американская деревня.

Деревушка. Не типично американская. Русским духом веет. И не только от староверческой церкви. Где еще обнаружишь типично русский огорожок с обязательной картошкой – капустой? И где еще услышишь неповторимо мягкую, неиспорченную давнюю русскую речь? Речь русской старинки. Сохраненной, сбереженной в голосе давней русской речи?

Судьба постоянно делала из русских староверов скитальцев и гонимых, их можно найти в Китае, в глуши Кавказа, в Австралии и, скажем, в Бразилии.

На Аляске на полуострове Кенай есть деревушка с русским названием Николаевск. Не только имя русское, здесь и посегония живут – в основном русские, православные.

Кондратий Фефелов – староста староверческой церкви, Аляска

Омельчук: Кондратий Созонтович, скажите вот, русскому человеку везде трудно?

Фефелов: Русскому человеку? Ну прежде Сталина было хорошо, очень хорошо. Было все. А как Сталин, чик, ничего не стало: ни зверя, ни фазана, ни бизона. А в Америке сейчас, знаете, острова все заполнены зверем. Даже коровы, дикие коровы расплодились.

Омельчук: Непуганая страна?

Фефелов: Непуганая страна. Американцы так умеют распложать, где они хотят закрыть, расплодить и, пожалуйста, распложат. Зверя распложат, медведя распложат, и лося распложат, ой, все.

Омельчук: А на Аляску случайно попали, сами захотели?

Фефелов: У нас семья очень большая, мы большесемейные, верующие люди и одиннадцать душ, одиннадцать семей мы ехали сразу на Аляску. И вот это место мы купили 640 акров, это акры не знаю, как назвать, и разделили, и вот теперь мы здесь осели 40 лет уже.

Омельчук: Но Вы знали, что Аляска это старая русская земля?

Фефелов: А как же! Что ты?

Омельчук: Поэтому?

Фефелов: Поэтому. Мы знали все, мы знали все, понимаете. Мы вот такие, а знали все!

Омельчук: А здесь ваши единоверцы жили?

Фефелов: Ну вот церковь наша, вот церковь. И находимся здесь 40 лет, уже 39 лет как попали сюды.

Омельчук: Уютно здесь живетесь?

Фефелов: Ну здесь, здесь мы приехали, сразу рыбалка. Рыбалка очень нас подняла. Мы два-три года ничего не знали, как ни рыбачить не умели, ничего, а потом давай, давай.

Омельчук: Научились?

Фефелов: Научились. Мы едим все: мясо и только что попадает. У нас посты, вы знаете, что мы люди религиозные. Четыре поста. Это Великий Пост семь недель поста, а потом уже Пасха и так далее. У нас календарь старообрядческий и мы по нему действуем все это, старое число держим.

Омельчук: А на Аляске много старообрядческих деревень?

Фефелов: На Аляску приехали мы, мы приехали первые, а потом подъезжали люди, подъезжали, туды-сюды, все порасселились, и в Бразилии остались, и в Уругвае, знаете, наши люди ужасные люди.

Омельчук: Не может быть?

Фефелов: Да.

Омельчук: Американцы – шоколадники, наши русские – ужасные люди?

Фефелов: О, русские люди!

Омельчук: Ужасно, вот такие?

Фефелов: Коммунисты.

Омельчук: Здесь в Николаевске коммунисты?

Фефелов: Здесь нету коммунистов.

Омельчук: Ну хороший народ, работающий?

Фефелов: Хороший, да, очень хороший.

Омельчук: И земля щедрая?

Фефелов: И земля щедрая, и все есть, и мы заботители, богатые люди теперь. Бог регулирует. Вы думаете, кто регулирует? Бог регулирует нами. Вы поняли, нет?

Омельчук: Верю, верю.

Фефелов: Веришь? И вот хорошо.
 Омельчук: Если своими руками, то от Бога?
 Фефелов: Да, от Бога, да.
 Омельчук: На какой машине ездешь?
 Фефелов: Я и не знаю, сколько я их менял. Покупал новые, продавал новые и отдавал, отдавал, отдавал. А сейчас я уже старый стал.
 Омельчук: Жена одна на всю жизнь, а машины можно менять каждую неделю?
 Фефелов: Каждую неделю можно.
 Омельчук: Любимая?
 Фефелов: Любимая.
 Омельчук: А вот здесь в деревне русский язык никто не забывает?
 Фефелов: Помнят, но наша семья, вот у нас же семья все говорят по-русски. А другие забывают. Так что.
 Омельчук: Кончится русский язык на американской земле?
 Фефелов: Но...
 Омельчук: Недолго осталось?
 Фефелов: Вот 16 лет, наверное, или 17 лет школа наша русский язык преподавала. А теперь уже американцы, очень много американцев. Половина уже в школе нашей, отрезали.
 Омельчук: А если сравнить вот в Николаевске русского и американца, кто покрепче будет? Поживее? Позадорнее?
 Фефелов: Я думаю, что русские.
 Омельчук: Пока?
 Фефелов: Да, пока. И русские так и будут стоять.
 Омельчук: Правда?
 Фефелов: Это правда. Русские люди теперь возрождаются.
 Омельчук: В России?
 Фефелов: В России теперь они возрождаются как бы, как грибы. Они все верующие люди, коммунист только неверующий. Атеисты. Вы понимаете что?
 Омельчук: Так Бог Россию регулирует?
 Фефелов: Да, Бог Россию, Бог регулирует. А ты думаешь кто?
 Омельчук: Бог?
 Фефелов: Правильно. Вот ты правильно ответил.
 Омельчук: Не сгинут русские?
 Фефелов: Нет. Русские теперь прорастают.
 Омельчук: С Аляски уже дальше никуда?
 Фефелов: С Аляски на горку, вот там у нас горка.
 Омельчук: Хорошее место?
 Фефелов: Хорошее место.
 Омельчук: Бог показал?
 Фефелов: Бог показал.

Ведущий:

– Аляска помнит.

Память Аляски, может быть, и в этих православных крестах здешних – не очень презентабельных церковок и часовен.

Отец Томас – священник православной церкви, п-ов Кенай

Томас: Различные люди. Местное население, которое проживает здесь, индейцы. Затем к нам ходят те, кто сначала исповедовали другие религии, а потом перешли в нашу веру. По воскресеньям полная церковь, но иногда бывает, что не очень много людей.

Омельчук: А случайно русские сюда не заходят?

Томас: Да, к нам приходят несколько потомков русских.

Омельчук: Этот храм старый?

Томас: 110 лет.

Омельчук: А Вы давно стали священником?

Томас: Два года тому назад.

Омельчук: А почему православие?

Томас: Потому что я вырос, исповедуя русское православие. Моя деревня, в которой я жил, там исповедовали православие, та область или район, где деревня располагалась. На реке Юкон.

Омельчук: Юконский эскимос?

Томас: Да.

Омельчук: А традиция православия в вашем племени давняя?

Томас: Ну насколько, как мне кажется, с середины XIX века, 1850-й, 150 лет.

Омельчук: А это правда, что ваш род одно время носил фамилию Тихонов?

Томас: Да, у моего дедушки была фамилия Тихонов, но примерно в 1950 году он поменял фамилию, я не знаю, как это произошло, почему он ее поменял. Но много перемен произошло.

Омельчук: А не интересовались почему именно Тихоновы?

Томас: Не знаю. Ну там много людей с русскими фамилиями: Дементьевы, Петровы, Гавриловы, Белковы.

Омельчук: И все эскимосы?

Томас: Нет, и алеуты тоже.

Омельчук: Юпик – Тихонов, юпик – Петров, юпик – Дементьев?

Томас: Да. Даже индейцы есть Дементьевы, среди Дементьевых. Я как бы подумываю о том, чтобы добавить фамилию «Тихонов» и сделать двойной.

Ведущий:

– Земля помнит.

Русские могилы, если не затоптаны окончательно, то исключительно благодаря тому, что тянут вверх свои купола деревенские православные церквушки.

Может быть, под православным крестом память крепче?

Мэй Демидовф – прихожанка православной церкви, д.Нанильчик

Омельчук: Мэй, это правда, что здесь была русская школа?

Мэй: Русская школа была тут внизу, маленькая. Мои старшие братья, сестры ходили, я не ходила, они учились. Рыбачили, все рыбачили. Работали, огороды были. Все так хорошо.

Омельчук: Это были русские?

Мэй: Были русские.

Омельчук: Демидовы?

Мэй: Осколков, Квасников. Мама была русская, она по-американски не говорила. Охотились, капканы ставили: бобры, лисицы.

Омельчук: Бобры, лисицы?

Мэй: Охотились, целую неделю ходили, когда три недели, пойдут взад-вперед.

Омельчук: Богатая была деревня?

Мэй: Всего хватало. А кто-то станет корову, бычок, все разделили, и всем хватало.

Омельчук: А где мама похоронена?

Мэй: Прямо вот тут. Покажу. (Шаги). Вот тут мать, мать тут.

Омельчук: Как ее звали?

Мэй: Афанасия. Вот тут бабушка Матрена Осколкова. Михаил мой

брат, мой брат Федя, моя сестра Надежда Осколкова, сестра Дора, моя мать. Моя мать Мария. Мой брат Абрам. Мой сын, я сына потеряла.

Омельчук: Адам Демидов?

Мэй: Да.

Омельчук: А где, что с ним произошло?

Мэй: На рыбалку ездил, сохатый стукнул. Большой сохатый, пробил голову. Молодой. Я одна, совсем одна. Я одна осталась.

Омельчук: А сколько детей было?

Мэй: Десять.

Омельчук: Десять?

Мэй: Пять братьев, пять сестер. Да, да.

Отец Макарий – священник православной церкви, д.Нанильчик

Макарий: Когда я приехал на Аляску, у нас было 10 церквей, сейчас 35. И много из других вер, католиков, протестантов, у нас наоборот увеличивается.

Омельчук: Священников много, а верующих больше?

Макарий: Да, сейчас больше. После революции церковь пропадала, никакие деньги, ничего не было. Ужасно было дело. Но в последние годы церковь растет на многие, многие, у нас собор, там три прихода, когда я приехал ничего не было. Православные люди жили без прихода.

Омельчук: Православных не притесняют на Аляске?

Макарий: Конечно, баптисты, Иеговы свидетели сильно хотят укоротить от нас, но мы боремся, очень боремся. Но наша церковь укрепляется.

Омельчук: Православие на Аляске помнит, что Аляска долгое время была русской землей?

Макарий: Да, да. Люди очень любили русских, особенно духовенство.

Ведущий:

– Говоря советским штилем

Сдача Аляски (не продажа, именно торопливая сдача) – это позорная страница русского царизма. Правда, почему-то и советские историки – в иных случаях выразившиеся весьма хлестко – про этот национальный позор выражаться не торопились.

Попутно: интересная тема: почему? Такая удобная мишень (царизм так роскошно подставился), но, кажется, для советских историков это было такое табу, что они даже и не пытались. Какой страх их одолевал?

Это капитуляция.

Проигранная страна.
Проигранная война, которую проиграли еще не узнав, кто противник.

Омельчук: Пушки ничего не решают. Вот эта пушка в порту Кадьяка никогда не стреляла по людям, это пушка приветствия, пушка встречи, она приветствовала корабли, которые заходили в здешнюю гавань, гавань Кадьяка. Вот это русский уголок в Доме Баранова на острове

Кадьяк. Судя по тому, что мы можем увидеть, посмотреть, русские на Аляску шли, совершенно с хозяйскими целями. Они шли сюда ловить рыбу, пилить лес, добывать лес, приветствовать корабли, самим плавать. Они шли совершенно с мирными целями. Но это были, конечно, замечательные, отчаянные люди, с бурлящей кровью, возбужденные люди, которые прошли всё русское пространство для того, чтобы увидеть новые земли, найти новые щедрые земли, привести их в Российское подданство. Азартные люди, веселые люди, умелые люди, работающие люди. Может быть, ничего не боящиеся русские. Да, в Америке было русское время, «рашен таймс». И вот странно, почему не получилось? Почему русский период на Аляске был таким непродолжительным? Его даже не назовешь русским веком, он длился меньше века. Почему не получилось? Почему это произошло? Может быть, в России не так много людей с горящими глазами, бурной кровью, азартных. Но не получилось. Почему не получилось?

(отец Макарий долго поет «Вечерний звон». Долго.)

Ведущий:

– Это могло быть нашим.

Это было нашим.

Российским.

Как сложилось бы у Аляски судьба – никакой уверенности, что было бы лучше.

Но какая-нибудь мудрая старушка никогда не говорит четко, а -

Как знать...

Мы не ответим на многие вопросы, тревожащие душу.

Когда ответим – будем жить в великой России.

Если ответим...

«Хотите выкупить Аляску»?

«Russian times»

телерадиокомпания «Регион-Тюмень»

Анатолий Омельчук

Эдуард Улыбин

Сергей Лыкасов

Светлана Косухина

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

ВИДЕОФИЛЬМ

Ведущий:

— Человек, отправляясь в новое путешествие, чего хочет? Новые места поглядеть — глаз потешить? Новых впечатлений набраться? Что-то сравнить, что-то понять, осознать? Но подсознательно, отправляясь в дальние страны, человек ищет страну счастья. Он, полагаю, не вполне счастлив, может быть, всегда несчастлив, даже на родной земле, и всегда надеется, что она непременно существует — где-то! — страна счастья. Иногда его надежды оправдываются.

Когда к чему-то стремишься, но еще не достиг — всегда явно и естественно преувеличиваешь достоинство желанного недостижимого. Аляска — совпала с представлениями. И даже — с иллюзиями.

Эта земля — безупречно красива. Где еще встретишь такое совершенство!

Аляска не чужая нам земля. Когда-то: Русская Америка. Точнее: заморская территория Тобольской (Сибирской) губернии.

Не просто: так похожа на Россию... Когда-то: Россия... Бывшая Россия, ставшая Соединенными Штатами...

Бетти Макинтош — промо-специалист «Аляска Найклайн»

Омельчук: Бетти, Аляска красивая страна?

Макинтош: Очень красивая. Она красива еще и потому, что здесь разнообразный животный мир, и люди живут разные.

Омельчук: Самая красивая?

Макинтош: Вы разговариваете с человеком, который родился и вырос на Аляске: да, да, да, самая красивая земля. Другой такой не встречала.

Омельчук: Бетти, удастся сохранить ту красоту, которую природа подарила Аляске?

Макинтош: Да. Мы, коренное население, чувствуем наш долг сохранять красоту земли, потому что мы живем за счет этой земли. Мы делаем все, чтобы сохранить.

Омельчук: Трудное искусство – сохранять красоту: и женщине, и целой стране?

Макинтош: Это должно быть естественной составляющей, повседневным элементом жизни.

Омельчук: Не трудно?

Макинтош: Совсем не трудно. Земля заботится о нас, мы – заботимся о земле.

Омельчук: На Аляске никто не покушается на эту красоту?

Макинтош: Нет. Я не могу даже представить, что кто-то может это сделать. Живущие здесь поддерживают и красоту, и природу.

Омельчук: Что тебе больше всего нравится на родине?

Макинтош: Я очень люблю воду. Ловлю рыбу. Люблю находиться на природе, ощущать себя неразрывной частью этой земли, этой природы. Мне нравится делать то, что веками делали мои предки. Осознание и чувство всего этого заставляет меня наслаждаться жизнью, просто радоваться ей.

Омельчук: На Аляске за красивую природу бороться не нужно?

Макинтош: Нет. Я, конечно, знаю, что есть компании и люди, которые хотели бы приехать на Аляску и вести деятельность, которая нарушила бы природу, но у нас очень серьезное местное законодательство. Очень строгие правила. Очень. Благодаря этому нам удастся сохранить природу и первозданную красу.

Ведущий:

– Наверное, красивой – страну делают люди.

Но на Аляске найдешь выдающиеся, и все еще в первозданном виде – горы, собственную американскую тайгу, великие реки, сразу два океана – Тихий и Северный, несуетные города.

Опрятная страна. Аккуратное производство. Достойные, самостоятельные и послушные граждане.

Вахтовый чартер доставит нас на самый берег Северного Ледовитого океана – Арктического оушэна – на кромку земной тверди и всемирного океана.

Здесь полный вахтовый коммунизм: только работай – обо всем другом для тебя позаботится. Страсть к порядку, аккуратности здесь доведена до... чрезмерности.

Профессиональный супервайзер (по-нашему начальник буровой) не просто не понимает что такое браконьерство, но искренне не возьмет в толк, как можно заниматься незаконной охотой на зверей, здесь, в скудной арктической тундре.

Эм Кей – геолог на буровой, «Коноко-Филиппс»

Кей: Здесь месторождения, которые расположены на северном склоне Аляски – наиболее ответственный участок. Много проблем, но интересно.

Омельчук: Богатый район?

Кей: Очень богатый. Но участки, расположенные дальше на восток, еще богаче.

Омельчук: Они еще не исследованы?

Кей: Тот район называется «Национальный Аляскинский заповедник природы», поэтому существуют определенные политические сюжеты, они в стадии обсуждения, и до тех пор, пока не будут урегулированы, мы не сможем вести там никаких разведочных работ.

Омельчук: Судьба занесла в этот суровый район, или сам рвался?

Кей: Это мой выбор. Мое решение. Люблю Север. Люблю Аляску.

Омельчук: А за что полюбил?

Кей: Я на собственном опыте убедился, что в холодном климате живут добрые люди, теплые люди. И наоборот...

Омельчук: Север платит взаимностью?

Кей: Любовь взаимна. Суровые условия заставляют людей держаться ближе друг к другу, спланиваться, люди здесь более дружелюбные. На Севере люди не могут выжить поодиночке, они полагаются друг на друга. Здесь огромные просторы и пространства, бездонные небеса.

Ведущий:

– Вам хочется посмотреть классическую Сибирь? – загляните на Аляску. Непонятно как, но она здесь сохранилась.

И кажется – первозданной.

Здесь часто кажется – день творения был, если не вчера, то совсем недавно.

Еще чувствуешь тепло рук Творца. Его вдохновение.

И все-таки, далекий человеку, холодный и, может быть, равнодушный – Творец любил то, что делал.

Бобби Моррисон – супервайзер «Коноко-Филиппс»

Омельчук: На вахте – только работа?

Бобби: Ну нет. Я живу в базовом поселке, там есть возможность заниматься спортом, есть кино, видео, музыка, театр, мы полноценно живем в свободное от работы время.

Омельчук: Здесь могут работать только особые люди?

Бобби: Мы открыты для всех. Есть соответствующая квалификация, соответствующее обучение – пожалуйста.

Омельчук: Не особые?

Бобби: Мы прошли обучение и научились работать в одной команде.

Омельчук: Особого северного характера не требуется?

Бобби: Не понимаю вопроса. У каждого свой характер, конечно, с кем-то труднее уживаться, но если люди хорошо выполняют свою работу – нормально.

Омельчук: Здесь бывает плохо?

Бобби: На Севере работать опасно. Мы принимаем все необходимые меры. Например, в холодную погоду не разрешаем поодиночке работать на улице. Заботимся друг о друге.

Ведущий:

Основательный народ – здешний рабочий класс. Не хламье вахтовое. Хотя – народ разномастный, сборный, разнокожий, сборная мира – у всех, у каждого: обязательное достоинство на лице.

Эти люди не просто зарабатывают здесь деньги: очень уважают себя.

В заливе принца Уильямса звучит – именно звучит – не знакомая морякам музыкальная речь. Догадаются ли они, что отцвели хризантемы в далеком саду? как нежно намекает об этом исполнительница русских романсов Анюта Лантева, наверняка, еще одна эмигрантка из России. Анюта психологически, романсово помогает четверем морякам – экипажу специального судна экологического конвоя.

Пол Дежарден – моряк, порт «Вальдез»

Омельчук: Как живет молодой пенсионер на Аляске?

Пол: Очень хорошо. Хотя холодно. Мне, правда, не хватает здесь бейсбола и футбола. Можно кататься на лыжах, на снегоходах, великолепный хоккей, можно кататься с горки прямо в канаву.

Омельчук: Пенсии на жизнь хватает?

Пол: Вполне.

Омельчук: На все развлечения и увлечения?

Пол: На всё.

Омельчук: Может, скромные требования к жизни?

Пол: Нет. У меня запросы к жизни огромные, именно поэтому я позволил себе выйти на вторую работу.

Ведущий:

Здесь умеют жить.

Пожить.

Аккуратная страна.

Опрятное производство.

Послушные граждане.

Они заняты сами собой, но это – не предосудительно.

Но...

Север – везде: пронзительный мир

Дональд Хэнн – капитан, порт «Вальдез»

Омельчук: Капитан, когда научился варить суп?

Хэнн: Когда я был молодым, то работал в ресторане поваром и там научился готовить.

Омельчук: Ресторан не устроил?

Хэнн: Большая разница в оплате. Здесь – платят! Да и работать поваром намного труднее, чем капитаном.

Омельчук: У капитана простая работа?

Хэнн: Да, да. Но суп – капитанский.

Омельчук: Когда последний раз собирали разлитую нефть?

Хэнн: В 2001 году. Затонуло рыболовецкое судно, дизельные двигатели, мы его подняли и собрали примерно одиннадцать тысяч галлонов дизтоплива.

Омельчук: А последние годы – только тренировки?

Хэнн: Да. Мы, как пожарники, когда нет работы, то постоянно тренируемся, проводим учения.

Ведущий:

Здесь привыкли и умеют работать аккуратно.

Никуда не торопятся. Нет императива.

И альтернативы нет – мол, можно по-другому. Кажется, они даже не догадываются, что можно делать плохо, можно сделать плохо.

На Аляску никого не заманивают – ни северными коэффициентами, ни особыми бонусами, ни обильными преференциями, ни льготами. Каждый делает свой выбор.

Аляска живет зажиточно, потому что нерентабельного производства позволить себе не может.

Пит Миччич – советник компании «Коноко-Филиппс»

Пит: Наш завод является уникальным производством для региона, это самый первый и единственный завод по выпуску сжиженного газа в Соединенных Штатах. Сжиженный газ становится все более популярным топливом во всем мире.

Омельчук: Прибыльное производство?

Пит: Становится прибыльным, потому что запасы природного газа в Соединенных Штатах снижаются, приходится завозить сжиженный газ в связи с растущим спросом.

Омельчук: Тот, кто работает на этом заводе, – любит это дело или работает за деньги?

Пит: Как мне кажется, большинство людей любит работать. Вы сами слышали. Оплата очень хорошая, плюс интересный график работы: люди работают одну неделю, одну неделю отдыхают. Как мне кажется, они счастливы.

Омельчук: Это правда, что прямо вот здесь вы можете ловить лосося?

Пит: Да. Я сам занимаюсь коммерческой ловлей рыбы. Мы находимся в заливе Кука. В конце сезона, когда лосось идет в реки на нерест, именно здесь пролегает его маршрут. Прямо здесь.

Омельчук: Хорошо ловится?

Пит: Удача приходит и уходит, циклически. В какие-то годы очень хороший улов, в другие – наоборот. Последние три года уловы очень пристойные.

Омельчук: Личный рекорд рыбака Пита?

Пит: 320 дней в году я работаю в офисе. Очень много людей, с которыми я должен поддерживать очень хорошие отношения, это мои коллеги по работе, это губернатор, это моя жена. А когда я рыбаку – это исключительно для моего собственного удовольствия.

Омельчук: Рекордов не ставлю?

Пит: Нет, я люблю, чтобы каждый раз, когда я еду на рыбалку, моя лодка была заполнена с верхом, стараюсь ловить самых крупных рыб. Мой самый крупный улов за день – 16 тысяч фунтов. Не знаю, сколько это в килограммах. Это 2 тысячи 200 штук рыбин. В среднем каждый лосось весил фунтов семь.

Омельчук: Устал?

Пит: Мы ловим сетями, руки у нас, естественно, страдают, все время сети вытягиваешь, рыбу вынимаешь – но это приятная усталость.

Омельчук: Проклятый лосось! Когда он кончится?

Пит: Нет. Правительство Аляски проводит очень строгую политику и, несмотря на то, что мы вели и ведем лов лосося в течение уже ста двадцати пяти лет, никакого ущерба не нанесено.

Омельчук: Давно на Аляске?

Пит: 23 года.

Омельчук: Приехал за счастьем?

Пит: Наверное. Я приехал за счастьем. А может, в детстве начался Джека Лондона.

Омельчук: Нашел счастье?

Пит: Нет совершенно идеального места для жизни. Я надеюсь, что до конца своей жизни проживу на Аляске и умру счастливым человеком.

Омельчук: Есть такое понятие «американская мечта». А есть понятие «мечта американца, который живет на Аляске»?

Пит: Мне кажется, Аляска — одно из немногих мест, где еще можно осуществить или найти свою мечту.

Ведущий:

Если случайностей не бывает — то можно отметить:

Территория Аляски равна тюменской территории.

Все население Аляски поместится в Тюмени.

Нефть Тюмени и нефть Аляски — ровесники.

У нас великий Самотлор, у них знаменитый Прадхо-Бей.

Мы на одном берегу Северного Ледовитого океана.

Разве не ясно, разве не очевидно, что сегодня Россия — мучительно! долго! болезненно! почти слепо! ошибаясь! — ищет свой путь. Свой путь развития.

Она шла своим путем, но, очевидно, если не уткнулась в тупик, если не наткнулась на катастрофу — то подошла к краю пропасти.

«Конако Филиппс» — одна из ведущих нефтяных компаний Штатов, да и мира — любезно и гостеприимно — в лице очаровательной Дон Пейшенс — показывала нам свое большое хозяйство. Это и добыча нефти на Арктическом Северном Склоне — побережье Северного Ледовитого океана, и транс-алюскинский нефтепровод с терминалами в Вальдесе, газоперерабатывающий завод на полуострове Кенай, разбуриваемое месторождение «Купарук» — спутник Прадхо-Бей — американского Самотлора.

Руководители «Конако Филиппс» стремятся не особо выделяться. Не особенно отличаться от своих сотрудников.

Джек Гриффин — директор «Конако-Филиппс. Аляска».

Омельчук: Мистер Гриффин, на Аляске жить трудно?

Гриффин: Совсем нет. Чудесное место для жизни, здесь легко жить.

Омельчук: Курорт?

Гриффин: Да. Очень похоже на жизнь на курорте.

Омельчук: А нефть Аляски дается трудно?

Гриффин: Мы должны работать таким образом, чтобы не нанести ущерба окружающей среде, сохранять безопасность и здоровье наших служащих.

Омельчук: Стимулы «Конако-Филиппс»: зачем она лезет в эту арктическую ойкумену? Прибыль?

Гриффин: Движущей силой для нас является дух разведчиков. Мы воодушевляемся теми возможностями, которые предоставляют такая территория, как Аляска.

Омельчук: Ваша компания любит быть пионером?

Гриффин: Да, любит. Это мы называем духом первопроходчества.

Омельчук: Чем больше первопроходческого духа — тем меньше прибыль?

Гриффин: Необязательно.

Омельчук: Зачем американцы едут на Аляску?

Гриффин: Многие приезжают на Аляску из-за того, что здесь еще не обжитые территории, очень богатый животный и растительный мир. Едут за чистым воздухом, за чистой едой.

Омельчук: Аляска — все-таки другая Америка?

Гриффин: Ну нет. Аляску нельзя назвать другой Америкой. Мы являемся составной частью Америки. Тем не менее Аляска характеризуется многими уникальными явлениями, которые отличают ее.

Омельчук: Американец Аляски чем-то отличается от американца в других штатах?

Гриффин: Те американцы, которые приехали и живут на Аляске, их отличает любовь к открытому воздуху, они любят охотиться, они любят рыбачить, они любят ходить в горы, летать на маленьких самолетах, они любят, когда едут на работу и когда находятся на работе, — дышать чистым свежим воздухом.

Омельчук: Это самые свободные американцы?

Гриффин: Честно. Мы хотели бы думать и считать, что во многих отношениях мы самые свободные американцы.

Омельчук: Счастье в жизни надо искать или счастье само находит нас?

Гриффин: На Аляске оно может вас найти. Мне кажется, я просто люблю жить там, где есть горы и много открытого места, где я могу охотиться и проводить время на свежем воздухе.

Омельчук: Кто кого нашел, Джек – Аляску или Аляска Джека?

Гриффин: Я сам сюда приехал. Я нашел Аляску.

Омельчук: Сколько нужно прожить на Аляске, чтобы почувствовать себя северянином?

Гриффин: Я с самого начала знал, что хочу жить именно здесь.

Омельчук: Север делает человека благороднее?

Гриффин: Ну да. Многих людей он делает благороднее. Уверенными, самодостаточными, гордыми.

Омельчук: Северяне – элита человечества?

Гриффин: Несомненно. Я, правда, сомневаюсь, вхожу ли я в эту категорию.

Омельчук: Но не будете спорить – мужчины Аляски – самые нежные мужчины Америки?

Гриффин: Да, они не только самые нежные, но и самые смелые и самые красивые.

Омельчук: Нежные после...

Гриффин: Сибирский мужчина на втором месте.

Омельчук: А особо нежный после того, когда завалишь крупного лося?

Гриффин: Безусловно. Это такое занятие, при котором весьма вероятно вы можете прослезиться, а потом – да, чувствуете особую нежность.

Ведущий:

На холодной вершине горы вы сможете пережить чувство уюта. Тепла и уюта. Вокруг все величественно, дико, пространственно. Но что-то греет.

Поймать это ощущение, как туман в Вальдесе.

Америка – вавилон народов, и Аляска, понятно, не исключение. Но все-таки американцы здесь особые. Они – северяне, истовые северяне, а Север – понятие интернациональное.

И если самый популярный в Анкоридже – деловой столице штата – телеведущий и радиодиджей Джил (Гилберт) Санчес родом со знойной тропической Кубы, через 15 аляскинских лет – он уже настоящий северянин.

Гилберт Санчес – телепродюсер ТВ КАКМ

Омельчук: Север – это всегда больше свободы?

Санчес: Вероятно.

Омельчук: Аляска – большой шанс самореализации?

Санчес: На сто процентов.

Омельчук: А чем персонально для Гилберта особенно привлекательна Аляска?

Санчес: Дикая, нетронутая природа. Нетронутая страна.

Омельчук: Сам чувствуешь себя диким? нетронутым?

Санчес: Нет. Но ты чувствуешь свою силу. Я купил себе участок невозделанной земли и хотя не претендую на то, что я необыкновенный человек, но гарантирую, что на этой земле до меня никто не работал. В других штатах такую землю уже невозможно найти.

Омельчук: И какое чувство, когда обрабатываешь нетронутую землю?

Санчес: Я ее не возделываю. Я купил эту землю именно для того, чтобы сохранить в первозданном виде для своих детей, внуков и правнуков. Если правильнее сказать, я не хочу ее изменять, я хочу сохранить ее в том виде, в каком она сейчас. Правильнее будет: я охраняю ее. Сохраняю.

Омельчук: Аляска – страна для счастья?

Санчес: Абсолютно.

Ведущий:

Русских на Аляске помнят. Может быть, самые большие друзья русских и здешней русской истории – коренные жители Аляски: алеуты, иннуиты, индейцы, эскимосы. Многие из них – православные. Аборигены Аляски, кажется, не чувствуют себя чужими на празднике счастья. Понятно, жизнь у них трудна, но они достойно вписались в реалии жизни уже и XXI века.

У вождя аборигенов, президента Центра наследия коренного населения Аляски, Перри Итона – сибирские корни. Родословная Перри – по мужской линии – начинается с тобольских первопроходцев.

Перри Итон – лидер коренного населения Аляски

Омельчук: Трудно живется на Аляске алеутам, эскимосам, индейцам?

Итон: В контексте Америки?

Омельчук: В контексте Аляски.

Итон: Разумеется, представителям национальных меньшинств приходится сложнее. Сложности обусловлены слишком быстрой сменой культурной традиции. Для каждого коренного жителя Аляски – главная задача сохранить свою уникальность, свою культуру, свою историю и при этом быть в общей американской культуре. Лет 40 назад шла речь об американизации. Потом произошли очень тонкие изменения... Под американизацией подразумевалась тотальная ассимиляция, это означало, что человек должен отречься от всего истинно своего, как можно ближе подойти к стандартизированному, усредненному американцу – воплощению американской мечты. Сегодня под американизацией подразумевается несколько другое: человек может и должен сохранить свою идентичность,

присущие ему особенности, но принимать участие и быть членом американского общества. Можно оставаться иннуитом, но в то же самое время быть гражданином США.

У меня очень интересная жизнь. Я широко известен. У меня громкий голос среди нашей этнической группы. Я начинал рыбаком у своего отца в девять лет. Пошел в школу, стал машинистом, потом банкиром, затем управлял серьезными компаниями.

Омельчук: Но лучшая, незабываемая работа – это промысел рыбака?

Итон: Самая мужская работа.

Омельчук: Банкир?

Итон: Банковское дело требует меньше сообразительности, здравого практического смысла. Больше интеллектуального. А ловить рыбу... тыловишь для того, чтобы выжить и пользуешься своей сметкой, сноровкой, практической смекалкой. Когда вы рыбачите, вы всегда на грани.

Омельчук: Большой лосось ловился в Ваши детские времена?

Итон: Да. Есть пять разновидностей лосося: кета, горбуша, королевский лосось. Но мы в основном ловили мелкого, розового лосося.

Омельчук: Особо вкусного?

Итон: Особо.

Омельчук: Аляска – уютная земля?

Итон: Мне кажется, что все зависит от человеческих взаимоотношений. Аляска – то место, где ты и зависишь, и можешь положиться на своего соседа.

Омельчук: На Аляске можно найти счастье?

Итон: Конечно.

Омельчук: Воплощенное счастье?

Итон: Я даже не могу себе представить жизни в другом месте. Я проехал весь свет, но нигде бы не хотел жить. Только здесь. Дом там – где твое сердце. Мое сердце здесь.

Ведущий:

Здесь эту золотую пору называют – «индейское лето».

Наверное, это – только предисловие к «индейскому лету».

Возбужденная красота – воспаленная, пылающая осень – случится позднее.

Здесь так хорошо! – что особо пронзительно чувствуешь: жизнь – коротка, жаль только – слишком быстро кончается.

Но что-то...

Успел?

Пусть русский рубль в возбужденном осеннем море Бофорта дожидается нашего возвращения.

Аляска...
Земля не чужая.
И счастье, может быть, тоже не чужое.

«Чужое счастье» на Аляске искала съемочная группа телерадиокомпании
«Регион-Тюмень»:

журналист Анатолий Омельчук
режиссер Эдуард Улыбин
телеоператор Сергей Лыкасов

ВТОРАЯ ПОСЛЕ РОССИИ

Так похожа...

Эдуард УЛЫБИН

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЛОВУШКА ДЛЯ СНОВ

Неудавшийся сценарий явно неудавшегося фильма

Надо бы, конечно, в Манитобу, да нет дороги в Манитобу. Так что, может, сойдут? – Онтарио и Квебек? Канада, одна из немногих на планете, – страна Полярного круга. Провинция Онтарио к этому кругу примыкает – правда, с подветренной южной стороны.

В вигваме темно. Темно в вигваме вождя.

Тьма веков – это буквально.

Еще совсем недавно люди жили только при солнечном свете. Мы забыли? Единственный светильник – но для всех. Солнце.

День и жизнь – это когда естественно светло.

Ночь – для отдыха, сна, утех и, возможно, злодеяний.

Нечего делать при лучине или коптящей вонючей сальной плшке.

Это всё они, яблочковы-лодыгины-эдисоны – помогли человечеству свернуть с пути естественного света на искусственный. Мы не заметили, но жизнь если и не стала совсем искусственной, то совсем естественной уже перестала быть. Всё это случилось еще совсем недавно.

Мы изменили солнцу. Мы придумали тысячи своих солнц. Искусственных солнц.

Думаете, солнце нам это простило? Простит?

Что манит? Почему? Когда начинается путешествие?

Когда купил билет? Или: билет – уже последний этап?

Всякое путешествие – искушение и соблазн?

Кто соблазняет? Как? Каким образом?

Когда-то старый бард (бард-то, понятно, молодой, только пел он в старинные годы) наборматывал: над Канадой... над Канадой...

там было про дожди косые, и особо запоминающееся, запомнившееся.

Так похожа на Россию

Только все же...

Так похожа?

Так похоже?

Может, этот бард и соблазнил? Или: у меня выхода не было? На Северном полярном круге планеты не так уж и много стран (всего семь) и если уж задался целью пройти полярным кругом человечества – Канаду не миновать. У нее после России вторая по длине полярная параллель. На остальных – Норвегию, Финляндию, Исландию, датскую Гренландию и американскую Аляску приходится солидно поменьше.

Ведущий:

– Так похожа на Россию.

Но всегда – вторая после России.

Россия – самое крупное государство на нашей планете. Вторая территория – у Канады.

Дальний Запад у Канады не освоен так же, как у России – Дальний Восток. Совпадения? Или – закономерности?

Однажды, единственный раз за всю историю Соединенных Штатов Америки, столичный «штатовский» Вашингтон пал. В 1812 году.

Его штурмовали и взяли войска английского доминиона «Канада». Канадские войска. У них, в Северной Америке, была своя Отечественная война. Как и в России. В 1812 году. Совпадение? Сопряжение?

Омельчук: Я стою в начале, в истоке улицы Янг-стрит. Это длинная – наверное и наверняка – самая длинная улица на нашей планете. Официально считается, что ее длина, вы не поверите! – 1896 километров. Представляете? Современные справочники уточняют, что длинющая улица уже превысила две тысячи километров. Точно – 2004 километра. Улица постоянно подрастает, растет, она начинается здесь, с берега озера Онтарио (это такой канадский Байкал, очень крупное озеро, одно из семи Великих американских озер). Улица начинается в Торонто – столице провинции Онтарио, потом идет по многим мелким и разным городам и заканчивается где-то в Верхних Озерах. Но так как это улица – «стрит», а не дорога – не «вей», это действительно городская улица и значит, на две тысячи верст, пару тысяч миль через всю провинцию Онтарио протянулся и уличный город, город этой улицы. Непредставимо! Это не один город, их много, это разные города. Но – впритык друг к другу. Можно считать, что это растущий, развивающийся, постоянно обновляющийся город. Хотя на Янг-стрит –

кроме зданий, офисов, учреждений, предприятий – могут пастись местные лошади, пасторальные коровы, могут пастись – к северу даже фермерские олени. Вот такая большая оригинальная улица. «Янг» – естественно, китайская фамилия: значит, если не через всю Канаду, то через всю землю Онтарио проходит провинциальная улица с китайскими корнями. Китайцев в Канаде не столь уж и много, чуток больше миллиона. Мелочь. Но это почти столько же, сколько коренных жителей Канады, которых мы с вами, читающая публика, знаем, как «индейцев». Политкорректные граждане Канады сегодня слово «индейцы» не употребляют, употребляется синоним – «коренные жители». Кстати, русских в Канаде тоже около миллиона, чуть больше – чуть меньше, точной статистики нет. Правда, если точнее – не чисто русских, а русскоговорящих. Здесь более 2-х чистопородных миллионов украинцев, которые начали эмигрировать сюда еще в позапрошлом веке. Канада – такая сборная планеты. Сборная планеты.

Зачем перебираются, движутся люди? Именно сюда? Скорее всего, если они стремятся, то стремятся за своим счастьем на землю счастья, в страну счастья. Может быть, Канада – это та страна, в которой действительно можно найти счастье. Это красивая страна, страна красивых людей и, может быть, действительно страна осуществленного счастья. Человек обречен вечно искать страну счастья. Находит ли он счастье здесь, в Канаде?

Ведущий:

– Грубый счет: на одного чисто американского урожденного аборигена здесь, в Канаде, приходится 33 приезжих. Да, это сборная мира, страна гостей. Гости сегодня, гости, которые завтра станут, становятся хозяевами страны.

У нашего канадского друга Артура (это он подогнал свой «Шевроле» к аэрофлотовскому самолету) совсем небольшой

канадский стаж – второй год. Артур – одессит советского разлива. Его отец уже дюжина лет как уехал сюда – в канадский уезд советской Украины. Наверное, это подспудно возбуждало и стимулировало артуров переезд. Он начинал разносчиком пиццы, да и сейчас его бизнес, если и звучит солидно, но в переводе с аристократического англо-канадского на наш родной пролетарский престижно вряд ли возвышает: он попросту монтирует кухонную мебель. Вуз Артур не успел закончить, впрочем, одесский диплом ему особенно бы и не пригодился. Он понимает – надо крутиться. Для старта – все возможности приемлемы.

Артур Гордиевский – строитель

Артур: Первая зима тяжела, я больше с лопатой стоял, чем пиццу развозил, но работал и зарабатывал какие-то деньги. Я делаю сервис для кухонь – в новых домах. Мне нравится. Моя недельная зарплата 1000-1200 канадских долларов в неделю. Это достаточно большие деньги, годовая зарплата выходит под 50 тысяч долларов. Средняя канадская зарплата – 30 тысяч. Хватает по сути на все: на еду, на страховки, на оплаты счетов и даже на путешествия.

Омельчук: Чтобы бросить девушку – ее надо разлюбить. Чем Одесса перед Артуром провинилась?

Артур: Одесса не провинилась. В Украине я не мог себе позволить ездить на машине, не имея влиятельного папы. Я приобрел здесь финансовую независимость, я очень прагматичный, и для меня на самом деле это очень важно. Мне нравится в 20 лет чувствовать себя независимым. Грубо говоря, тут намного больше возможностей, больше работают, люди больше зарабатывают, больше тратят.

Ведущий:

– Он не собирается возвращаться в Одессу на белом коне. В крайнем случае – на маленьком белом пони: на зависть суровых одноклассниц.

Он очень лоялен к государству, которое его приютило и привечает.

Омельчук: Государство – друг человека?

Артур: Мы пьем пиво на вечернем берегу Онтарио. Лучший друг, конечно, твой банковский счет.

Омельчук: Государство – второй друг?

Артур: Государство – наверно, такой Большой Брат для индейцев. В случае неприятности постарается тебя поддержать.

Ведущий:

– Артур хотел бы устроиться в армию. Служба мирная, скорее всего, не особо пыльная. Хорошие социальные гарантии, а главный бонус – после службы почти автоматически можно получить хорошее образование в университете.

Человеку для счастья, в общем-то, нужно не так и много. Главное, чтобы тебя принимали.

Полюбить новое – необязательно: возненавидеть старое. Возможно, эта северная земля своим гостям умеет помогать решать проблемы здесь, которые не решались – ТАМ. На родной земле. Обидно. Но ничего не попишешь. Кому-то родина, родника – это ТАМ, где тебе хорошо.

Понятно, сам-то исповедуешь другое: Родина – и это уже хорошо навсегда.

Но прими и чужую точку зрения, одесского патриота в Канаде.

Надежда – гуд

Омельчук: Это рай для женщин?

Надежда: Наверно. В Канаде по статистике на одну женщину приходится несколько мужчин.

Омельчук: Это определяюще?

Надежда: Наверно. Но здесь очень много одиноких людей. Почему много? Здесь не стыдно быть одиноким. Закон – на стороне женщин. Я считаю, что это более здоровое общество. Страна, в которой очень поощряются семейные ценности.

Омельчук: Канада – женское счастье неизбежно?

Надежда: Я не столь категорична. Но, если хочешь быть счастливым – будь им.

Омельчук: Но матриархат сохранился? Гуронский матриархат?

Надежда: В душе – да. Но жизнь диктует свои условия.

Ведущий:

– Кукольный Гурон. Игрушечная Канада. Опрятным странам не хватает грязи жизни, чтобы нам дать понять – всё это по-настоящему и всерьез. Молодая страна. Очень молодая страна. Она родилась совсем недавно – в XIX веке. Канада старательно и прилежно бережет свое не очень большое государственное прошлое. Относительно маленькое. Как у всякой земли, у этой территории богатейшее прошлое. Богатое, необычное, трагическое и прекрасное. Страна однажды перенесла страшную утрату: она не хотела помнить прошлое своих первых народов, которых мы знаем как «индейцев», но вовремя одумалась.

Аборигенная Канада – прекрасная страница в истории человечества.

Первое канадское открытие. У человечества – матриархат в далеком прошлом. Здесь, на озере Гурон, вам все напомним о совсем недавних временах, когда правильные женщины руководили правильной жизнью.

Надежда: Канада – страна эмигрантов. На ее территории сегодня проживает всего 34 миллиона человек. Миллион из них – индейцы. Естественно, те люди, которые сюда приехали, привезли свою культуру. Но индейцы сохранили и сохраняют свои здешние традиции, пытаются их сохранять.

Большинство индейцев – крещенные, но при этом они соблюдают языческие обычаи.

Омельчук: Можно говорить, что человечество движется к индейскому прошлому – к матриархату?

Надежда: Думаю, нет, хотя, вы знаете, Маркс и Энгельс считали индейское общество совершенным. Собираясь строить коммунизм, они изучали индейское общество. Они утверждали общество, в котором нет брошенных стариков, бездомных детей, права женщины соблюдены, все строго распределено справедливо социально. В обществе женщины занимались фермерским хозяйством, мужчины охотились, приносили еду в дом, старики обучали следующее поколение, женщины воспитывали подрастающих. Маркс считал это общество совершенным. Если мы вернемся к индейскому марксизму

му, будет совсем неплохо.

Омельчук: Что привлекательно в индейском матриархате?

Надежда: Если бы я была мужчиной, я наверно, затруднилась бы ответить на ваш вопрос. Как женщина я говорю: это здорово, когда женщине принадлежит абсолютно все. В индейских поселениях женщине принадлежало все: земли, имущество, дети. Женщина определяла, что делать с пленниками, будут ли они казнены или помилованы. Меня – на подкорке – привлекает индейское общество.

Омельчук: А что оставалось урожденному канадскому мужику?

Надежда: Заботиться о своем поселении. Заботиться о женщинах. Приносить убитых животных. Приносить шкуры. Защищать свое поселение.

Омельчук: Быть беспощадным?..

Надежда: К своим врагам. Несомненно.

Омельчук: Знание прошлого, знание истории страны усугубляет любовь к ней?

Надежда: Абсолютно. Всегда пугает неизвестность. Чем больше я узнаю Канаду, тем больше я ее люблю. История этой страны – это бобровые шкурки. Что привлекало европейцев? Бобровые шкурки. Индейцы просто пали жертвой моды в Европе. В те годы в Европе стало очень холодно и в моду вошли изделия из бобровых шкур. Очень хороший мех. Чем больше узнаю эту страну, тем больше она мне нравится.

Омельчук: Не слишком ли узко: бобровая шкурка определяла экспансию и освоение Канады. А замечательно красивые земли?

Надежда: История не имеет сослагательного наклонения, я говорю о том, что было на самом деле. На самом деле – исключительно бобровые шкурки. Когда в 1601 году сюда прибыли первые французы и иные европейцы, их интересовали исключительно бобровые шкурки. Это их золото, валюта, их фарт.

Омельчук: Среди миссионеров с иезуитской улыбкой – эстетов не было, тех эстетов, которые могли просто полюбить эту землю?

Надежда: Эти люди – как раз иезуиты. У них выбора особого не было. Иезуиты – просто военная организация, они подчинялись своему начальству, а начальство сказало – нужно! Они крестили индейцев. Когда надо – и мечом.

Ведущий:

– Отец нашего доброго знакомого, нового канадца Артура живет на Канадском Севере, на северных территориях. Желанная Манитоба. И у его сына случилась редкая возможность...

Артур Гордиевский – строитель

Артур: Однажды Артур попадает в резервацию. Да, да, Фенимора Купера, конечно, читал. На самом деле, все на самом деле – правда, и на самом деле – очень строго. В резервации очень сильные социальные разграничения, женщины сугубо готовят обед, сугубо следят за детьми, а мужчины

сугубо ходят на охоту-рыбалку и строят вигвамы. Очень строгий порядок. Может быть, не хватает индейского порядка.

Омельчук: А удивление, что это возможно сохранить и законсервировать в XXI веке, удивление было?

Артур: Конечно. Думаю, это большая заслуга государства. На самом деле индейцы – они довольно жесткие люди, но как малые дети.

Омельчук: Жесткие малые дети?

Артур: Да, да. Непослушные жесткие маленькие дети. Государство их опекает. В этом плане, я думаю, государство – просто молодец.

Ведущий:

– Странно, на озере Гурон мне почему-то вспомнился мой великий земляк, хантыйский писатель Еремей Айпин.

Совсем недавно, недавно с точки зрения вечности – Американский континент на планете Земля соединялся с Азией Берингоморским перешейком. Аборигенная Сибирь по сути – страна таких же «индейцев», сибирских родственников американских аборигенов. Может быть, точнее – Северная Америка – страна сибирских аборигенов. И, может быть, у аборигенов – на любом материке – проблемы в общем-то одни.

Так произошло, что сразу после канадской поездки Еремей Айпин пригласил меня к себе в свой таежный югорский вигвам на старице Иртыша.

Еремей Айпин – Нобелевский номинант

Айпин: Я открыл целый мир – север Канады. Это для меня целый мир, в этом мире я извлек несколько уроков. Первое, что меня порадовало. У иннуитов, эскимосов на ледовитом побережье океана жизнь очень суровая, жестокая: только льды и больше ничего. У них очень много грамотных, но среди них писателей, людей, ищущих истину, я не обнаружил. В этом плане наши ханты и манси живут в большей степени духовной жизнью. У соседей – наоборот: они материально лучше обеспечены, лучше условия жилища, жилья, лучше организовано снабжение. Но в плане духовном они ма-

ло задумываются, истина их в меньшей степени интересует, чем нас. Меня, честно, это порадовало. Я обрадовался за нас. Резервация, считаю, это хорошо. Резервация, я бы сказал, это прекрасно. Я завидую тем людям, которые живут в резервациях. Причина вот в чем. Они получили жизненное пространство, часть своей исконной земли, и на этом клочке земли – большом или небольшом неважно – они могут справлять свои обряды, ходить на охоту, рыбачить, заниматься своими традициями, разговаривать на родном языке. Они живут там естественной жизнью, которую предложила им природа. Буквально вчера мне звонил оленевод из Когалыма: «Постреляли моих оленей на родовом угодье. Что делать? Помогите!» Позавчера звонил житель с моей родной реки Пим Яков Николаевич: «В мое родовое угодье въехали грузовые машины, собирают грибы, ягоды, разрушают природу. Что делать?» Когда я начинаю сравнивать, конечно же, в резервацию, в которой я бывал, никто и никогда без разрешения жителей не заявится, никто не мешает им жить естественной жизнью. Это формула и для России. Другого выхода нет. Если мы хотим сохранить наши коренные народы, мы придем к формуле резервации. Пусть они будут называться «территориями традиционного природопользования», «особо охраняемыми территориями». Если мы захотим сохранить коренные народы, конечно же, мы придем к этому. Я завидую тем, кто живет в резервациях? Я позавидовал с точки зрения моего отца, который, к сожалению, уже ушел из жизни. Он мне все время говорил одно: «Что мне надо? Чтобы мне не мешали на моей земле поклоняться моим богам, молиться, когда я хочу, ловить рыбу не мешали, не мешали охотиться, не мешали пасти оленей, не уничтожали мои пастбища, чтобы не загрязняли реки, чтобы озера и болота были чистыми». Это что? Это разве не резервация? Вот что он хотел, мой отец.

Ведущий:

– Из Канады я привез вот эту ловушку. Это очень хитрая ловушка. Она только на вид очень проста и простодушна. Ни один народ на планете до такого не додумался. Это локатор. Очень сильный, мощный. Возможно, даже – космический локатор.

Локатор человеческого космоса.

Омельчук: Твое поколение не помнит песню «над Канадой небо

синее, дожди косые, так похожа на Россию, только все же не Россия»?

Артур: Не слышал.

Омельчук: Похожа на Россию?

Артур: Здесь много русских и украинцев. Чем похожа? Не похожа.

Омельчук: Да мы вот под березами сидим!

Артур: Мы сидим в абсолютно пустом парке. Мы можем не бояться, что сейчас придут нетрезвые люди и начнут банально мешать. Здесь все сделано для человека.

Омельчук: Не похожа?

Артур: Не похожа.

Ведущий:

– Аборигены с озера Гурон придумали великую вещь: ловушку для снов.

Уникальное изобретение: она ловит хорошие сны, а если в ее сети попадают плохие – они не сбываются.

Канада – хороший сон? Сбывшийся сон? Сбывающийся сон?

«Ловушку для снов» из Канады привезли:

журналист Анатолий Омельчук

телеоператор и режиссер Эдуард Улыбин

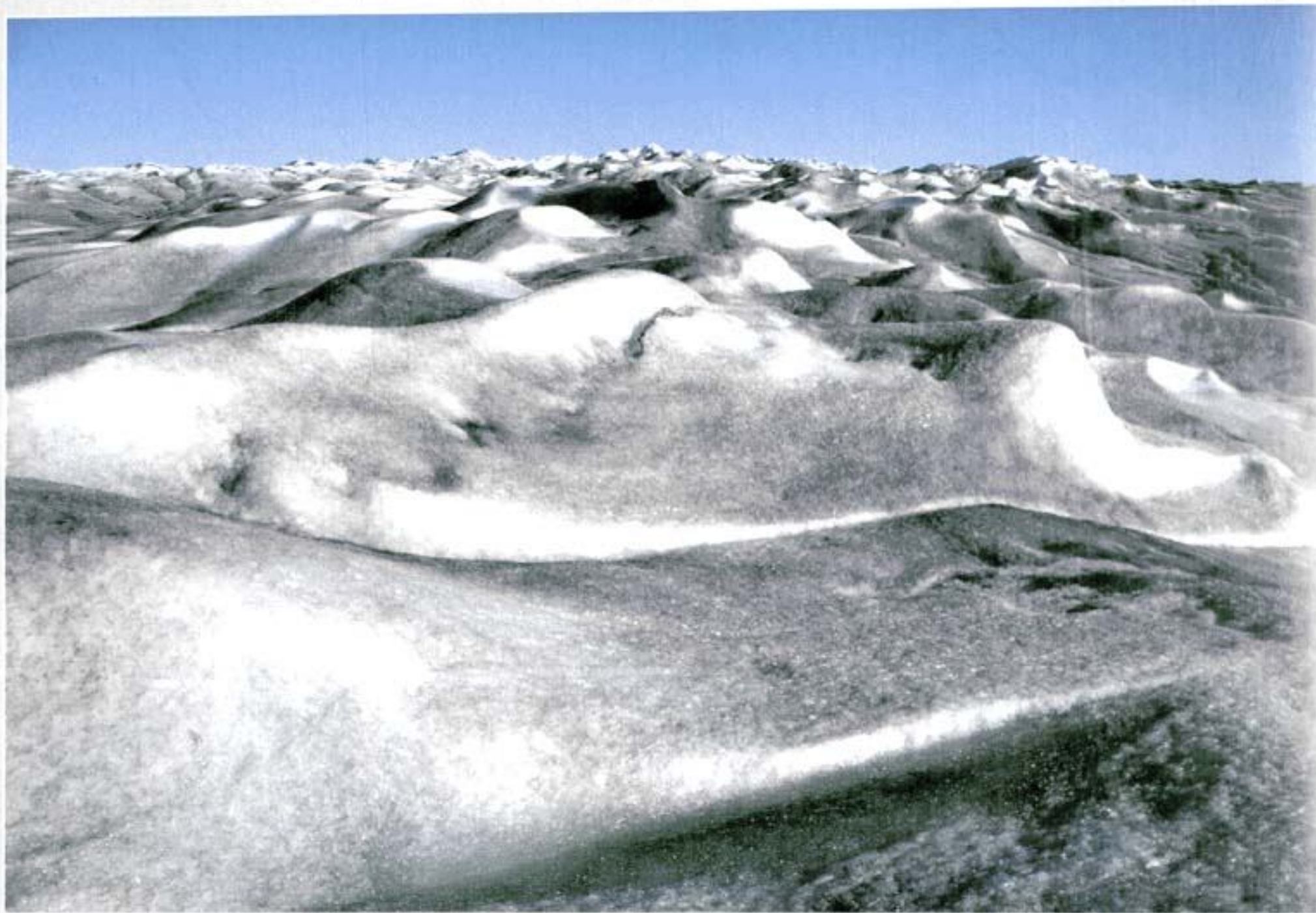
БЕЛАЯ ШАПКА
ПЛАНЕТЫ

*Гостеприимные
льды*

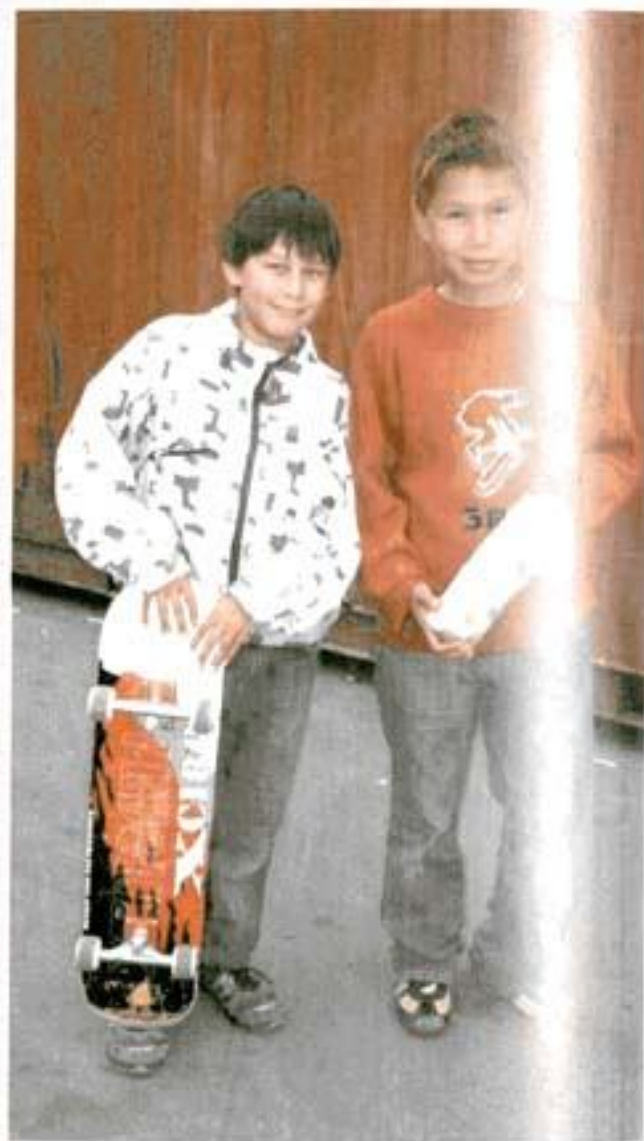
Эдуард УЛЫБИН

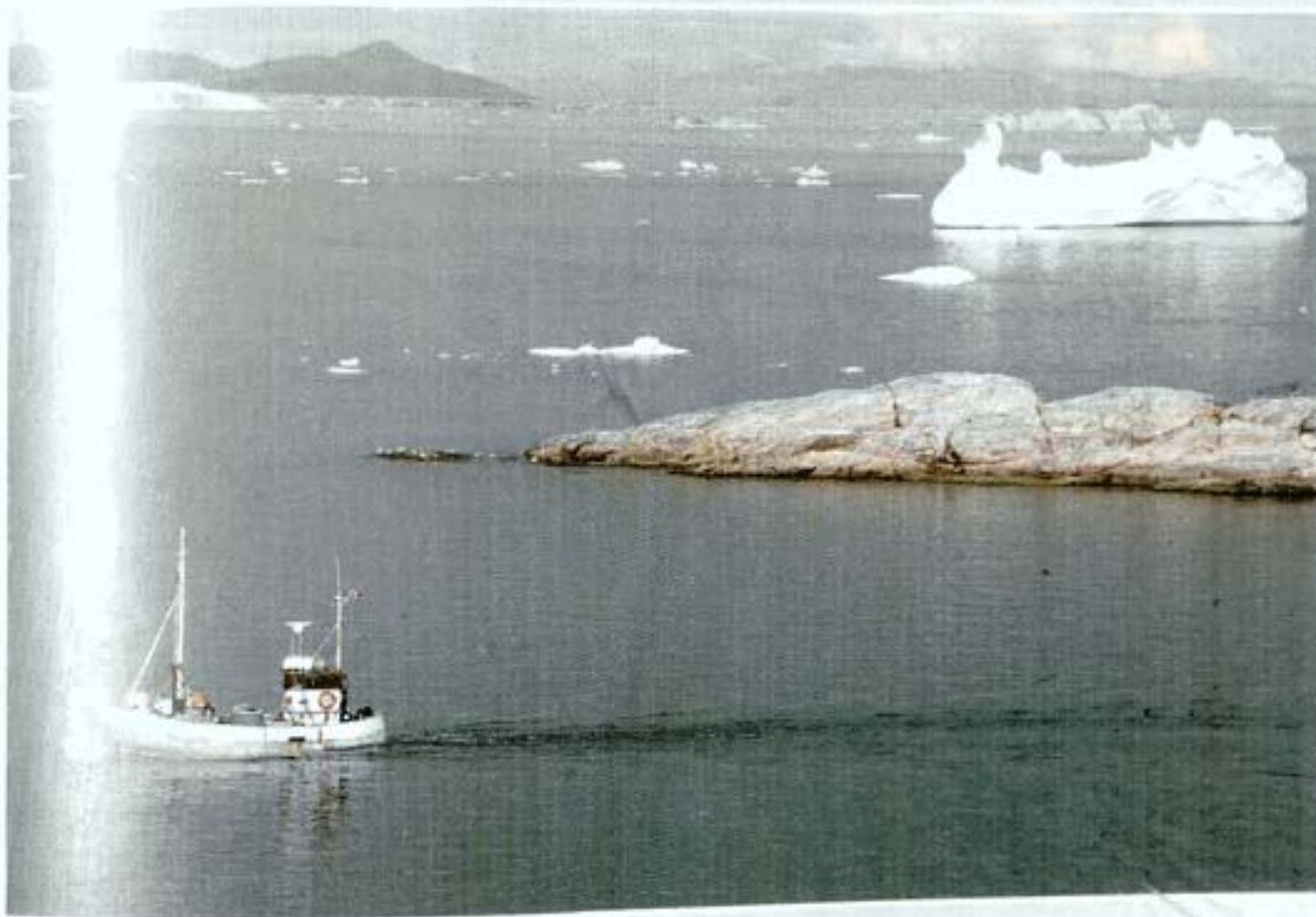

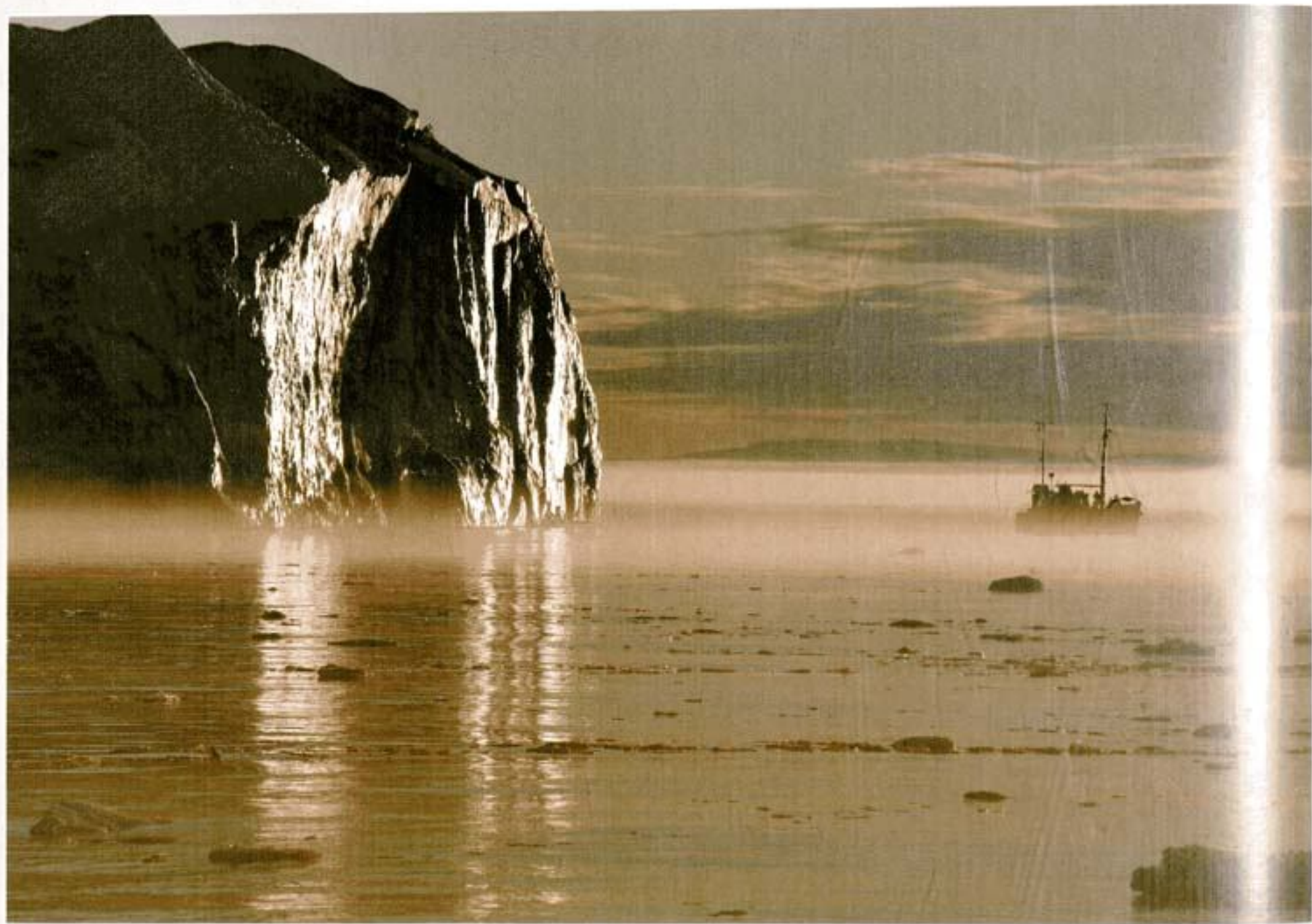

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

НЕОПОЗНАННАЯ ГРЕНЛАНДИЯ

ВИДЕОФИЛЬМ

Ведущий:

– Пронзительное пространство. Первая встреча с новым материком – материком Гренландия – с высоты 20 тысяч «бониговых» футов. Когда белая земля вписывается в самолетный блистер, сразу, своей ослепительной белизной, ослепляющей белизной (денек выдался погожий, и над всей Гренландией безоблачное небо!) – еще не представляешь масштаб этой бесконечной белизны. Столько белого (и сразу!) не бывает. Не может быть. Но оно плывет и плывет под тобой. Мощный свет белого. Хотя можешь различить, как там внизу (белое на белом, свирепое белое на безмолвно белом) бесчинствует метель – пурга – хиус – поземка – или как там это называется? в Гренландии.

Свирепое белое.

Мощное белое.

Монолит белого.

Глыба. Белая глыба. Нескончаемо белая.

И кажется: холод, холод белого, белый холод поднимается ввысь, достигает, пронзает и пронизывает тебя. Ощущение пронизывающе белого. Свирепый ранящий холод. И единственное чувство: это нельзя пропустить. Невозможно. У тебя нет шанса – упустить.

Ты не для этого родился. Ты обязан здесь побывать.

И какая-то радость за свою маленькую планету: если у нее еще сохранился этот природный материк бесконечно, пронзительно холодно белого (называется – Гренландия!) значит, дела у человечества не безнадежны.

Ведь этот пронизывающий белый холод от чего-то Землю охраняет. Явно. Он не просто так. У него есть предназначение. Миссия. Он ей нужен и обязателен.

Пронзительное пространство!

Хотя бы одним глазком... Но – вблизи.

Первое впечатление – Большая Скука. Мутные потоки серой воды с ледников. Фьорд, в который впадают ледниковые реки у Кангерлуссака – лужа скучной мутной жижи.

И даже сверху, при посадке «Боинга», совершенно ясно: необжитая земля. Необживаемая земля.

Коренные гренландцы — большая часть невеликого населения страны. Их можно увидеть в самых разных трудах: водители, аэродромные рабочие на военной авиабазе, «белые воротнички» аэропорта, официанты, грузчики в морском порту, капитаны и матросы на маленьких суденышках, сосредоточенные менеджеры гостиничного сервиса, они заняты в традиционных ремеслах и на административной работе. Вот кадрово вроде и вся загадочная цивилизация Туле. Впрочем... Симпатичная раскосоглазая барышня из службы аэродромного обслуживания на вопрос:

— Кто ваш дедушка? — гордо отвечает:

— Дантист.

Наверное, есть еще бывалые гренландские китобои, искусные рыбаки, профессиональные оленеводы и отчаянные охотники на морского зверя. Нам не довелось... Туман в Иллулисате. Случай не представился. Наверное, и для Гренландии — это уже экзотика.

Для гренландцев, которых давно и напрочь опалила «огненная вода», в каждом местном поселении есть дешевый паб, который находится под строгой опекой властей. Американцы в период холодной войны XX века, кроме Кангерлуссака, построили еще дюжину военных баз-аэродромов, которые потребовали много местных рабочих. Пожалуй, именно это — фатально и окончательно — погубило, убило уникальную, но малочисленную цивилизацию Туле. У гренландских аборигенов появилась не сезонная гражданская работа, но практически и системно закончились все традиционные промыслы, как способ и средство существования: промысел морского зверя, рыбная ловля, масштабное оленеводство. Этнографы, вроде Жака Малори, изучавшего загадки арктической цивилизации Туле, быстро остались без работы. «Холодная война» погубила самую, быть может, морозоустойчивую на планете человеческую цивилизацию.

Хендрик Страуберг — будущий абориген

Омельчук: Хендрик, в Гренландии хорошо?

Хендрик: Очень хорошо. Здесь легко, мирно, местные жители очень дружелюбны и легко улыбаются.

Омельчук: Что больше всего ценится в вашей стране?

Хендрик: Природа. Люди живут и в природе, и в гармонии. Можно дышать свежим воздухом, сходить на охоту, наловить рыбы. Здесь могут долго ждать, умеют долго ждать, умеют жить терпеливо.

Омельчук: В Гренландию можно приезжать за тишиной?

Хендрик: Точно.

Омельчук: Тишина скоро будет дороже нефти?

Хендрик: Мы счастливы, что в нашей большой стране есть возможность иметь тишину в одном месте, а нефть – в другом.

Омельчук: В Гренландии не было войн?

Хендрик: Никогда. Конечно, во времена старой культуры случались свои раздоры. Но не войны.

Омельчук: А когда для себя открыл Гренландию?

Хендрик: Я приехал сюда туристом, но понял, что хочу остаться здесь.

Омельчук: Гренландия ждала?

Хендрик: Видимо, я ждал Гренландию. Но не знал этого, пока не ступил на эту землю. Я начал учить гренландский язык, еще живя в Дании.

Омельчук: А кто кого нашел: ты свою жену или жена нашла Хендрика?

Хендрик: Я играл в волейбол и заметил приятно выглядевшую девушку.

Омельчук: За тебя болела?

Хендрик: Скорее, я болел за нее.

Омельчук: Четверо детей – уверен в их будущем?

Хендрик: Хороший дом, у них много возможностей, свободная жизнь. Все зависит от них.

Омельчук: У твоих детей имена счастливых людей?

Хендрик: Это уж точно.

Омельчук: Трудно жить в Гренландии?

Хендрик: Абсолютно нет. В Нууке точно такой же набор вещей, как в других городах Дании, в любой части Европы.

Омельчук: Разве в Европе не трудно жить?

Хендрик: Сложный вопрос. Сложность сейчас в том, что ты постоянно должен выбирать. Огромный выбор. Это проблема.

Омельчук: Гренландия – гигантский кусок льда. В какое время здесь жить тяжело?

Хендрик: Январь. Темно, северное сияние перестает появляться, полярная ночь. Наверное, самое тяжелое время. Холодно, много снега. В Дании в это время постоянный дождь.

Омельчук: А если премьер-министр Гренландии попросит тебя поехать в Европу поагитировать европейцев переезжать сюда – есть главный аргумент?

Хендрик: Честно? Мы не хотим, чтобы сюда приезжало много людей.

Омельчук: Прекрасная страна?

Хендрик: Она есть.

Омельчук: Если бы Бог ее не создал, ее нужно было придумать?

Хендрик: Да.

Омельчук: Гренландия – навсегда?

Хендрик: Я умру здесь.

Омельчук: Как зовут жену?

Хендрик: Ее первое имя Инге, но у нее много имен. Когда ты рождаешься, ты получаешь имена того, кто недавно умер, тебе вручается часть предыдущей души.

Омельчук: Она древнего рода?

Хендрик: Да. Они пришли из маленьких общин с Большого Фьорда.

Ведущий:

— В Гренландии живут иннуиты (рифмуется: с интуицией). Эскимосы. В России — эскимосы. В Америке — иннуиты. Гренландские иннуиты предпочитают называть себя: гренландцами. Они все-таки особые эскимосы, особые иннуиты — гренландцы.

Чем живет эта большая маленькая страна?

Явных богатств нет. Немного рыбы и морского зверя. Компактный морской порт. Морские перевозки. Теплицы на юге острова. Развитая авиация — автомагистралей в Гренландии нет и, кажется, не будет никогда. Туризм на холодной красоте. Страна ищет нефть. Понятно, что нефть есть. Всего понемногу. Никаких шальных богатств. Аборигены острова богатыми никогда не были. Привыкли жить скромно. Но уровень жизни приличный. Нищеты почти не видно.

Гренландия стремится стать самостоятельной. Метрополия — Дания — не препятствует. Но гренландцы не торопятся. Медлят. Чего-то (может сложиться впечатление) выжидают. Север приучает к терпению. На Севере народ не торопливый, не спешащий. Но цель однозначна: независимость.

Но... Может, лет через 20. Возможно, и через 30.

Им еще надо помороковать и определиться: как жить. Открыть нефть. Хорошую. Нефть — непременно. Но нынешние связи с Данией (Гренландия — ее протекторат) тоже капитал. Гренландцы капиталами не разбрасываются.

Дания — колонизатор мягкий. Толерантный. Застенчиво стыдится роли метрополии. Извиняется. Помогает. Гренландия геополитически делает малюсенькую европейскую Данию большой (по территории!) и крупной державой. Это тоже капитал. Датчане — народ скуповатый, и тоже не хотели бы нажитыми капиталами разбрасываться. Таковы геополитические коллизии.

Мазстро Карл Педерсен нас... как бы это помягче выразиться — ввел нас в заблуждение. Пообещал. Но обещанное, наверное, попросту не успел сделать. Они, художники, народ — вне

времени, и обязательность в их достоинства не входит. Жаль. Мазстро Карл — высокий, мощный, массивный и масштабный — нечто вроде здешнего национального героя. Он создал в Иллулисте косторезную мастерскую. Гренландцы особо искусством не балуются, точнее — начали баловаться недавно. В их привычном жестоком, беспощадном мире, в жесткой здешней природе — искусство: роскошь непозволительная. Время этой роскоши пришло лишь на исходе XX века, когда мастерство стало таким же товаром, как китовое мясо, лосось или карибу.

В этой нереспектабельной мастерской, которую создал основоположник Карл Педерсен, возможно, начинается мировая слава гренландского косторезного творчества. Впрочем, именно — возможно. Возможно, да. Возможно, нет.

Символ Гренландии — колокольчик. Да, да, полевой цветочек, синенький, скромный. Невзрачный. Но радующий. Как радуется всё, чего — немного. Льда много. Камня много. Белого много. Колокольчиков — немного. И недолго. Гренландское лето, как колокольчик. Скромный цвет. Недолгий звук. Очень недолго.

Женщин погода волнует всегда. Они сами как погода: непредсказуемы, неуправляемы, неустойчивы, переменчивы, непрогнозируемы. Правда, в последнее время женщины много говорят о потеплении. Глобальном. Глобальное потепление — это, естественно, матриархат.

О характере жизни в Гренландии, менталитете гренландцев, пожалуй, фактурно свидетельствует этот эпизод. В Кангерлуссаке — это погодный оазис в беспросветно пасмурной Гренландии — приземлилась Ангела Меркель. Канцлер Германии. Заметная в мире женщина. На собственном канцлерском самолете. И просто заметная женщина. (Представляете, у нас в тюменском Рошино приземляется президентский самолет с Ангелой Меркель!) Кангерлуссак не заметил визита канцлера ФРГ. Ну никак! Ну, приземлилась. Ну, канцлер. Заметная женщина? Кому как. Гренландцы никак не проявили своего

интереса. Ангела Меркель полетела дальше на самолете уже гринландских авиалиний в Иллиполисат, где проводила Международный конгресс по глобальному потеплению. Дамы любят и умеют поговорить о погоде и меняющемся климате. Канцлер ФРГ патронирует эту международную проблему. Какой-то вопрос я ей хотел задать. Ведь вертелся же какой-то вопрос. Чего же постеснялся? Своего деревенского немецкого? Или: сходство женщины Земли и погода на планете – крамольная, не деликатная тема?

Эрлинг Мункхольм – владелец отеля «Фалк»

Омельчук: Гренландия – ваша страна?

Эрлинг: Да.

Омельчук: Не чужая земля?

Эрлинг: Да.

Омельчук: Судьба Гренландии важна для Вашей жизни?

Эрлинг: Я надеюсь, у Гренландии будет очень хорошая судьба. Много туристов, много природных ископаемых. Все будет хорошо.

Омельчук: Ваш бизнес – на сезон?

Эрлинг: Нет, нет, круглый год. Летом – ледники. Зимой люди приезжают покататься на собачьих упряжках, посмотреть северное сияние.

Омельчук: В Гренландии становится теплее?

Эрлинг: Да. Сейчас уже не так много льда в зимнее время. Очень много льда тает летом.

Омельчук: Даже 11 лет назад было холоднее?

Эрлинг: Да. Раньше вся вода замерзала в зимнее время. Впрочем, здесь по-прежнему холодно, минус 50, минус 52.

Омельчук: Еще при нашей жизни здесь начнут расти пальмы?

Эрлинг: Не думаю. Не в мое время. Точно. Если Вы поговорите со старыми гринландскими охотниками и рыбаками, они Вам скажут, как было холодно раньше.

Омельчук: Главная прелесть этой страны?

Эрлинг: Только два варианта: либо вам нравится Гренландия, либо – нет.

Омельчук: Гренландия понравилась сразу?

Эрлинг: Как первая любовь.

Омельчук: Гренландия – горячая женщина? Холодная?

Эрлинг: Крепкая.

Омельчук: Тихая страна?

Эрлинг: Она свободная. Она может быть тихой, но здесь очень много чего происходит. Свобода – внутри.

Омельчук: Утверждают, что в Гренландии вообще ничего не происходит.

Эрлинг: Все зависит от того, что Вы подразумеваете под «происходит». Это зависит от того, что Вы понимаете под «ничего не происходит». Здесь очень многое происходит для меня: мы вот с Вами сидим, разговариваем. Очень важно. Вчера японцы приезжали обсуждать проблему глобального потепления. Важно и интересно.

Омельчук: Может, здесь время застыло как ледник?

Эрлинг: Никогда. У нас рядом Гольфстрим. У нас здесь внизу, всегда тепло, а сверху – мороз.

Омельчук: Что лучше – Гренландия холодная? Или Гренландия, которая начинает теплеть?

Эрлинг: Холодная лучше.

Омельчук: А местный народ, коренной народ, он тяжеловатый, странный?

Эрлинг: Они другие. Охотники живут на природе, любят свою свободу.

Омельчук: Им надо вписываться в новое время?

Эрлинг: Их это не заботит, они любят жить в любое время. В своем им, конечно, комфортнее. Но им нравятся новые вещи из новой жизни: машины, телевидение, поездки на курорты в Испанию.

Омельчук: Но цивилизация их ломает?

Эрлинг: Ломает. Культуру ломает.

Омельчук: Сильно?

Эрлинг: Есть.

Омельчук: Если бы на земле не было Гренландии, что потеряло бы человечество?

Эрлинг: Хорошую природу. И отличную еду в моем ресторане. Здесь незабываемая рыбалка. Если я забрасываю большую сеть, часа через два могу вытащить около тонны рыбы. Через пару часов.

Омельчук: А сам Эрлинг счастлив, что у него состоялась встреча с Гренландией?

Эрлинг: Очень счастлив. Моя свобода здесь.

Омельчук: Когда здесь откроют нефть – станет шумно и противно, как в остальном мире?

Эрлинг: Да. Несомненно.

Ведущий:

– Cogito ergo sum.

А если наоборот?

– Sum ergo cogito.

Мыслю – следовательно: существую?

Либо:

Существую – следовательно: мыслю?

И тогда: все сущее мыслит. И нет – немслящего камня. Он существует. Мысля.

Человеческое сознание, человеческое «мыслю» – лишь одна из форм природного сознания. Но не единственная. Тогда: неосмысленное пространство – это еще и пространство, не осмыслившее себя.

Гренландия – неосмысленное пространство? Пока.

А что, если оно осмысливает себя этими мощными, сильными застывшими потоками движущегося льда?

Необычное ощущение: почему-то по этой земле ступаешь с некоей обязательной осторожностью. Как будто попал вовсе на другую планету и ожидаешь иную, космическую непредсказуемость. Хотя нет, здесь всё – даже если очень уж ледяное – всё земное.

– Знаменитый Ганс Христиан, понятно, Андерсен, в Гренландии не бывал. Не случилось. Но откуда же его Снежная Королева?

Гениальное прозрение? Или нормальный бюргерский датский менталитет, вместивший в себя далекие колонии и территории?

– Гренландия – Атлантида? Есть и такая версия. Кусок сохранившейся, всплывшей Атлантиды. Может быть, Гиперборея? Нас, человечество, интересует фрагмент Атлантиды? Или мечтать попроще, чем тщательно исследовать?

Вспомним другие роли «Зеленого острова».

Понятно, ледяной барометр Земли – всё еще заповедник и окончательное счастье гляциолога и геокриолога.

Арктические геологи смело могут доказывать, что Гренландия – это наш сибирский подводный (дно Северного Ледовитого) хребет Ломоносова. Трансарктическое продолжение.

Гренландия – бесполезная земля?

Действительно, ну что бы потеряла планета Земля и человечество на ней, если бы Гренландии на нашей планете – по какой-то оплошности не случилось?

Не будем о том, что всё в нашем мире тесно увязано, взаимосвязано, и даже без маленького звёнышка цепь не просто неполна, она прерывна. Гренландия – это вариант, это шанс – другого мира. Может, на нашей Земле. Может... Много планет в нашей крошечной уютной Вселенной. Надо ли выдумывать Гренландию, чтобы понять ее роль на нашей планете? Она есть. Этого достаточно.

Возможно, главное достоинство, может быть, главное богатство Гренландии – тишина. Огромные запасы тишины.

Везде, во всем населенном индустриальном мире: тишина – просто отсутствие постоянно постороннего шума. Тишина – только временно. Сегодняшняя тишина подразумевается, как временное затишье. Подразумевается, что шум всегда настигнет человека и уничтожит кратковременную тишину.

Здесь, в Гренландии, по крайней мере, это мое ощущение – шума не было. Никогда. Маленький современный шум только пытается вторгнуться в тишину, но ее так много, она так необъятна, что его попытки безумны и безуспешны. Здешняя тишина поглощает все, и стоит только чуточку отойти, сойти с какой-нибудь дорожки, то услышишь исключительно **шум времени** да **звук** своего работающего **сердца**.

Нераскованная тишина. Глобальный запас тишины. Нераскованная тишина.

В Гренландию – за тишиной. Чтобы слышать: шум времени. Звук собственного сердца.

Здесь такие залежи тишины, что их невозможно потревожить, и даже тогда, когда – двигаясь – грохочут ледники, когда срываются айсберги и сталкиваются вечности, сталкиваясь, вечности, айсберги и ледники производят... тишину. Не грохот. Это тоже тишина. Здешняя, гренландская оглушительная тишина. Ослепительно белая тишина. Может, в мире есть

другие места с такими же запасами тишины – я слышал свою тишину здесь, в Гренландии. Богатство Гренландии. Богатство мира.

(Бухта Айсбергов, место стоянки давних гренландцев.)

– Каменный век в Гренландии был недавно. Совсем недавно. Может быть, он еще не окончился.

Или – только что.

Но вот здесь совсем недавно – по меркам человечества! – горел костер. Возможно, это был один из первых огней, разожженных человеком, человеческих огней здесь, в Гренландии. Это древнее кострище, стоянка древнего человека в Гренландии. Древняя Гренландия.

Неприхотлив был древний гренландец. Но – каков эстет! Посмотрите, он выбрал самый выразительный вид, самый впечатляющий. Здесь все есть. Вся Гренландия. Уютный залив. Океан. Ледник. Хвост ледника. Спокойное небо. Ограда из гор. Потеплее. И айсберги величаво скалываются и выплывают в океан.

Ведущий:

– И еще: где я был?

Америка?

Или просто: близко к Америке?

Но – не Америка.

Европа?

Датское королевство?

Но очень далеко от Эльсинора.

Гамлет: быть? Или: не быть?

Не Европа?

Просто – Гренландия?

Неопознанный материк?

«Неопознанную Гренландию» стремилась познать
съёмочная группа телерадиокомпании «Регион-Тюмень»:

Анатолий Омельчук – журналист

Эдуард Улыбин – режиссер, телеоператор

Красимир Терзиев – переводчик, фотограф

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

УИКЭНД В ИСЛАНДИИ

ВИДЕОФИЛЬМ

Ведущий:

— Мы редко удовлетворены.

Если мы счастливы, если мы даже счастливы, очень счастливы, то все равно полагаем и предполагаем, что где-то есть счастье существует счастье счастливее нашего.

Если мы любим свою землю, свою родину, и очень счастливы в этой своей-нашей любви, то все равно — полагаем и предполагаем, что

где-то есть земля существует земля, красота которой — красивее нашей.

Может, это не так — не должно быть так — но всякое стремление важнее всякого осуществления.

Как постижение Бога важнее того, есть ли он на самом деле.

— Не могу заснуть. Трудно. Ворочаюсь. Долго. Не могу понять — что за причина бессонницы. И только на исходе глухой непроницаемой осенней исландской ночи доходит — не мудрено: спишь-то на вулкане. Под тобой: живая магма. Попросту не обратил внимания, но она — живая земная плоть — таким необычным образом: бессонницей — напомнила.

Что такое вулкан? Скорее всего, сосуд. Точнее: путь.
 Выход. Для... Огненное ядро Земли ищет путь напомнить о себе.
 Исландия, не страна – остров Исландия – вулкан. Молодой. Вулкан? Путь. И выход. Путь и выход. Спишь на ступе энергии.
 Не думаю, что все исландцы ворочаются перед сном. Скорее всего, привыкли. Но у людей, живущих на вулкане, не правда ли? – иная энергетика. Не взбудораженная кровь, но другой формат собственной энергетике.
 Внешне – все наоборот. Все-таки: Север. Северяне всегда изысканно спокойны.
 Исландия – своим государственным краешком – западает за Северный полярный круг.
 обнаженная
 и молодая.
 молодая
 и обнаженная.
 Нет, это вовсе не то, о чем, наверное, кто-то подумал.

Проснуться на вулкане.
 Или – не заснуть на молодом вулкане.
 Здесь ощущается: земля очень молода. Молодая.
 Эта земля совсем недавно
 одела свои земные одежды.
 Молодая и обнаженная (вулканическая, ядерная, земноядерная) земная плоть совсем недавно оделась в непрочную, тонкую твердь.

Невообразимая красота.
 Невероятная красота.
 Прониновенно, изящно и с красивой скуповатостью выразился о своей земле исландский классик Торви Тюлениус:
 «Исландцы живут на этой земле – но и земля живет в них, эта шероховатая, холодная, опасная, неблагодарная земля, которая в то же время столь щедрa, спокойна и прекрасна. Даже если мы подолгу живём за границей – намеренно или в силу обстоятельств – мы берём с собой нашу землю, куда бы мы ни ехали. Берём с собой воспоминания о суровых морозах и противостоянии бурям, о волшебном мире северного сияния на зимнем ночном небосводе или неожиданном проблеске хорошей погоды. А ещё – о плеске волн о песок приливной полосы, о шуме горного водопада, о свисте северного ветра за окнами и под крышей дома, о завораживающем шуме крыльев бекаса и хвалебной песне кулика во славу лета. В душе мы

храним образы нашей Исландии».

Ни для кого.

И даже когда — ни для кого: она существует.

И может стать твоей.

У тебя же есть мелодия своей жизни.

Прислушайся! — твоя жизнь: мелодия.

Может, странная.

Может, красивая.

Это музыка: одна на всех.

Как у влюбленных: два сердца как одно.

Все еще — к счастью! — первоначально

первосозданно.

здесь это просто заметнее

обнаженнее

некую целомудренную стыдливость испытываешь здесь, на этой первоначальной, изначальной земле.

здесь земля только начинается.

здесь чувствуешь яростный темперамент Земли.

Божественная нагота.

неизбежная красота —

та, от которой не убежать.

Неизбежная

и — Другая земля.

(Квартира-мастерская русской художницы, ателье, картины и работы Веры)

Омельчук: Исландия, Вера, скуповата на краски?

Вера: Не могу сказать, что она скуповата. Я думаю, что в Исландии краски просто немножко другие. Особенно после дождя.

Омельчук: Нашла главную краску, которой не хватало в других местах?

Вера: Не знаю. Но думаю, что мои картины правдоподобны, если исландцы с удовольствием покупают их. Наверное, я нашла их краски. В России — ведь я никогда не рисовала.

Омельчук: Случился толчок?

Вера: Когда человеку кругом некуда — возникает новое желание. Может быть, рисовать. Это выход. Для моей души.

Омельчук: То есть Вера – принцип гейзера? И в Исландии «гейзер-Вера» зафонтанировал?
Вера: Думаю, так.

Ведущий:

– Конечно, не рай.
Старательно маскируется под ад. Пекло. Иногда получается.
Но и не рай. Ведь живут на вулкане.
Однако... Про рай.
Страна, где нет нищих. Страна, где нет сирот.
А бюрократу – поставили памятник.
Это страна – член НАТО, но она не имеет (не то что армии) ни одного солдата.
Ее знают как страну гейзеров. Конечно же, страна гейзеров.
Сказать, что удивительная страна – ничего не сказать.
У нас, тюменцев, есть возможность: поудивляться вместе. Например, мы ровесники: Республика Исландия и Тюменская область образованы в 1944 году. Понятно: случайностей не бывает. Все случайности закономерны.

Казалось бы, какая разница: где страна расположена – на материке или на острове. Мировая статистика пока четко не просчитала, но все же сдается: у государств-островов все-таки посильнее и поэффективнее стимулы благополучия. Есть нечто их, островитянское, что стимулирует «страны на отшибе» посильнее, чем страны матерого берега. Про Британию не говорю. Япония – ясное дело. Новая Зеландия. Огромный остров Австралия. Тайвань. Изолированный Гонконг.

Как только: страна-остров – автоматически: в мировые лидеры по качеству жизни. Понятно, не абсолютно. Но островная мистика, мистика благополучия явно метит в закономерности. Исландия – не исключение. Скорее, образец. Хотя долгое время была этим самым исключением: самой бедной страной Европы. Еще к концу второй мировой войны Исландия – едва ли не самая бедная страна Европы.
В конце века XX Исландия уже возглавляет мировой список стран планеты по качеству жизни.

Еще живы те, даже работают еще те, кто жил в этой нищей Исландии. Ничто не предвещало. Ничто не обозначало. Никакого заметного импульса. Ничто не грозило. Ничто не указывало, что нищая, бедная страна беременна скорым благополучием.

Ничто не предвещало исландского чуда. Но оно — произошло. Специалисты, наверняка, разложат по полочкам, систематизируют все векторы и факторы, и чудо объяснят. Но ведь ничто быстрого процветания не сулило.

Сдается, сам исландцы не очень-то задумываются, почему сегодня они — мировые лидеры по качеству жизни.

Не хотят задумываться. Потому что...

Объяснишь — очарование чуда пройдет.

Мы — такие!

Мы — просто: такие.

Мы работаем, и у нас получилось.

Мы сделали ЭТО!

Вау!!!

Боевой клич викингов.

И — потомков викингов.

Сёрен Бергштайн — учитель

Бергштайн: Это произошло, потому что Исландия, во-первых, стала свободной и экономически независимой. Во-вторых, страна получила от мирового сообщества честные квоты по вылову рыбы и возможность самостоятельной продажи. Но самое главное — молодые люди с острова не уезжают, остаются в стране, и своим исландским патриотизмом способствуют поднятию экономики. Очень много исландцев, которые уезжали учиться за границу, в Штаты, в Швецию, в Норвегию, в Россию, кругом, по всей земле, потом возвращались с новыми знаниями и помогали поднять страну. Все свои знания, все свои силы они отдавали на развитие страны.

Омельчук: Но разве этого достаточно: независимость, честные квоты и неистовое желание работать? Мы знаем много стран, где есть независимость, где рядом богатый океан и много желающих честно трудиться, но у них не получается. Почему у Исландии получилось?

Бергштайн: Образование — основная база для процветающей экономики. Независимость — фундамент для экономики.

Омельчук: Наверное, так может утверждать только тот, кто сам работает в школе?

Бергштайн: Почему? До школы я занимался бизнесом. Процветающим бизнесом. Я знаю, что значат знания — в бизнесе.

Омельчук: Сёрен, Вы еще застали, Вы еще помните бедную Исландию?

Бергштайн: Я помню времена, когда в порт приходили русские корабли. Мы были совсем маленькими, могли заходить, нас пускали на борт корабля и там вкусно кормили. Я помню, здесь на всю нашу страну насчитывалось всего четыре автомобиля. На всю Исландию! Каждый автомобиль имел свое имя. Я впервые посмотрел телевизор, когда мне было уже 17 лет.

Омельчук: Конечно же, родился в доме с дерновой крышей?

Бергштайн: Да, у нас был маленький дом. У отцовского дома была традиционная исландская крыша из дерна. Нас семеро братьев и сестра. Дом – четыреста метров от моря.

Омельчук: Жили бедно?

Бергштайн: Зажиточно. Имели лодку. Всегда имели еду. Всегда имели, во что одеться. Но я, к примеру, пользовался одеждой своей старшей сестры. Мама сшила мне новую одежду перед Рождеством. Яблоки мы ели только на Рождество, когда приходил корабль, и никогда – в течение года.

Омельчук: Но это же чудо: всего за полвека, от яблок на Рождество до Исландии, перед которой Япония отдыхает?

Бергштайн: Я считаю, образование – первое и главное. Страна смогла подняться и стать независимой, потому что образованные люди, вернувшиеся сюда из других стран, способствовали этому. Пришли люди, которые учили исландцев музыке, футболу, всевозможным наукам... Великий русский скрипач Владимир Ашкенази женат на исландке, у них дети, у него исландское гражданство, он в обязательном порядке раз в год дает бесплатные концерты.

Омельчук: Господин Бергштайн, у меня подозрение, что Вы, понятно, знаете формулу «Исландского чуда», но тщательно скрываете.

Бергштайн: Образование! Образование! Еще раз образование!!! Молодые люди, которые получили образование, я много работал для этих людей и с этими людьми, я видел, как они работают. Все деньги, которые они зарабатывали, не прятались, не разбазаривались, это все собиралось, и это давало возможность дальнейшего процветания.

Омельчук: Ладно. Последний вопрос. Русская жена – настоящее, непреходящее счастье истинного викинга?

Бергштайн: Я счастлив. Я доволен, что у меня русская жена. У России много шансов на процветание, потому что викингов в России много, ведь Рюриковичи – викинги. Мы одной крови. Поэтому – счастье неизбежно.

Ведущий:

– Резюмируем выводы господина Бергштайна:
образование
независимость
патриотизм

Образование – три раза.

Да, да, непременно образование.

Но где же секрет, основа чуда? У кого их нет? – образования, патриотизма и независимости?

А чуда-то не происходит.

Мистика!

Земляка встретишь везде.
Если не прямо на вулкане, то хотя бы в Рейкьявике.

Вера Сёренсен – художница

Вера: Мы гуляли по городу, мой муж говорит: «Вера, что ты хочешь здесь делать?» Я задумалась, что же я хочу здесь делать? Бах! «Я хочу рисовать». Он: «Зайдем в магазин, вот палитра, вот необходимый чемоданчик, вот краски». Он купил мне мой первый чемоданчик маэстро, вот он, лежит здесь. Я открыла чемоданчик, там маленькая картонка, холст картонный. Я на нем нарисовала розы. Потом все стерла, нарисовала церковь. Потом, думаю, надо же где-то поучиться. Пошла на одни курсы, на другие, в художественную школу. В принципе, эта техника старая, по-русски «ала-прима», «мокрое-мокрое».

Омельчук: Пленер привлекает или собственные фантазии?

Вера: Пленер, да, оригинал. Я работаю и в студии, потому что в Исландии не всегда хорошая погода. Холст может улететь, ты бежишь за ним метров 30, а он уже дырявый.

Омельчук: Завела учеников?

Вера: У меня сто учеников в год. Я здесь уже шесть лет, значит, их где-то около шестисот. Верины.

Омельчук: На жизнь живопись дает? Или ученики?

Вера: И то, и другое. Картины, конечно, не хлеб. Ученики круглый год. Конечно, мне это помогает в покупке холстов и красок. Мои картины продаются в магазинах, в художественных салонах, в гостиницах. В парке вы можете посмотреть мои картины.

Омельчук: Исландские художники не конкуренты?

Вера: Ну почему?

Омельчук: Твои картины – все-таки русский взгляд на Исландию?

Вера: Честно говоря, не могу точно сказать. Где-то в глубине моей души... Да, все-таки это наша русская культура. В Исландии ведь практически красок не было до этого столетия. Всего раз в год завозились из Дании, одним пароходом. Им некогда было заниматься живописью. Они занимались исключительно жизнью. Они начали позже, намного позже.

Омельчук: Ностальгические мотивы?

Вера: Я не могу сказать – тоска. Но та красота, которая мне нравится... Березы русские, мне кажется, не сравнить ни с какими другими березами. Рисую березы.

Омельчук: Эти под Асбестом? Или под Екатеринбургом?

Вера: Думаю, где-то под Свердловском.

Омельчук: Поищем.

Ведущий:

– Лик земли –
как лицо молодой красавицы –

не завершен.
Она растет
и хорошеет,
но она меняется,
а меняющаяся,
изменчивая красота
совершеннее завершенной
законченной
состоявшейся красоты
Здесь Земля
еще формирует свой лик.

— Музыка — ничья.
Кому она принадлежит?
Мы не знаем автора.
Мы забыли имена оркестрантов.
Чья она — ничья музыка?
Она — твоя.
И — чья-то.
Для всех.
Для — одного...
Да, об уикэнде
неужели мы провели в Исландии всего три дня?

Загадки Исландии не разгадать. Скорее, и не нужно. Нужно восхититься. Этого достаточно.
Восторг — ключ к разгадке.
Может, здесь явственно осознаешь: эта маленькая страна была достойна своего чуда. И оно
произошло.
Задумаешься еще...
Когда возвращаешься на Родину,
О Родине и задумаешься...

(Евразийско-Американский разлом)

Омельчук: Я, насквозь продутый и не по-летнему промерзший, стою на ЕвроАзиатском континенте. Это тектоническая ЕвроАзиатская плита, на которой находится и наша родная Европа, и наша родная Азия. Но... Можно пройти всего несколько метров, десять шагов, и ты оказываешься на Американской плите, на Американском континенте. Это Исландия. Вот здесь, в историческом месте Исландии, где родился первый в мире парламент, проходит величайший геологический, величайший планетарный тектонический разлом. Здесь соединяются, а, может быть, разъединяются две гигантских земных плиты. Скорее, наверное, разъединяются: американский берег отходит от евро-азиатского со скоростью два сантиметра в год. Много. Но пока здесь, в Исландии, они рядом. Вот Америка. Вот Европа, вместе с Азией. Всего десяток шагов. Нигде – так близко. Сегодня в Исландии шторм – 55 метров в секунду. Какой большой ветер напал на наш остров! Какой Большой Ветер! Вы видите, как Большой Ветер свирепствует здесь, на стыке континентов. А Америка медленно, 2 см в год, отъезжает от нас, от Европы с Азией. Наверное, положено: по размеру и масштабу. Кажется – нам повезло. Какой шторм!

Плывут титры:

«Уик энд в Исландии» провела съемочная группа «Регион-Тюмень»:
 журналист Анатолий Омельчук
 телережиссер Эдуард Улыбин
 телеоператор Сергей Лыкасов

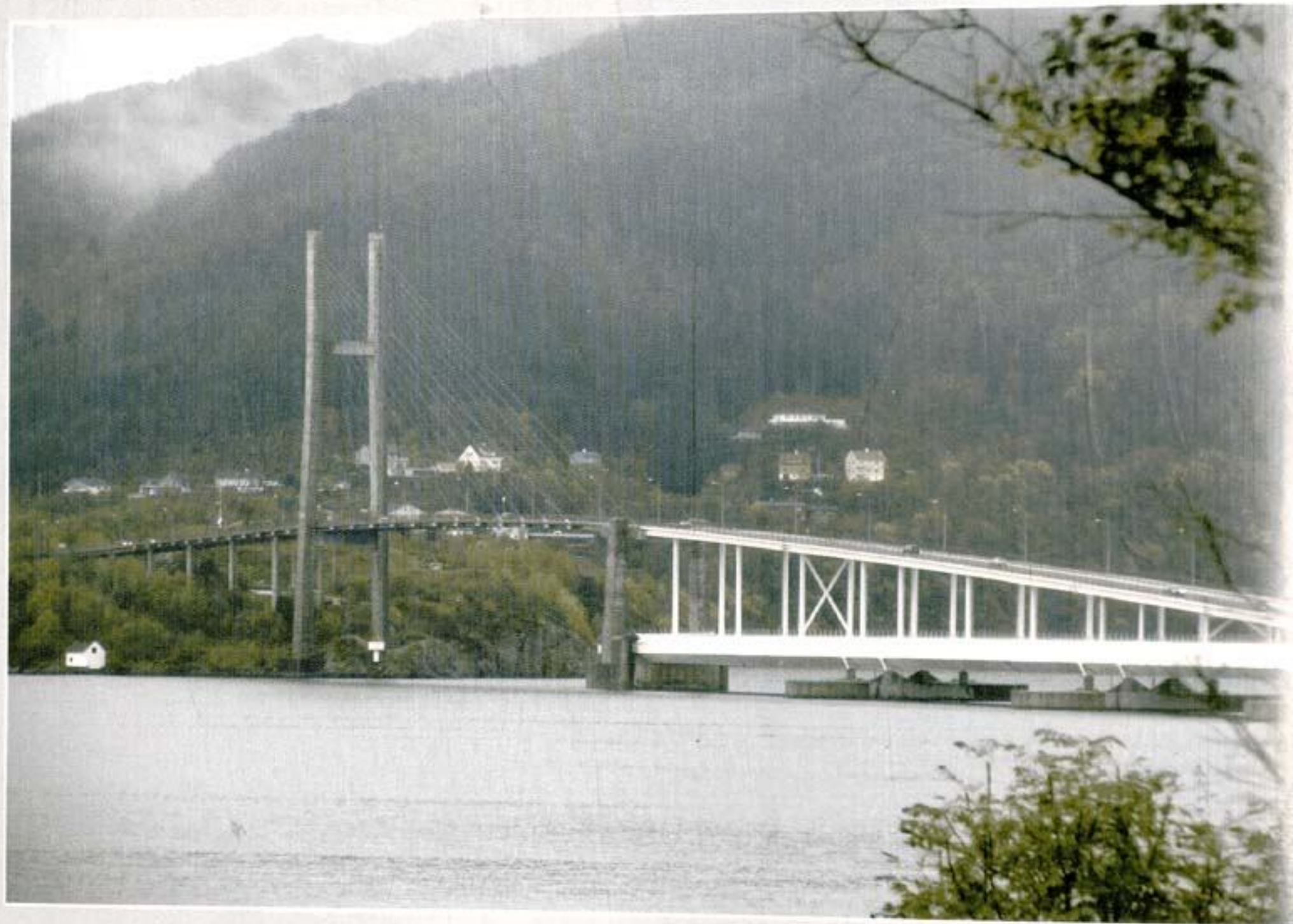
NORD WAY

Северный путь

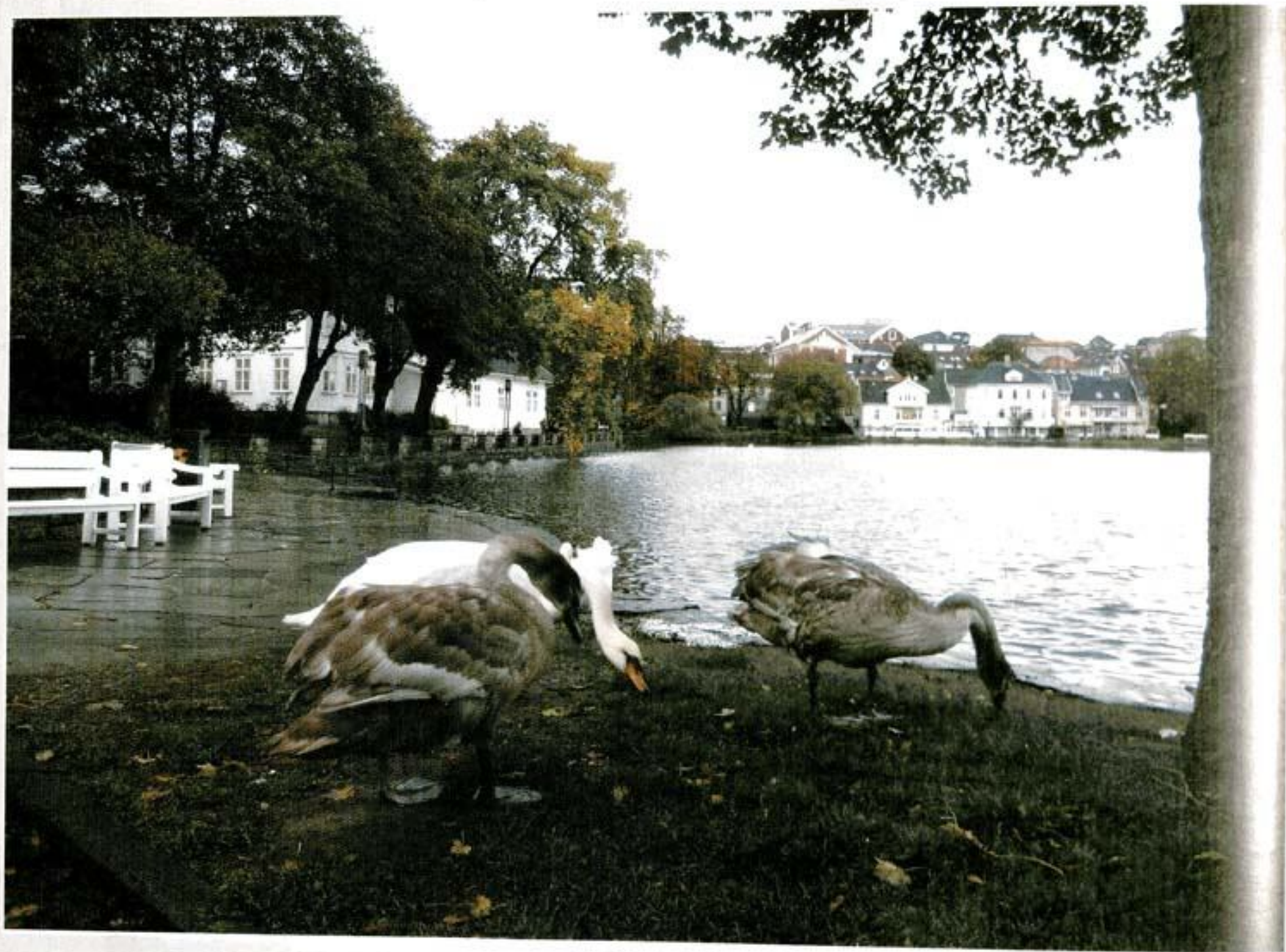
Эдуард УЛЫБИН

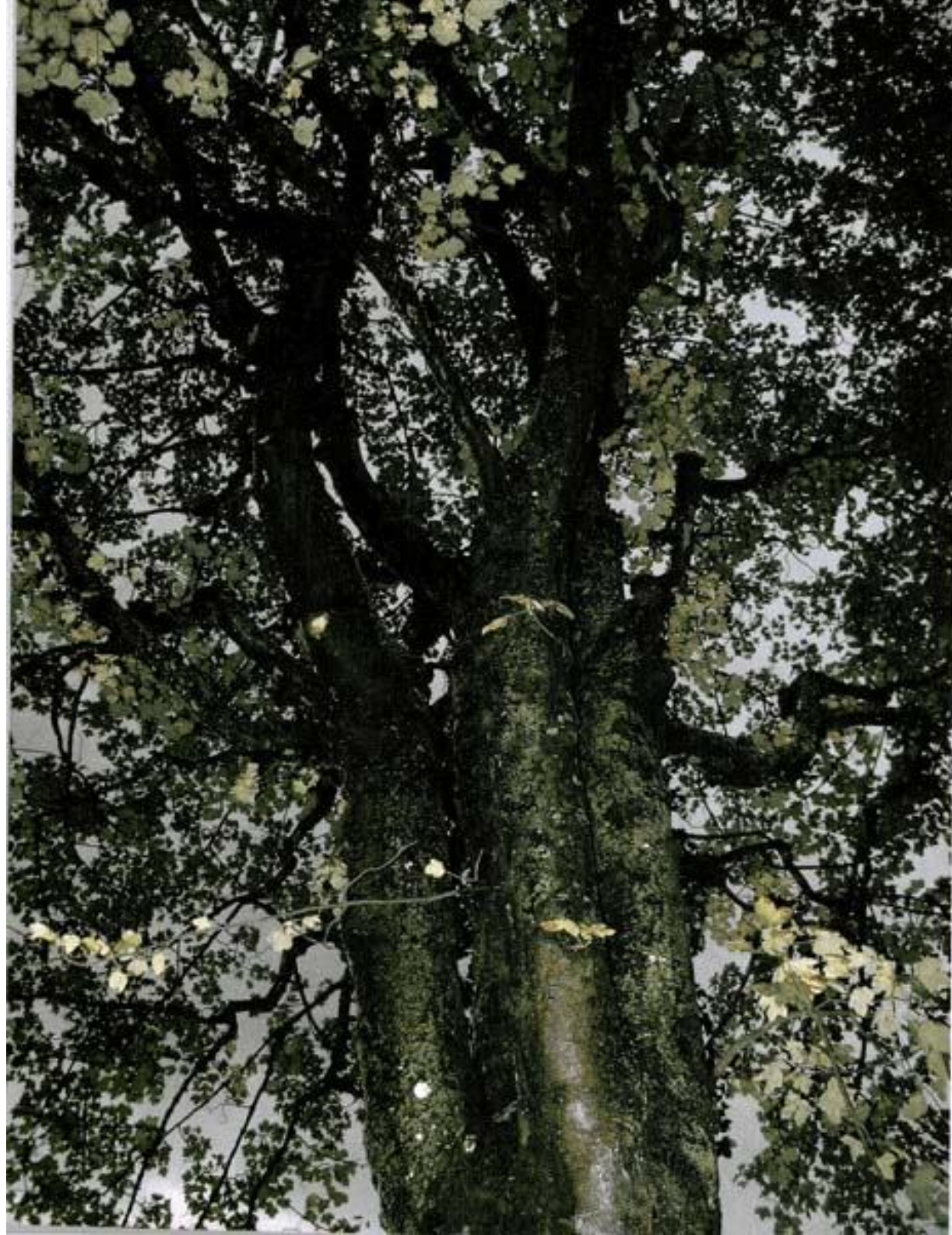

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ПЛАТФОРМА

ВИДЕОФИЛЬМ

Омельчук: Поддается большая платформа маленькой хозяйке?

Оддбьйорг: Много способных людей здесь работает. Они с уважением прислушиваются к словам шефа.

Омельчук: Но все зависит от хозяйки?

Оддбьйорг: Да. Особенно это верно в экстренных ситуациях.

Омельчук: Платформа – груда металла? Или – она живая?

Оддбьйорг: Однозначно: у платформы есть душа. Поскольку наша платформа существует давно – ее душа непростая. На вырост.

Омельчук: Она мудреет или характер платформы вреднеет?

Оддбьйорг: С годами сложнее. Когда всё только начиналось – добывалась только нефть, а теперь – всё: поднимается и нефть, и газ, и вода, и смесь. Однозначно и платформе труднее, и нам становится труднее.

Омельчук: Требуется особо сложная мудрость управления?

Оддбьйорг: Важно иметь хороший слух.

Омельчук: Она послушна?

Оддбьйорг: Стопроцентного контроля, к сожалению, никогда и нигде не бывает. Необходимо быть готовым, может возникнуть непредвиденная ситуация.

Омельчук: Она показывала свой непростой характер?

Оддбьйорг: Да. Были случаи, когда наши люди получали серьезные травмы. Случалось. Была утечка нефти.

Омельчук: Вы с нежностью спешите навстречу друг другу?

Оддбьйорг: Я всегда надежно ощущаю себя здесь.

Ведущий:

– Северные мужики (неслучайно же, потомки рыцарей и викингов!) – большие джентльмены. И, естественно, самой крупной в Норвегии (одной из первых) нефтяной платфор-

мой «Стафьорд» командует – женщина.
Очаровательная фрекен Оддбьйцог Грайнер.

Оддбьйорг Грайнер – директор нефтяной платформы «Стафьорд»

Омельчук: Госпожа Оддбьйорг, если бы Вам пришлось выбирать между справедливостью и счастьем?

Оддбьйорг: Сложный вопрос. Почему счастье должно конфликтовать со справедливостью?

Омельчук: Иногда наступает такой момент и надо остановиться на одном.

Оддбьйорг: Не могу себе представить решение, которое доставит счастье и которое не будет справедливым. Это всегда нечто единое.

Омельчук: Хорошо. Еще один выбор и еще одна проблема выбора. Пришлось бы выбирать: любовь или работа?

Оддбьйорг: Любовь.

Омельчук: Вы неизбежно должны были встретиться на своем жизненном пути с этой платформой?

Оддбьйорг: Скорее, это случайность, чем судьба.

Омельчук: Ничто не предвещало, что рано или поздно Вы окажетесь одна, в море, в океане, на одинокой платформе?

Оддбьйорг: Любопытство привело. Это основное.

Омельчук: Женщина, которая умеет управиться с морской нефтеплатформой запросто справится и с космическим кораблем?

Оддбьйорг: Уверена, получив должную тренировку, могла бы управлять и космолетом.

Омельчук: Что Вы открыли в своем характере, когда начали командовать этим необычным объектом?

Оддбьйорг: Я более спокойна и терпелива, чем могла бы от себя ожидать.

Омельчук: Что определяет характер норвежской женщины?

Оддбьйорг: Норвежки очень разные.

Омельчук: Очень, очень?

Оддбьйорг: Однозначно.

Омельчук: Хорошо. Что нравится в собственном характере?

Оддбьйорг: Сложно отвечать на Ваши вопросы.

Омельчук: Но не сложнее, чем управлять платформой?

Оддбьйорг: Что касается работы – то, прежде всего, способность заботиться обо всех, кто работает на платформе.

Омельчук: А есть достоинства в характере, от которых хотели бы избавиться, но не получается?

Оддбьйорг: Я уже пожилая женщина и вряд ли уже удастся избавиться от нажитого за жизнь. Есть вещи, которые хотелось бы уметь контролировать в себе.

Омельчук: Что Вам особенно нравится в родной стране?

Оддбьйорг: В Норвегии? Открытость, свобода, возможность выбора, равноправие.

Омельчук: Это дорого дается: и стране, и гражданам?

Оддбьйорг: Норвегия – молодая нация. Это преимущество Норвегии перед другими странами.

Омельчук: Все свои ошибки мы совершаем в молодости. Какие ошибки совершила молодая нация?

Оддбьйорг: Естественно. Но есть какие-то условия рамочные и они позволяют вернуться к ошибочному решению, чтобы исправить.

Омельчук: Такая молодая мудрость?

Оддбьйорг: Мы наработали хороший опыт за те немногие годы, когда стали самостоятельной нацией.

Омельчук: Норвегия – страна равных возможностей?

Оддбьйорг: Суть в том, что страна стремится однозначно к созданию равных возможностей для всех.

Омельчук: Госпожа использовала все шансы, которые предоставляла ей судьба и родная страна?

Оддбьйорг: Многие из них. Я училась в Тронхейме, имею диплом инженера. Сразу после университета получила работу в «Статойле». 10 лет работала в геологоразведке на Норвежском континентальном шельфе. Самая сложная ситуация у меня случилась в прошлую Пасху. На буровой палубе упало оборудование, сильно покалечило одного работника и людей, которые работали. Первое сообщение мне передали, что он погиб. Ужас! Я в первый раз ощутила настоящий ужас. Самое главное в позиции директора платформы – уметь взять на себя ответственность в экстремальной ситуации.

Омельчук: Что маме Оддбьйорг придает уверенность, что судьба ее сына будет складываться благополучно?

Оддбьйорг: Мой сын получит достойное образование, оно послужит основой для его дальнейшей жизни. Он самый замечательный, самый хороший, самый умный.

Омельчук: В Норвегии?

Оддбьйорг: В мире.

Омельчук: Норвежки – гордые женщины?

Оддбьйорг: Да.

Омельчук: А норвежцы – гордый народ?

Оддбьйорг: Однозначно.

Омельчук: Страна стремится стать самой лучшей в мире?

Оддбьйорг: Достаточно того, чтобы хорошо и надежно жить.

Омельчук: Когда начинается рабочее утро шефа платформы?

Оддбьйорг: Полседьмого утра.

Омельчук: Обязательно ли надо выглянуть в иллюминатор: как там солнышко?

Оддбьйорг: Часто.

(дно нефтяного «стакана» на платформе)

Улыбин: Мы находимся на глубине 147 метров. Мы на самом дне Северного моря. Над нами 147 метров воды, соленой, холодной воды.

Мы оставляем свои автографы на стенке нефтяного технологического стакана. Историческая надпись! В данном случае – на глубине 147 метров. Над нами толща соленого моря. Скорее всего, рядом плавают североморские киты. Вверху и внизу добывают нефть. Идет добыча нефти. Мы в Норвегии. Северное море. Нефтяная платформа «Стафьорд». 2006 год. 1 сентября.

Ведущий:

– Нефтяники, понятно, элита трудящейся Норвегии, а люди на платформе – в открытом море, в Северном море – понятно, элита этой элиты.

Простые, кстати, люди.

Пер Сто - буровик

Пер Сто: Будем бурить здесь еще лет 20. Существующие скважины будем еще на раз бурить. С нынешними технологиями можно добыть больше, чем добыто. Потом перейдем на добычу газа.

Омельчук: Сейчас подбираем опавшие листья?

Пер Сто: Похоже. Новые технологии позволяют это делать выгодно.

Омельчук: Вы после вахты, где отдыхаете?

Пер Сто: Здесь. Сплю и ем.

Омельчук: А Гавайи? Канары?

Пер Сто: Да хоть где. Главное – алкоголь уже можно. Здесь же сухой закон. Беспощадно сухой.

Омельчук: Лучший отдых?

Пер Сто: Водка!

Эйвин Эрикссон - лаборант

Эйвин: Одиночества нет здесь. Правда, телефонов мобильных на платформе тоже нет, но в общем это даже приятно – без мобильника пожить.

Омельчук: А кому надо бы позвонить?

Эйвин: Домой.

Омельчук: Знакомым девушкам?

Эйвин: Реже.

Омельчук: Норвежцы – расчетливый народ?

Эйвин: Норвежцы на самом деле наивны.

Омельчук: К молодым людям Норвегия несправедлива?

Эйвин: Справедлива.

Омельчук: А в чем выражается?

Эйвин: Хорошие возможности для молодых. Тот, кто хочет, имеет все возможности реализовать. Есть возможность получить хорошее образование без больших финансовых затрат.

Омельчук: То есть – у Эйвина есть шанс лет через 15 эту платформу купить?

Эйвин: Зачем? У меня есть дом, наследство от отца. Его надо отремонтировать, привести в порядок. Пора семью заводить.

Омельчук: Жена богатая?

Эйвин: Необязательно.

Омельчук: Красивая?

Эйвин: Ближе.

Омельчук: Расчетливая?

Эйвин: Необязательно.

Омельчук: Но обязательно безумно любит Эйвина?

Эйвин: Безумно.

Омельчук: Детей пять?

Эйвин: Максимум два.

Омельчук: Мальчик, девочка?

Эйвин: Все равно.

Омельчук: Две девочки?

Эйвин: Вполне.

Омельчук: На платформе на это счастье заработать можно?

Эйвин: Быстро.

Ведущий:

– Имя страны – «Северный Путь». Имя не каждой страны что-то четко, недвусмысленно и предметно означает, доступно переводится: для других. Та же Россия. Объясните?

Имя Норвегии (Norvej) переводится четко: «Северный Путь».
 Может быть. Или: надо полагать. Северный путь – человечества.
 Зачем я поехал в Норвегию?

Ну что, очень уж отличается норвежский «Статойл» от сибирского «ЛУКойла»? Другие люди? Лучше нас?

Наверняка, не лучше и не хуже.

Но, наверняка, есть и норвежский секрет.

Конечно, мы помним: у истоков русской государственности – в том числе – стоял и скандинавский викинг, скорее всего, норвежец – Рюрик. Рюриковичи – многовековая элита России.

Наверное, мы не забудем, что не Колумб, а сын норвежского короля Эрика Рыжего открыл Америку.

Небольшая страна Норвегия – перекресток северной Европы – очень оживленный перекресток.

Скорее: перекресток Европы и Америки.

Чем схожи Норвегия и, скажем, наша Тюменская область?

Тюменская область – нефтяной бак России.

Норвегия – нефтяной бак Европы.

Наверняка, нам есть чему поучиться друг у друга.

Норвежцы строят благополучное государство социальной справедливости. Может, если уже не построили, то близки к цели. А Россия?

Нефть в норвежском расчете, в норвежской модели играет не последнюю роль.

Чужие города.

Города, которые никогда не станут твоими.

Родными.

Жизнь коротка. Vita brevis.

Но...

Соблази.

Жизнь коротка, потому что ее не хватит на все города. На всё, что могло бы стать тебе родным.

Вас соблазняют чужие города?

Вы знаете – это неслучайно?

Это – никогда. Вы здесь случайный гость. Так случилось. Произошло. Вы никогда здесь – навсегда.

Но вас же что-то тянуло и притягивало. Что?
В чужих городах есть тайна.
Как в красивой незнакомой женщине. Соблазн – красота чужих городов.
Что нас привело сюда? Почему вы снова у ног красивой женщины?

Ведущий:

– Компания «СтатОйл», на объектах и полигонах которой мы работали, переводится просто: государственная нефть. Очень просто переводится: государственная нефть – для страны и для людей.

Арве Реннемо – директор завода

Омельчук: Когда Вы выбрали этот красивый уголок в Норвегии для своего не самого безопасного производства – у окружающих жителей это не вызвало особого энтузиазма?

Арве Реннемо: Вызвало. Предприятие создало рабочие места для людей, проживающих в регионе. Оно приносит налоговые средства в региональный бюджет. Да и предприятие само по себе красивое.

Омельчук: Все местные жители на промышленную эстетику клюнули?

Арве Реннемо: Было достигнуто согласие.

Омельчук: Норвегия – успешная страна?

Арве Реннемо: Однозначно. Во многих отраслях. Например, энергетика, нефтегазовая отрасль.

Омельчук: Вы знаете секрет норвежского успеха?

Арве Реннемо: Норвегия добилась успеха, прежде всего, как социально-демократическое государство. Суть его в том, что существует очень маленькая разница между уровнем жизни людей с различными доходами. Норвежский народ трудолюбив. Норвежский путь – наличие социально-демократической, скандинавской модели перераспределения доходов. Именно это, очевидно, является основой норвежского пути.

Бьёрн Викен – директор, нефтеперерабатывающий завод, Монгстад

Омельчук: Бьёрн, Ваша работа доставляет Вам удовольствие?

Бьёрн Викен: Очень. Ежегодное исследование рабочей обстановки в «Статойле» все сотрудники отвечают на вопросы анкеты – в этом году очень высок уровень удовлетворения работой.

Омельчук: Не лукавят?

Бьёрн Викен: Исследования анонимные.

Омельчук: Если Вам предложить дилемму: свобода или справедливость?

Бьёрн Викиен: Если надо обязательно выбрать одно из двух, то – свобода.
Омельчук: «Статойл» справедливая компания?

Бьёрн Викиен: Однозначно.

Омельчук: Вы каждое утро едете на работу из Бергена? Полтора часа, если бешено мчаться?
Бьёрн Викиен: Час десять. Слушаю новости. Мысленно настраиваешься на работу.

Омельчук: Многие норвежцы завидуют нефтяникам?

Бьёрн Викиен: В Норвегии очень маленькая разница между людьми.

Омельчук: Бьёрн, в Вашей жизни не было такого, Вы вдруг усомнились, что живете в самом справедливом обществе?

Бьёрн Викиен: Мало стран в мире, у которых система справедливости построена так, как у нас в Норвегии.

Омельчук: Норвежская зима прекрасна?

Бьёрн Викиен: Люблю снежную зиму. Люблю в горах кататься на лыжах.

Ведущий:

– Вас удивит: в нефтяной Норвегии – очень дорогой бензин. Супервысокие пошлины и налоги на автомашины. Машины здесь иметь почти невыгодно. В Норвегии – не особенно, кажется, и престижно.

Зато очень развит общественный транспорт, включая трамвай, а в столице Осло, которая будет значительно меньше Тюмени, есть собственное метро.

Дороги, понятно, высший класс.

Но, сдается, здесь сознательно не разводят тучные автостада, которые заполняют города, теснят и вытесняют на обочину людей. Коммунизм для авто в Норвегии не строят. Страна пешеходов.

Норвежская гордость не позволяет слепо копировать чьи-то идеалы процветания, как, кстати не позволяет унижать себя мыслью, что она – сырьевой придаток Европы.

Айнар Берг – директор пресс-службы «Статойл»

Омельчук: Айнар, тебе в своей жизни доводилось писать речи для норвежского короля. Говорить от имени короля – это же почувствовать себя немножко королем?

Берг: Писать предложения, которые потом произнесет наш монарх, – достаточно специфическое ощущение. И удовольствие.

Омельчук: В Норвегии никого не удручает, что Норвегия «подсела на нефтяную иглу»?

Берг: Норвежцы, сдается, наоборот ощущают, что они привилегированная нация: им достались такие природные ресурсы! Бог оказал милость.

Омельчук: Зависимость от нефти экономика представляет определенную проблему?

Берг: В настоящий момент доходы от нефтегазовой деятельности составляют одну треть валового национального продукта.

Для каждого дополнительного рабочего места, которое создается в нефтегазовой отрасли, требуется семь рабочих мест в сопутствующих отраслях. Один нефтяник тянет за собой семерых из сферы нефтяного сервиса.

Омельчук: Вы принципиально нефтяные наркоманы?

Берг: Нет. У нас есть торговый флот, рыбная промышленность, информационные технологии.

Омельчук: Считается, что когда нефтью управляет государство, оно всегда мало эффективно?

Берг: «Статойл» опровергает эту концепцию. Однозначно, «Статойл» стал коммерческой компанией и работает, опираясь исключительно на коммерческие интересы.

Омельчук: Эффективен коктейль: государственное и частное?

Берг: На мой взгляд, удачное решение.

Омельчук: Чтобы сохранить идеальный вкус, какова доля государства должна быть в этом коктейле?

Берг: 71 процент государству, 29 процентов частным инвесторам.

Омельчук: Наш общий друг, мэр Ставангера, назвал норвежскую нефть «волшебной сказкой». Но сказки не могут длиться бесконечно.

Берг: Когда настанет конец нефтяной сказке, мы сможем предложить что-то другое. Но у нас еще очень много ресурсов, и в Норвегии, и за границей.

Омельчук: Что нефтяная сказка принесла вашему родному городу?

Берг: В Кристиансунде было принято политическое решение, что одна из баз, которая будет снабжать всем необходимым нефтяную отрасль, будет расположена именно в этом городе.

Омельчук: Каждый норвежец себе на уме?

Берг: Норвежцы очень открыты.

Омельчук: У каждого народа должен быть свой путь?

Берг: Мы, как нация – индивидуалисты. Этого нельзя отрицать. Однозначно можно говорить, что есть норвежский путь. Мы часто слышим, наши партнеры упоминают, так называемую, норвежскую модель. Это не наша формулировка, это формула, которую мы слышим в других странах.

Омельчук: Норвежская модель – дополнительный мед на бутерброде с маслом?

Берг: У вас образное мышление. Мы были первой страной, которая основала то, что называется нефтяным фондом, это сейчас Пенсионный фонд Норвегии. Мы подумали о следующих поколениях, которые придут за нами, чтобы наши дети, наши внуки получали доходы от нефтегазовой деятельности.

Омельчук: Каждый человек стремится к справедливости, но у норвежца это всегда получится лучше?

Берг: Многие норвежцы имеют очень сильное чувство справедливости.

Ведущий:

– Мир – изначально несправедлив. К каждому. И, скорее, так будет до окончания веков. Но это не означает, что у мира не осталось шанса – стремиться к справедливости. У каждого есть шанс.

Лейф Севланд – мэр города Ставангера, Норвегия

Омельчук: По русскому обычаю можно называть Вас Лейф Йоханнович?

Севланд: Не возражаю.

Омельчук: Лейф Йоханнович, нефть в Норвегии молодая. Наверное, молодая и нефтяная столица Норвегии. Что дала нефть Ставангеру?

Севланд: Нефтяная «волшебная сказка» в Норвегии стартовала в середине 60-х. Ставангер с самого начала стал основной базой развития норвежского нефтепрома. В 1972 году здесь открыты главные офисы норвежской компании «Статойл» и государственного нефтяного директората. Приблизительно 50 процентов людей, которые заняты в нефтегазовой промышленности, проживают в регионе Ставангера.

Омельчук: От большого нефтяного пирога получил каждый житель Ставангера? Или только избранные?

Севланд: Все общество. Ему на пользу нефтегазовая деятельность страны.

Омельчук: Это абсолютно справедливый принцип распределения национального богатства?

Севланд: Однозначно. Этого мнения придерживается и поддерживает абсолютное большинство норвежцев. Норвежские граждане считают, что система правильно организована, каждый житель извлекает выгоду из нефтегазовой деятельности на норвежском шельфе.

Омельчук: Ставангер – естественно, гнездо нефтяных миллионеров и миллиардеров? По вашим улочкам пешком ходят?

Севланд: Принцип: распределение очень равное и ровное. В Саннесе, соседнем городе, есть такая шутка: «если вы хотите увидеть типичного социалиста, то он наверняка ездит на красном «Мерседесе». Все социалисты живут очень хорошо.

Омельчук: Что нужно молодому жителю города Ставангер, чтобы заработать свой первый нефтяной миллион?

Севланд: Для начала стоит начать работать в большой норвежской компании типа «Статойла», проработать там несколько лет внутри страны и за пределами, потом, возможно, основать свою небольшую компанию и добиваться тех целей, о которых Вы говорите.

Омельчук: Северяне – народ сдержанный?

Севланд: Норвежцы открыты, чтобы выражать свои чувства и мнения, имеют четкие убеждения и с удовольствием их выражают.

Омельчук: Какие чувства испытывают Ваши сограждане к богатым?

Севланд: Позитивные. В Норвегии на самом деле небольшая разница между богатыми и менее обеспеченными. А манера поведения абсолютно одинакова, никакой заносчивости. Они действительно ходят пешком по улицам.

Омельчук: А как в Норвегии относятся к бедным?

Севланд: В Норвегии мало бедных. Очень. Небольшое количество людей нуждается в социальной поддержке.

Омельчук: Тогда я вынужден задать чисто русский вопрос. Как вам в Норвегии удалось, как вас угораздило построить в своей стране коммунизм?

Севланд: Капитализм реально является основой, которая дает средства для финансового вливания в систему социального обеспечения.

Омельчук: Будете утверждать, что Ваши сограждане нежно любят высокие налоги?

Севланд: Налоги в Норвегии очень высокие, это отрицать нельзя. Но социальная система, построенная на этих налогах, хорошо функционирует. У нас бесплатное образование, бесплатная медицина, другие льготы.

Омельчук: Это не коммунизм?

Севланд: Ни в коем случае – коммунизм. Это хорошая система социального обеспечения, основанная на капиталистическом рынке.

Омельчук: Когда Вы принимаете решения – никогда не даете волю своим чувствам?

Севланд: Хорошие вопросы задаете. Обычно – смесь: коктейль логических рассуждений и эмоций.

Омельчук: Но преимущественно холодный расчет?

Севланд: Да. Логика и рациональность.

Сергей Сметанюк – мэр Тюмени

Омельчук: Сергей Иванович, добрый вечер, Омельчук побеспокоил. Сергей Иванович, мы находимся в Ставангере, это западная Норвегия, у твоего коллеги, мэра Ставангера Лейфа Севланда. Он твой сверстник и переживает – великая столица русской нефти Тюмень не дружит с великой нефтяной столицей Норвегии Ставангером. Когда начнете дружить? Ему 45 лет. Когда будете встречаться? Я твой министр иностранных, да? Так? Ладно. Правда? Передаю привет... Лейф, привет тебе от мэра Тюмени Сергея. Хорошо... Приглашаем от твоего имени в гости к нам в Тюмень. Хороший город, здесь почти лето. Ладно, договорились. Спасибо, всего доброго. Лейф, Сергей приглашает Вас в гости.

Ведущий:

– Норвегия и Россия – соседи. Правда, наша общая граница – за Полярным кругом, в Арктике, оттого, возможно, отношения – скорее, холодноваты. Понятно, несопоставимы – пространства и история, но опыт, модель стремления – универсальны.

Алексей Селиванов, студент

Алексей: Норвежский народ дружелюбный, приветливый, трудолюбивый.

Омельчук: Девчонки дружелюбные?

Алексей: Девушки симпатичные, очень много симпатичных девушек.

Омельчук: Норвегия благополучнее чем Россия?

Алексей: Во многих отношениях – да.

Омельчук: Что у нас, в России разве лоботрясы одни?

Алексей: Этим вопросом не задаюсь. Маленькая страна, много нефти и газа. Больше денег. Маленькую страну легче организовать.

Омельчук: Организованная страна?

Алексей: Очень. Намного больше порядка, чем в России.

Омельчук: Чтобы жить богато – Россия еще пока неорганизована?

Алексей: Трудный вопрос. В России все по-разному живут, а тут средний класс хорошо живет.

Ведущий:

- Когда новая Россия начинала свой выход в мир, нефтяная Тюмень потянулась к норвежскому опыту – опыту коллег. Базово.

Юрий Шафраник – председатель Союза нефтегазопромышленников России

Шафраник: Норвежская модель отлична, отлична во всех качествах – это факт. Дело в подходах. Когда разговариваешь с чиновниками из государственного директората нефти, то убеждаешься: первое, что исповедуют: мы действуем в интересах государства и народа. Все просто. Их никто за язык не тянет. И невольно проникаешься этой идеологией. Дело не в прописанных законах, дело в идеологии и в подходах. Идеология и подход – государственные. Мы в Тюмени, когда я был губернатором, это изучали, отправляли специалистов.

Омельчук: Яркий пример справедливости?

Шафраник: Яркий пример государственного подхода в интересах народа.

Омельчук: У России все-таки был шанс?

Шафраник: Ну, обижаетесь. Во многом опыт норвежский использован. В законах почва для этого есть. А с механизмами реализации закона у нас как всегда – проблема. Прискорбно. Но я твердо могу утверждать, что закон о недрах, конечно, устарел, он и несовершенен, но он базово хорошо сыграл. Базово.

Омельчук: Но пока за державу обидно?

Шафраник: За самих себя.

Ведущий:

- Зреет ли Россия?

Долго ли зреет? Дозреет ли? Вызреет?

У России есть шанс?

Ясно только одно: справедливость – это совместное производство, совместный продукт: страна и народ. Только вместе. Эту дорогу надо пройти вместе.
Но: Россия поставила себе такую задачу и такую цель? Она стремится к этой цели?
Расчета, холодного расчета, мудрого расчета, нашей любимой Родине явно бы не помешало.
Страна и народ. Платформа.
С холодным расчетом.

На «Платформе» в Северном море (Норвегия)
работала съемочная бригада «Регион-Тюмень»:

журналист **Анатолий Омельчук**
телережиссер **Эдуард Улыбин**
телеоператор **Сергей Лыкасов**
переводчик **Наталья Красильникова** («Статойл»)

Телерадиокомпания «Регион-Тюмень»
сердечно благодарит за оказанную помощь:

Союз нефтегазопромышленников России
(председатель **Юрий Шафраник**)

Нефтяную компанию «СтатОйл»
(президент **Хельге Лунд**).

СЕВЕРНОЕ СЧАСТЬЕ

На арктических ветрах

Эдуард УЛЫБИН

ОДИНОЧЕСТВО ГЕНИЯ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

1 мая 1845 года началось тогда (да и сегодня) незаметное, но по своим окончательным итогам выдающееся научное событие — путешествие по Сибири, угро-самодийскому миру Российской империи Александра Кастрена.

Путешественнику исполнилось 32 года, это была вторая попытка финского ученого шведского происхождения исследовательского покорения Сибири.

Первая оказалась не вполне удачной: ученый почти бежал из Тобольска, хотя бегства ничто не предвещало. Он, преодолев Полярный Урал, оказался в Обдорске, работал в Березово, намеченным маршрутом продвигался к губернской столице. В истории Сибири много экспедиций разного калибра и масштаба. Почему же мне хочется выделить именно эту?

А вы знаете случай, когда приговоренный к смерти, не прося пощады у природы, не сетуя на судьбу, торопится не сохранить свою жизнь и продлить скоротечные дни, а усугубляя свое положение, старается и спешит сделать одно, как он считает, главное дело: изучить языки малочисленных сибирских народов финно-угорского круга?

Кастрен приговорен: трудная студенческая юность и... чахотка. Неизлечимая по тем временам. Можно побороться за свои бренные дни: поискать места на планете, где даже чахотка отступает. И у талантливого ученого имелся такой шанс, но он выбирает Сибирь — страну ссылки и каторги, которая любого здорового европейца только мифами о себе могла заставить заболеть. Но в Сибири живут остяки, вогулы, самоеды, народы, с которыми родственны и языком, и устоями европейские финны; живут котты, койбалы, арины, сойоты, юги, бирюсы — тоже родственные племена, но которые уходят с исторической сцены, теряют языки, вымирают. Их остаются единицы... Немного. Но в далекой Сибири они еще сохранились. Еще можно успеть. Завтра

будет поздно, наука их утратит. Кто это сделает, кроме тебя? Чахоточный лингвист-этнограф Кастрен выбирает Сибирь.

Приступ чахотки во время первой сибирской попытки настигает его в Березово. Единственный березовский эскулап советует: если он не подлечится, то следующей зимы уже не переживет. Не словари сибирских народов, а могила в сырой и холодной земле ждет его.

Кастрен вынужденно прерывает экспедицию, но, вопреки всем рекомендациям, только на время. Начатая работа уже не позволяет ему остановиться. Приведу две записи из его полевого дневника: «Теперь я в Тюмени и приветствую Азию в том же самом городе, в котором с небольшим за год я навеки простился с Сибирью». Тобольск, 16 мая. Судя по всему, у путешественника угнетенное настроение.

«Во время переезда от Тюмени или даже от Екатеринбурга до Тобольска природа не представляла моему любопытству ничего такого, чего бы я не видал и не описывал уже тысячу раз: бесконечные равнины, частью обращенные в пашни и луга, частью поросшие лесом. Все пусто, однообразно, безжизненно. Какое-то подавляющее бремя тяготеет над страной и над народом. Природный сибиряк стоит у русских на хорошем счету за простоту его нравов, за гостеприимство и добродушие. Все это, может быть, отчасти и справедливо. Но всякое изъятие радости и веселья, как, например, пение, пляска, общественные или семейные празднества, в Сибири, или, по крайней мере, в Тобольской губернии, величайшая редкость».

О жизни Александра Кастрена я написал книгу «Манищий свет звезды Полярной». Сейчас о том, что не попало в нее. Авторы стесняются признаваться в любви к своим героям. Но тогда что же водит их пером? Чем больше я узнавал о жизни этого человека, тем глубже редкое чувство преклонения усугублялось во мне. Перед каждым взявшимся изложить биографию большого человека появляется соблазн повторить какое-то дело его жизни. С путешественниками это почти просто, особенно в век наших транспортных возможностей. Поехать, сравнить... Задача удобная и благородная. Но зачем же сопоставлять несравнимое? О том, как трудно было раньше, а сегодня удобно, мы все хорошо помним. Стоит ли сравнивать «инородцев» середины прошлого века и ненцев, ханты, селькупов космического времени? Соизмеримы ли гиганты индустрии на берегах Оби и Енисея с рыбозасольными станами и казенными магазинами кастреновской поры? Стоит ли считать и сопоставлять количество неграмотных «инородцев» и качество сегодняшних телевизоров, которые можно смотреть уже и в тундровом чуме? Но когда задумываешься над судьбой таких людей, как Кастрен, просто не можешь не задаться вечным вопросом: зачем же человек проходит земной юдолюю, что определяет смысл нашей жизни? Для чего он свершен, этот подвиг чахоточного финна, что он оставил нам? Не лучше ли ему было отыскать покровителей побогаче да вместо смертной Сибири поискать спасение от болезни на благоприят-

ных курортах хваленной Швейцарии? Обыватель, коварно прячущийся в каждом из нас, уже занес топор этого вопроса: зачем? Ради чего? Разве не нашлось бы исследовательских здоровяков, чтобы отправиться нужным маршрутом и совершить то, что требовалось от них наукой и государственной необходимостью?

Мне бы хотелось поспорить с расхожей фразой, занесенной еще латинянами, о том, что здоровый дух прячется в здоровом теле. В болезненном теле прячется, как правило, здоровый дух, а многовековая культура человечества явила нам немало примеров того, что самый неистовый, самоотверженный дух доставался телам, безнадежно не способным на подвиг. И дух в который раз являл миру, что брэнная наша оболочка — не залог таланта и гражданских добродетелей. Человек героичен в преодолении себя. Вся жизнь эгоистичного рационалиста Кастрена — непреходящее свидетельство того, что он строил жизнь вопреки законам здравого смысла, ибо сознательно соглашаться приближать свою смерть здоровый дух не может. Но снова вопрос: во имя чего это братание со смертью? Кто, если не он, первым должен был задаться этим вопросом: почему я, немощный, больной? Немилосердная судьба, почему твой выбор пал на меня? Рассудительная история простила бы, как прощает и более слабых. Ведь Кастреновы таланты все равно проявились бы, даже если он и не предпринял этого путешествия. Лингвист он блестящий, а поле деятельности в его времена еще слишком широко и непахано, чтобы он не мог найти себе перспективный акр, не расставаясь с тихим кабинетом, не меняя свежий ветер с Балтики на гнилостный дух сибирских болот. Неужели собственный суд нашей покорной, всепрощающей совести выше суда истории потомков? Я не могу ответить на этот вопрос. Я просто благоговею перед человеком, который ответил на эти вопросы не так, как мне подсказывает наш здравый смысл, наш врожденный инстинкт самосохранения. Но нас всегда влекут ценности духа, недоступные нам. Обреченный Александр Кастрен делает шаг, ускоряющий его смерть. Он, только он, единственный знает:

— Если не я, то никто.

Проникнемся опытом его исключительности, подумаем о собственной, напомним себе: если не я, то никто.

Из множества вариантов живая жизнь выбрала меня. Песчинка в человеческом мире, ты должен помнить, что если не ты, то никто. Ты избран жизнью. И это выше мук обыденной смерти, и непрожитый срок определит ценность того, чему ты назначен и посвящен. Превозмогающий себя преодолевает смерть. Если представить науку лингвистику в виде планеты, то Александру Кастрену, несомненно, принадлежит честь открытия на этой планете «самодийского континента». То, что он сделал для изучения малых народов Сибири и Севера, имеет непреходящее значение. Мне думается, что роль этого великого человека в науке о человечестве оценена еще недостаточно высоко! За прошедшие полтора века мно-

гое изменилось в Сибири, чтобы искусственно воспроизводить все реалии Кастренова маршрута, ехать на лодке, на оленьей упряжке, в ямщицкой кибитке, дотошно сравнивать, как было при Кастрене, как выглядит сейчас, скрупулезно точно повторить старый маршрут.

Здесь нельзя было обойтись без связующей нити, которая бы помогла глубже понять прошлое, осязаемо ощутить подвиг ученого, явившего миру неизвестный науке «континент». И этой связующей нитью были и воздух Сибири, и необъятный ее простор, и даже необъяснимый запах времени, вечности...

Кастрен научно вывел малые племена Сибири из тьмы забвения, навсегда оставил их в памяти человечества. Конечно, не в силах одного человека возродить жизненный дух целых народностей. И когда идешь чужим следом, главное, наверное, понять, в чем он проявляется — творческий дух народов, спасенный от забвения. Огонь Кастренова сердца пылает в огромном костре творческого факела духа северных народов.

Я решил пройти сибирскими верстами Кастрена. Но нет, не для того, чтобы подивиться произошедшими переменами, но чтобы понять суть его подвига, погреться у вечного костра научного поиска, который зажжен жаром человеческого сердца, понять, во что претворяются наши безумные замыслы, как не обрывается связь человеческих поколений.

Начал я сибирский маршрут, как и он, из Салехарда (бывшего Обдорска), проехал по Оби, останавливаясь в таких приметных пунктах, как Березово, Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск, Колпашево, Томск. Из Томска Кастрен перебрался в Енисейск, я же Енисей решил «оставить» на осень, а пользуясь возможностями сегодняшнего транспорта, перебрался в самый восточный пункт моего предшественника — город Читу. Дальше шли Улан-Удэ, Кяхта, Кызыл, Иркутск, Саяны, Абакан, Красноярск, Енисейск и вниз по величавому Енисею до Дудинки. Кастрен забирался чуть севернее, до становища Толстый Нос, но сегодня на «Носу» поселения нет. Вернувшись назад в Красноярск, я посчитал обязанностью побывать в Новосибирске в Академгородке — во времена Кастрена этой ученой «столицы» Сибири не существовало.

Спустя почти полтора столетия Кастрен не забыт, в Сибири его знают, помнят, любят. Я встречал его портрет в кабинете бурятского философа, его работы — в захолустном провинциальном музее. В городе Кызыле, где установлен обелиск «Центр Азии», с тувинским лингвистом Борисом Татаринцевым мы тщательно проследили «нелегальный» путь Кастрена к сойотскому дарге в тогдашние пределы Поднебесной империи. Татаринцев провел точное, почти детективное исследование недозволенного маршрута, о котором Кастрен предусмотрительно не сообщал ничего конкретного. Географическая криминалистика позволила Татаринцеву сделать доказательный вывод, что проводники вели Кастрена к знаменитому в южных Саянах озеру Тоджа, где селились самые необычные тувинцы — в их жилах текла и самодийская кровь. Бывалый енисейский речник капитан теплохода

«Латвия» Алексей Родин открыл мне Кастрена как писателя. Капитан попросил у меня Кастреново «Путешествие», читая сначала молча, а потом с восхищением принялся декламировать своим подчиненным в рубке, даже вызвал по рации старпома и со вкусом цитировал Кастреново описание Енисея, приговаривая:

— Как славно пишет! Как точно! Как интересно!

После таких слов я снова взялся за знакомые страницы и с некоторым для себя удивлением обнаружил глубокую правоту простого читателя капитана. В записках Кастрена не просто много интересного, научно-познавательного, а сам автор интересен как писатель, как стилист, не только умный наблюдатель, но и точный беллетрист, умеющий писать поистине увлекательно. Не случись этой встречи в дороге, быть может, я бы так и не обратил на это внимания. Замечу попутно, что мне не только капитану приходилось рассказывать о Кастрене, и всегда его судьба внушала моим собеседникам из рабочих, крестьян, учителей и ученых уважение и восхищение: «Почему мы не знаем о нем?». Памятуя о том, что финский ученый был гостем тогдашнего верховного ламы, я договорился о встрече с главой буддистов бандидо-хомболамой и побывал недалеко от Улан-Удэ в главном буддийском храме — дацане. Семидесятилетний почтенный старец в традиционно желтых одеждах внимательно выслушал рассказ о цели моей экскурсии, почтительно прослушал отрывки из Кастренова «Путешествия», касающиеся ламаистских дацанов прошлого века, сам рассказал, как выглядели храмы буддистов, когда в этих краях путешествовал Кастрен, которого в Сибири интересовали не только самодийские, но, пожалуй, все без исключения народы. В маленьком северном городишке Дунинка я встретился с долганской поэтессой Огдо Аксеновой, которая сама создала письменность для своего пятидесяти тысячного народа. Она закончила только десятилетнюю школу и не получила университетского образования, но ей помогли ученые из Новосибирского Академгородка Елизавета Убрятова и Владимир Надеяев, которые сами полвека назад в таймыр-

ских тундрах начинали учить первых долганских детей. В Улан-Удэ я отыскал Баира Дугарова, молодого исследователя-буддолога, переводчика тибетского поэта Миларайба (XII век). Баир по матери — потомок исчезнувшего племени сойотов, тех самых сойотов, которые, по гипотезе Кастрена, начали путь самодийцев из Саян на север, к берегам Ледовитого океана. Я познакомился с гениальным, не всеми понимаемым хантыйским живописцем Геннадием Райшевым, молодой немецкой писательницей Анной Неркаги, которая вернулась из городского комфорта в отцовский чум, живет в тундре, кашляет на берегах Карского моря и в долинах Полярного Урала вместе со своим мужем-охотником и пишет необыкновенно честные, правдивые повести в этом самом чуме, где нет не только писательского, но даже и обыкновенного стола. Молодой хантыйский резчик Геннадий Хартаганов постепенно, не торопясь, осуществляет свою давнишнюю идею — трудится над созданием заповедника-музея национального быта ханты под открытым небом. А простой сибирский рабочий лесник Петр Бахлыков сумел собрать много предметов хантыского быта, промыслов, ритуальных вещей аборигенов реки Юган и создал музей в старинном сибирском селе Угут, музей, в который уже приезжают не только из городов России, но и из Болгарии, Швеции, Швейцарии. Завершение моего пути совпало со Всесоюзной научной конференцией по социальным проблемам народностей Сибири в Новосибирске. Ученые и практики обсуждали насущные задачи, и не раз приходилось быть свидетелем, с каким пиететом самые разные специалисты, решая современные проблемы, произносят имя Кастрена. В повторении маршрута, как в любом эпигонстве, присутствует нечто постыдное: мы заранее признаемся в собственной неоригинальности, несамостоятельности, слепо следуя за одаренным поводырем, обреченные на вечное повторение. Но у маршрута Кастрена есть своя особенность: его субъективный план отражал объективную картину, четко ограничивая самодийский мир, границы расселения народов, говорящих и говоривших на языках самодийского круга. Прошедшие пол-

тора века, естественно, неузнаваемо улучшили транспортные возможности на территории этого «материка». Но вот ведь странно — несмотря на скорости самолетов, речных «метеоров», поездов и автомобилей, все же и по сию пору не нашлось исследователя, который — нет-нет, не просто повторил бы маршрут Кастрена, а проделал этот граничный путь, чтобы свести воедино то, что не состыковывается пока на каких-то гранях науки. Осторожность ли это нынешних исследователей, которые хорошо усвоили истину, что здравомыслящий не возьмется за необъятное? Понимание своих возможностей? Этап ли такой в науке, что каждому положено работать на собственном плацдармике? Но все это непременно подтверждает безрассудную широту Кастренова кругозора, свидетельствует о той непонятливости — прекрасной сестре дерзости, которая заставляет человека все время поднимать предел своих возможностей. Я рад, что меня с этими замечательными людьми свел не кто-нибудь, а Кастрен. Я написал книгу «Манящий свет звезды Полярной» о сибирских верстах Кастрена, о его необъяснимо плодотворном путешествии. Я рад, что в мою судьбу вошел этот замечательнейший человек, эта великая личность — сын пастора из Рованьеми. Но до конца человека не поймешь, если не подышишь воздухом его родины. Как же я мог отказаться от путешествия на родину Александра в Финляндию, в родные его места, а родился он в Лапландии, в приходе Тервола близ городка Рованьеми, почти на самом Полярном круге, там, где сегодня сувенирный Санта Клаус делает свой немаленький бизнес. Что оставляет после себя человек? Великий человек? Мы завещаем грядущему человечеству свои драгоценные деяния и подвиги, но что остается от нас? Конечно, Финляндия помнит своего национального героя.

Но...

Может быть, потому, что в 1944 году Рованьеми был стерт с лица земли уходившими из Финляндии фашистами, здесь практически не сохранилось давней старины и былой памяти, великий сын этих суровых мест отмечен скупом. На здании библиотеки — мемориальная доска с символическим сибирским маршрутом. Кажется, русская карелка переводчица Наташа — самый главный в Рованьеми кастреновед. Понятно, что сами финны фамилию Кастрена не забыли, но вряд ли могут сказать больше, чем знаю я. Наша светская память коротка и избирательна. Больше чтут традиции деятели церкви.

Хотя старый храм, где служил отец Александра пастор Христиан, не сохранился, на его месте стоит восстановленная церковь, и даже молодой пастор помнит своего давнего предшественника. А старший его коллега заинтересовался непонятным поиском непонятных русских: зачем им — Кастрен?

В родном городе моего героя — Лапландский университет. На городок в 35 тысяч человек населения — 2200 «студизусов». Финны могут позволить себе эту роскошь. К сожалению, Кастрен недавним университетом не привлечен: лингвистов здесь не выпускают. Хо-

тя, утверждает легенда, вот эти сибирские лиственницы (не очень могучие, но явно давние), ведь здесь стоял пасторский дом, могут помнить молодого Александра.

Издалека мне думалось, что Рованьеми больше гордится своим великим сыном, наладившим столь прочные мосты между Европейским Севером и Сибирью.

Финская столица Хельсинки больше чтит великого финско-русского ученого. Мне удалось разыскать в Хельсинки единственного своего ученого знакомого — университетского библиотекаря, доброжелательнейшего Мартти Кахла. Мартти, несмотря на уикэнд, приехал из неблизкого городка Эспоо, чтобы показать мне университетский Кастрениум. Но ничего ожидаемого я не увидел: обычный западный университет, естественно, современно оборудованный, но, наверное, похожий на все студенческие заведения во всем мире: по-студенчески расхристаный, бесшабашный и беспорядочный. Просто в здании, где размещается филологический факультет, сеть кафедр («институтов»), аудиторий и лабораторий финно-угорского круга носят это обобщенное название — Кастрениум. И даже полагающегося бюста ученого я на месте не обнаружил.

«Кастрениум», получается, это скорее морально-психологически, нежели организационно или административно, символическая дань памяти заслуг великого земляка.

Бюст Кастрена я обнаружил на обочине Национального музея, в незаметной боковой рошце. Декабрь в Хельсинки — это дождь, беспросветный, обложной, промозглый. Бюст реалистичный. Матиас Александр изображен в какой-то немыслимой шапочке, скорее извозчикьей, нежели профессорской, необозначенный скульптор если не перекошил, то скособочил своего героя, так что бронзовый Кастрен смотрит на унылую декабрьскую родину и мир жалобно, с упреком. И хотя Кастреново лицо прозорливо, уверенно и мужественно, воспринимаешь его, я воспринял, как обиженного и недоумевающего национального героя, особенно на фоне величественных соседей-истуканов. Бюст Кастрена прячется за могущественным чугунным (или бронзовым?) задом неведомого мне финского президента.

Признаюсь, бюст Кастрена произвел на меня незабываемое, но довольно странное впечатление — эта медно-зеленая извозчикья немыслимая шапка, как-то по-особенному выделяющаяся на сырости зимы, пронизывающе-холодной сырости. Мой каменный медный Кастрен в центре Хельсинки стынет, и даже в повороте его головы нечто от постоянно озябшего, недоумевающего человека.

Впечатление одно: гениальному человеку везде одиноко. Он рассчитывает на уважение и почитание если не современников, то потомков. Но потомки еще более беспощадны, чем современники. Не будем обольщаться. Но и не забудем мужества одиночек. По-другому ведь не бывает: в своем мужестве человек всегда одинок, но кто-то делает этот свой выбор — одиночество мужества. Гельсингфорс, Хельсинки, кетати, не забыл, не забывает, не хочет забывать 108 лет своей российской истории. В Хельсинки с недавних лет существует

общество Александра Кастрена. Оно нашло свой скромный приют в престижной части города, в нем все солидно, обстоятельно, но предельно скромно.

Марья Лаппалайнен, ответственный секретарь общества Кастрена, расскажет об истории общества, его основных целях и задачах, неизбежных проблемах, прежде всего финансовых.

Тармо Хаккарайнен, координатор проектов общества Кастрена, подчеркивает российскую направленность деятельности общества: осуществляется ряд совместных проектов с финно-угорскими республиками и округами России, связи крепнут и развиваются.

Влюбленные слепы. Наивно, или безумно, они предполагают, что и все остальные без ума от предмета их обожания. Что скрывать, я люблю этого великого безумца Александра Кастрена, который своей жизни не пожалел ради любимой науки, ради любимой страны, который расчетливо сжег себя для того, чтобы сделать то, что мог только и исключительно он.

Я вижу незатухающий огонь его сердца, который светит через прошедшие десятилетия и эпохи. Я побывал на его родине, наверное, хотел увидеть не только то, что увидел, но — прием реальность, а не будем строить иллюзий. Я на своем пути к Кастрену больше понял мусульман, которые стремятся в Мекку к священным камням Каабы, паломников, которые идут к заветным для себя святыням. Не важно, что увидишь, но важно, что у тебя есть, для тебя существуют святыни.

И, наверное, необходимый постскрипtum к моим финским впечатлениям. Кроме Кастреновых мемориалов, мне довелось побывать на многих промышленных предприятиях, что называется, в рабочих коллективах, встречаться с разными финнами в разной обстановке.

Какие же выводы можно сделать, посмотрев на сегодняшнюю жизнь Финляндии? Во-первых, независимость и желание жить самостоятельно продуктивны сами по себе: народ ответствен за свою судьбу, ему не на кого кивать, как распорядился своим потенциалом, так и живет. Наше общество сегодня тревожится ближайшей перспективой: как выживем при рыночных отношениях. И в этом отношении Финляндия — интересный образец. В здешней краткосрочной гражданской войне победила — нравится нам это или нет — национальная буржуазия. В России победил пролетариат. Плоды их победного управления — современная Россия и современная Финляндия. Начав практически с единой точки отсчета, наши страны пришли к разным результатам: по уровню жизни Финляндия в первой десятке. Бояться рыночных отношений — это значит бояться того товарного изобилия, которое бросается в глаза в маркетах, магазинах и лавочках от Хельсинки до Рованьеми.

Бывшее Великое княжество Финляндское (оно в составе России находилось 108 лет) являет собой недавней метрополии два примера: по крайней мере, не надо бояться того буржуазного пути, которым она шла, и второе — в независимости есть тот шанс, который

не всегда проявляется в союзе. Я помню вздох одного пожилого финна, говорящего по-русски и вполне лояльно относящегося к нашей стране:

— Я просто представить себе не могу, как бы мы жили, если бы в 1917 году остались в составе Российской империи и победи в нашей гражданской войне другой класс. Все это можно оспаривать, только трудно оспорить то, что видишь своими глазами: современные города,

первоклассные дороги, промышленность мирового уровня, бережное отношение к природе и постоянную заботу о человеке.

(Сибирская привязка: последним российским генерал-губернатором Великого княжества Финляндского был Николай Виссарионович Некрасов — сибирский депутат нескольких царских Государственных Дум. Именно сибиряк сдавал дела первому президенту независимой Финляндии Перу Свинхвуду. Свинхвуд, кстати, Сибири тоже не миновал, его как яркого (яркого!) националиста в 1914 году сослали в Тобольский централ. Продержали в Тобольске год.)

И еще чему бы следовало поучиться у финнов, впрочем, видимо, как и у всех народов, причисляющих себя к цивилизованным. На главной площади Хельсинки, Сенатской, стоит памятник. Кому бы вы думали? Императору Александру II. С деятельностью этого царя финны связывают многие реформы, которые способствовали возрождению финского языка, культуры, национального самосознания. Для России Александр II сделал куда больше — освободил российское крестьянство от многовекового рабства. Но в наших городах стоят памятники тем, кто обращал нас в новое рабство, но не царю-освободителю... У финнов есть свои счета с Российской империей, но они не унизились до того, чтобы сводить эти счета на уровне памятников. И, любясь этим памятником, я еще раз думал о том, какую куцую, кастрированную отечественную историю заложили в нас. Мы не умеем ценить ее многоцветья, противоречивости, ее многоликости, нас приучили к одной прямолинейности, а потом мы еще удивляемся примитивности нашего мышления и наших решений.

БЕРЛОГА
САНТА КЛАУСА

*Мемuary
о Российской
империи*

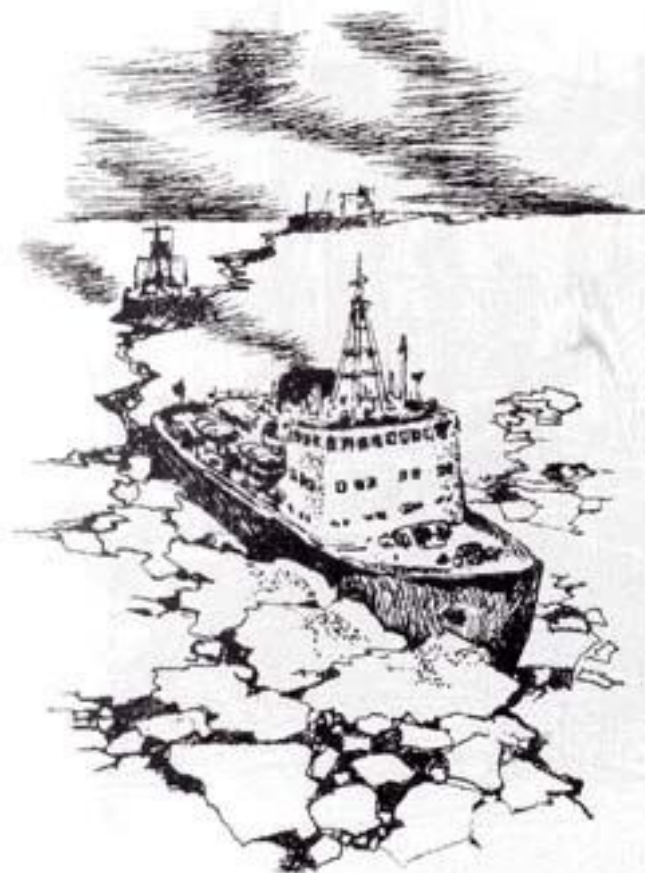

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ПАЛТУС В МУРМАНСКЕ

Захлебнуться в свободе. Нет повода для восторга, но восторг – полный. Любая командировка – освобождение, но командировка сюда...

Утро. Убогий тесноватый гостиничный номер. Знаменитая «Полярная». Но ты – в Мурманске. Вон они какие, прославленные Кольские сопки. Невысокие, но тяжелые. А сегодня к вечеру ты переберешься на линейный дизельный ледокол «Капитан Сорокин». Впереди – трасса Севморпути. Правда, не на самом лидере-атомоходе «Арктика», а на конвойном и неатомном электроходе «Сорокин». По ледовому коридору в кильватерной колонне идут морские сухогрузы «Капитан Наварин», «Пионер Якутии», к ним присоединится ямальский ветеран «Павел Пономарев».

Тебе предстоит путь мужественных – поход по Северному Ледовитому океану. Конечно, эрзац, как и положено в конце XX века, но сегодня ты и Норденшельд, капитан Виггинс, отважный русский помор, лейтенант Брусилов, Фриттьоф Нансен, погибающий Седов, запретный Вильницкий, сгнившая Жюльетта Жан, и сексот Папанин Иван Дмитриевич. Всё вместе. Все вместе. Герой Арктики.

До Северного полюса недалеко.

Мы пройдем в кильватерной колонне только два моря – Баренцево и Карское. Западный сектор Арктики. Но Карское – во льдах. В припае. Сначала лед слабый, но у Харасавъя – жесткий.

Мурманск – город надолго закрытый, может, поэтому и свободный. И хорошее пиво здесь в знаменитой «Полярной звезде» можно заказать прямо на завтрак. С утра.

Бывалый иртышский мореман, знакомый всех знаменитых капитанов, м.б., президент клуба знаменитых капитанов коллега Вова Третьяков, наслушавшись моих рассказов о палтусе в «Национале», предлагает:

— Послушай, его же здесь ловят где-то рядом. Давай закажем?

Мне кажется, что в свободном Мурманске палтуса со столбичным лоском готовить не умеют. Но рискнуть можно. Тем более, что холодненькое, морозно вспотевшее «Мурманское» уже принесли.

Нет, умеют! И что значит свежая рыба! Вот когда рыба — рыба! Мурманский палтус попадает на кухню ресторана «Мурманск» ни разу не заморозившись, не потеряв своей глубинно-морской девственности.

«Националь» отдыхает. Навсегда.

Это не рыба. Это само море. Океан! Океан во плоти. Ты аккуратно поддеваешь вилкой, отрезаешь тупым ножом кусочек плотного океана и отправляешь в рот. Нет, он не тает во рту, это ты таяшь, погружаясь в океан. Ты на мгновение становишься океанской стихией. В тебе просыпается океанская мощь. Нет, мы произошли не от этих вонючих обезьян. Мы вышли из океана.

И когда Вова предлагает «по соточке» с палтусом — как тут отказаться?

Для приличия я интересуюсь:

— С утра?

У него неотразимый аргумент:

— Когда мы еще попадем на такого палтуса?

Действительно, больше в жизни мне не привелось есть такого, какой нам попался в Мурманске. Везде — рыба как рыба. Обыкновенный улов.

Я даже сейчас — вспомнил, и во мне забушевала океанская мощь. Я — не из океана. Я — океан.

Два дня мы шли по открытому Баренцеву морю, два дня ломали льды Карского — слабые и жесткие — до самого Харасавэя. По пробитым полыньям, ледовому коридору шлепали сухогрузы для арктических нефтеразведчиков.

Я не завидую морякам, но здорово удивляюсь их мужеству: они явно люди нирваны — насколько надо быть внутренним, самодостаточным, отрешенным, успокоенным, чтобы

втянуться в эту рутину романтики дальних странствий. Как впасть в это интенсивное ритуальное однообразие! Понятно, на судне — работа, но они по-другому структурируют время. Они — другие люди. Люди моря. Океан свирепствует в их душе.

БЕЗДНА НЕЖНОСТИ

Запасная земля человечества

Максим МАРЧЕНКО
Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ

«...И ИЗГНАЛИ НАРОД МОЙ С НОВОЙ ЗЕМЛИ»

Помните: Тюмень в атомном окружении? С запада — под боком Белоярская АЭС (обещают, она будет расширяться), с юга — атомная речка Теча, впадающая в Исеть, а берущая начало у знаменитого челябинского «Маяка». С востока — «Томск-7», закрытый город Северск — старая «Белая Борода», химкомбинат на реке Томи, впадающей в Обь.

По всей территории области оставили атомные следы геофизики, проводившие подземные атомные взрывы малой мощности в мирных, естественно, геологоразведочных целях. Подземными взрывами, впрочем, занимались на территории области и военные. А с севера? С севера — Новая Земля. То ли экс-ядерный полигон, то ли будущий ядерный могильник. Архипелаг Новая Земля снова заперт, окончательно засекречен, атомный народ не любит болтовни, гласность для Новой Земли существовала считанные месяцы неуправляемой перестройки. Мне в свое время честно пообещали обязательный полет на Новую Землю. Но я оказался в хорошо отрепетированном чиновничьем футболе: перезвоните — уточните — найдите х, пошлите у — вы опоздали: рейс улетел, перезвоните — уточните, пошлите — послали? Ну и так далее. Все помнят: атомное соседство — опасное соседство.

Давно хотел встретиться с коренным новоземельцем. Царско-советская колонизация полярного архипелага началась

сосем недавно, век с хвостиком. Эта колонизация, кстати, связана с нашим почти земляком, соседом-писателем и путешественником, шадринским уроженцем Константином Носиловым.

... и Изольда.

Мечты сбываются. Неожиданно. В лесном райцентре Советский я заглянул в гости к местному самобытному художнику Вадиму Савинову. Он местный кондинский ханты. Его жена – Изольда Прокопьевна, тоже врач. Она по отцу ненка, девичья ее фамилия Леткова. Распространенная большеземельская фамилия. Род. Оказалось, я встретил человека, о встрече с которым мечтал давно. Изольда Прокопьевна Леткова родилась на Новой Земле. Она покинула родной полярный архипелаг не по своей воле, как десяток-другой ее соплеменников. Приближался год 1957-й. Помните: год новоземельского ядерного взрыва. Первого. Архипелаг вздрогнул. Планета напряглась. Человечество содрогнулось.

Мастерской у лечащего живописца, естественно, нет. Стандартная двушка в деревянной двухэтажке. Общую комнату можно считать за художническую студию. В этом салоне я и приобщаюсь к атомной полярной трагедии.

Атомное соседство всегда, если даже не смертельно, все равно опасное соседство. Если по порядку, то выглядело примерно так.

Немногочисленные жители Новой Земли узнали, стали догадываться, что не жить им на новой, но родной земле где-то в 57-м, уже с начала года пошли разговоры, что их начнут выселять. Разговоры и слухи длились недолго, летом всех уже совсем выселили. Причем толком не объясняли. Хотя догадаться было не сложно: военные собрались проводить именно на их земле особо секретные атомные испытания. Не стесняясь, говорили: надо освободить место.

Новая Земля для страны пригодилась как раз: бросовая, бесполезная, нужная не для людей, а для убийства людей в других местах. Местных не слушали, слушать никто не хотел. Решили в другом месте. Очень хорошо годилась для этих свирепых целей только их земля. Их архипелаг. Народу считано, на полярных станциях, понятно, военные да промысловики: рыбаки и охотники.

Как ее отец, который дал это изысканное имя: Изольда. Зимой он промыслял песца, летом ловил вкусного гольца, осенью упромыслял тюленя.

У него их было шестеро. Они ютились в избушке, большой комнате, с парами и маленькой кухонькой, где хозяйничала мама.

– Какие вы местные? – возражали им суровые военные. – С берега вас, поселенцев, привезли на военном корабле. Еще надо доказать, что вы здесь пораньше военных объявились. Вы же даже чумов здесь не ставите. Да, какой спрос с вас, пришлых.

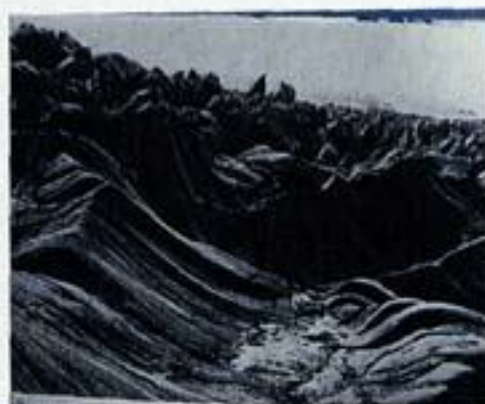

Военные считали себя здесь подлинными хозяевами.

Вспоминает Изольда:

— Очень вкусный голец. Весной мы сетями ловили, а осенью речку перегораживали, запор ставили, городили речку, ставили фитиль такой с обручами. Вот перегородишь, в загородке дырка в фитиль, рыба идет косяком, вода светлая-светлая, все видно. Наверху устроишься на специальные козлы, вот рыба идет — косяк, рыба синяя-синяя, прямо видно: она тыкается, где бы ей найти отдушину, нашла отверстие и идет в фитиль. Фитиль загружается, загружается, он уже над водой. Приезжают рыбаки, открывают запор, рыбу оттуда вычерпывают. И опять ждут, как наберется мешок-фитиль. Рыбы пёрло много. Все самим надо, артелей не было, одна семья, и все. Мы, дети, помогали. Надо ее распороть, засолить в бочки, мы солили, закупоривали бочки, а потом осенью приходил катер и собирал весь улов.

Тюленей много, сало заготавливали из тюленя, в основном, зимой, осенью — нерпу. Или идет белуха, в зиму делали снежные ямы, выкапываешь такие большие-большие ямины и туда шкуру с салом, просто делаешь — без соли, без всего и вот в снежную яму туда закладываешь, и сверху снегом до весны. Весной начинаем брить, сало от шкуры сбиваем, потом его надо чёрте че порубить и в котел, большой такой котел, и на костер. Наше детское дело — поддерживать костер, чтобы сало топилось. Это сало потом сливают в барабаны, двухсоткилограммовые бочки железные, потом осенью опять к нам приезжали и забирали это сало, увозили. Нужно еще было выполнять план по сбору яиц кайры. На все был план. Пушнина — план. На рыбу план, на яйцо — план, на пух — план. Все по плану. Очень опасно собирать яйца кайры. Было дело, гибли, срывались со скалы. Особенно после дождя. Веревку не так перебросишь, и уже летит на тебя камень. Без плана.

Бывшая новоземелка кутается в легкую серую длинную шаль. Может быть, последняя память родной земли, может быть, тепло. Родная земля — всякая теплая.

— Где мы жили — там два острова было, птица гага — она прямо под цвет пуха. Гнезда часто-часто, в июне заходишь, не ожидаешь, вообще не видишь ее, и вдруг у тебя из-под ног — раз и птица вылетает. В гнезде штук шесть-пять яиц, уже и птенцы выходят, мы пух там собирали. На гагачий пух нам тоже спускали план. У гаги очень вязкий пух, можно вязать на нить, потом прясть. У нас же на Новой Земле все делали своими руками, привозного практически ничего. Мы шапки вязали из пуха. Они невероятно теплые. Эту кофту мне мама связала, я училась в институте, где-то в 64 году, вот она мне кофту связала. 30 лет уже кофточке.

Пароход на советскую Новую Землю по царской традиции ходил два раза в год. После семилетки Изольда направились в Архангельск, хотела поступить в медучилище — она мечтала выучиться на доктора. Но пароход ушел без Изольды — ударил шторм, и с их становища пассажира не забрали. Целую неделю они провели на берегу без еды и пищи.

Целый год ей пришлось провести на зимовье у отца: восьмого класса в школе не было, а

дважды учиться в седьмом отличница Изольда сама не захотела. Что такое жизнь промысловика на Новой Земле на становище отца она узнала с лихвой.

Я, кстати, почему не спросил: ее отец – поклонник французской драмы или поклонник популярной советской артистки? Изольда...

– Конечно, зима суровая. Особенно полярная ночь наступает, вьюги сильные, мы в интернатскую баню ходили по веревочке, нас за веревку привяжут, такие сильные ветра и пурги, и мы идем, нас человек десять. Воспитатель вначале, дальше мы по веревочке, а дальше опять взрослый. Ветер аж с ног срывает. Пурга дом занесет, сравнивает крышу с землей, потом ходим откапываем друг друга. Недельку пурга, там же никакой защиты нет, голое место, метели сильные.

– Наверно, обрадовались, что вас увезут с Новой Земли?

– Радости не было почему-то. Мама у меня еще когда живая была, мы с ней ездили и навещали новоземельцев. В 42-м году немецкая подводная лодка приходила, пожар устроила большой, все сгорело. Мы встречались с женщинами с Новой Земли, с мужчинами, у всех мнение едино, если бы, допустим, открыли Новую Землю, разрешили бы всем, кто еще в силе: так поехали бы туда жить все равно. Настолько Север захватывает: притягивает своих все равно.

– Протестовал кто-то в 57-м году, говорил: нет, я здесь родилась, никуда отсюда не уеду?

– Большой авторитет, это Илья Константинович Вылка. Конечно, много разъяснительной работы проводилось. Но слушали его у нас как? Ну, не знаю. Он отец всем, так, наверно. Он умел в общем-то внушительно сказать, рассказать доходчиво. Раз он говорил, что надо, значит, надо. А он сказал: надо! Мудрый ненец. Все понимал.

Раз всех вывозят, ведь не будет и школы-интерната, а ведь у всех же семьи-то большие были, нас шестеро, у знакомых в семье семь, восемь. А где учиться?

– Подошел военный крейсер?

– Мы сначала из Корелки выезжали. Нас предупреждали, что вот-вот должны подойти нас вывозить. Пришел крейсер военный, нас погрузили, сказали, что с собой можно взять. А что можно было взять с собой? Мы держали 20 собак ездовых, с собой пять штук собак забрали. Отец, когда ехал в Нарьян-Мар, думал, что раз уж испокон веков отец его занимался охотой, рыбалкой, без собак житья не будет, это первое, это помощник, это...

– Больше, чем друг?

– Собаки это существование наше. На них весь промысел держится, пешком ведь там не обойдешь. Вот мы пять собак взяли...

– Вместо любимой куклы?

– Взяли с собой. Нас сначала везли в Лазерное, а оттуда вывозили: нам Архангельск,

Угой и Нарьян-Мар, три точки, куда можно ехать. У папы сестра в Нарьян-Маре, поэтому мы поехали, чтобы какая-то родная кровинка была, как-то зацепиться и выбрали Нарьян-Мар.

— До крейсера на каком-то баркасе добирались? До крейсера с берега?

— Вы знаете, я этого момента не помню. Берег очень глубокий, приглубый, может, прямо к берегу этот самый крейсер и подходил.

— Поднялись на борт крейсера, он сейчас отчалит, прощай, родная земля? Прощай навсегда?

— Ой, ну это одни слезы, конечно. Папа не мог стоять на палубе, он ушел, потому что собаки лаяли вслед хозяевам. Они же знают, куда и надолго ли едешь, они все знают и чувствуют. Собаки бегут в воду, отец весь в слезах ушел, не мог смотреть.

— Все остальные тоже. Да, это крест... Крест.

Тыко Вылко. Цитата.

«Я писал все, что было зрением моим, и было мне сладостно. Я рассказал о своей холодной, о своей бедной, о своей богатой земле, о своем острове. Я хотел, чтобы люди через мои картины, как сквозь окна видели ее и, как и я, преисполнились удивлением перед ее красотой и разнообразием».

Гениально!

Она произносит печально, переполненная воспоминаниями:

— Вот так и изгнали народ мой с Новой Земли. Я прислушиваюсь, и в этом бытовизме вдруг ощущаю далекое библейское, времена меняются, а народы все изгоняют и изгоняют с вечно новой земли.

На ее плечах шаль из гагачьего меха, собранного собственноручно из гагачьих кладок на скользких новоземельских скалах. Она в материнской кофте — вечной и теплой маминой вязки кофте из того же пуха, но собранного мамой.

Тепло родной земли, как мамино тепло — всегда с ней.

Что ж ее так печалит и на всю жизнь заражает тревогой? Рано или поздно птенцы улетают из родного гнезда и — часто! — уже не возвращаются на родные погосты.

Но это другая печаль.

Она, может быть, тоже бы никогда не собралась на холодную родину — недосуг, трудно-доступно, да и попросту денег нет на дорожную дальнюю дорогу... Мало ли что...

Ее родины не то, что совсем нет, она вроде временно закрыта, и даже не особый предмет тревоги, что там по-прежнему всевластные хозяева родные оголтелые милитаристы. Ее тепла родина — репетиция ада для человечества. Трудно согласиться, что ты родился в аду.

Репетиция Ада.

Живет в Москве скромный, интеллигентный человек. Мой недолгий друг. В свое время он попал в пекло. Он вернулся из ада. В 22 года на Новую Землю ехал советский романтик – увлеченный ученый-гляциолог. В 26 в столицу возвращался едва выживший инвалид.

Почетный полярник Зиновий Михайлович Каневский, вернувшись к жизни, начал писать книги об исследователях Арктики. Писал о других, но не о себе: о том, что он видел, чему был свидетелем и участником, верховной властью велено было не рассказывать.

Даже во времена гласности о Новой Земле не торопятся рассказывать. Новая Земля – архипелаг-заложник. В нашей стране не любят пугать, а правда пугает. Но у нас не любят пугать, потому что продолжают то страшное, что с трудом выдерживает человеческий рассудок.

Омельчук: Зиновий Михайлович, когда Вы ясно ощутили, что попали в ядерное пекло?

Каневский: Совершенно неожиданно пришел военный корабль в бухту залива Русская Гавань, оттуда выгрузился офицер с очень таинственным видом и матросом, долго ничего не рассказывали, приборов при них вроде не было. Но это оказалось рекогносцировкой, первая вылазка на берег, наверное, посмотреть быт нашей зимовки, чтоб вжиться на несколько месяцев в наш коллектив, подготовить нас к тому, что предстоит. Мы тогда еще многого недопонимали, осенью 56-го. Хотя, если я не ошибаюсь, уже состоялся подводный ядерный взрыв у берегов Южного острова. Но о нем мы, по-моему, десятки лет так и не знали. Он, очевидно, был или незаметный, или слишком секретный.

Омельчук: Ненцев на архипелаге уже не было?

Каневский: Нет, за год либо за два всех во главе с Ильей Константиновичем Вылкой (он любил себя называть «губернатор Новой Земли» или «президент Новой Земли») их отправили в Архангельск, Нарьян-Мар, одним словом, на «материк».

Омельчук: Полярники факту, что с острова исчезли 300 семей ненцев придали какое-то значение?

Каневский: Казалось бы, должны были. Мы-то кто были? Салажня юная. Мне 23. Ехали впервые на зимовку. Полные штаны иллюзий. Честно. Мы, конечно, ничего не понимали. В Архангельске, задним числом можно припомнить, слухи шли, полусшепотом говорилось: «Ведь их не как крымских татар удаляли, не по политической неблагонадежности, а просто удаляли, ненужных, мешающих жителей архипелага Новая Земля». Оставили только коллективы зимовок – на Северном острове, это наша «Русская Гавань» и «Мыс Желаний» – на крайней оконечности северной. В Маточкином Шаре зимовки уже были в сущности оккупированы теми, кто на десятки лет поселился там для устройства и эксплуатации этого огромного полигона.

Омельчук: В 56-м году никто не осознавал, что начинается новоземельская Хиросима?

Каневский: Нет, нет. Близко слов подобных... Я больше скажу, мне не стыдно признаться, хотя сейчас это звучит почти кощунственно, очевидный — самоговор. Мы гордились тем, что попали... Не в испытания, конечно, мы их в итоге-то боялись, а как говорится: родина доверила: мы — присутствуем, мы — очевидцы, в какой-то мере соучастники (без уголовного, понятно, смысла этого слова) великих, глобальных, каких угодно! Эпохальных событий. Мы про себя такие слова не говорили, не подразумевалась пресловутая фраза: «чувство законной гордости». Я, по-моему, не вру, Наташа, правда? Или ты иначе думала?

Наташа: Мы очень тревожились.

Каневский: Тревожились физически за себя. Но так ведь тревожились и на фронте миллионы погибающих.

Омельчук: Подопытными кроликами себя не чувствовали?

Каневский: Мы стали чувствовать через год, когда прибыл старший лейтенант с прибором- радиометром, уже пошли замеры, пошли настоящие взрывы. Тут, конечно... Тем более он, записной остряк, любил приговаривать: «А вы, кролики мои бесценные, считайте, что в Цхалтубо побывали на радоновых ваннах, получили квоту лечебную». В случае чего, на горизонте по всей акватории Баренцева моря, с севера на юг, стояли корабли в охранении Северного флота, готовые прийти в любую точку на берегу и снять попавших под серьезное облучение, под очевидную угрозу людей. До этого не дошло.

Омельчук: Гуманность армейских чинов и тогдашней власти распространилась на ненцев, но не полярников?

Каневский: Нет. Но собственно, она не распространялась и на самых главных действующих лиц, кто взрывал своими руками. По воспоминаниям Сахарова ясно, что они с Курчатовым голыми руками работали с радиоактивными веществами. Десятки тысяч, теперь уже ясно, солдат и офицеров Семипалатинского полигона подвергались прямой угрозе.

Омельчук: Вот настал день этого ядерного взрыва?

Каневский: День икс. Это было между 15-м и 25-м сентября 1957-го года, первое испытание. О нем мы, конечно, узнали по «Голосу Америки». Как ни смешно, наши станции мы не принимали из-за плохого радиоэфира, непрохождения через океан. «Голос Америки» звучал четче, чем наши станции «Коминтерна».

Омельчук: Что сообщил «клеветнический» голос?

Каневский: Клеветники сообщили, что предположительно в районе Новой Земли состоялось доселе невиданное по мощности испытание, очевидно, надземное, в атмосфере,

таких-то там мегатонн примерных, я точно не помню. После этого начались угрозы Никиты Сергеевича, что он взорвет стомегатонную бомбу. До нас доходили эти новости уже от советской власти, как непосредственная угроза: рано или поздно такое «изделие» будет взорвано над нашими, в общем, головами.

Омельчук: Взорвано?

Каневский: До этого не дошло, по-моему. Может, Хрущев блефовал.

Омельчук: Ваш бункер?

Каневский: Простой склад сена для двух коров и четырех свиней, их нам завозили на зиму для пропитания. Склад под фураж, корма. Это на берегу Баренцева моря прямо на склоне, мы ютились за ним, предполагая, что могут крыши сорваться от взрыва, а окна полопаться. Этого не произошло. Только стекла задребезжали, почувствовалось содрогание земли, резкие отметки на лентах самописцев давления, барографов. Такие вертикальные взлеты, ясно, нечто сейсмическое и по-крупному произошло.

Омельчук: Паникеров не было, потенциальные дезертиры тоже невозможны?

Каневский: А куда. При всем желании. Ужас-то был не в этом. Взрывы от нас в трехстах, четырехстах километрах, хотя мы видели отчетливо грибовидное облако. Что было ужасно, это уже в 58-м году: серия взрывов продолжалась (на наших глазах) в течение полутора лет примерно. Грибовидное облако мы впервые увидели, видимо, «изделие» было сброшено с высоты примерно 20 километров со сверхзвукового стратосферного самолета, и взорвалось на заданной высоте, скажем, километров 12. Иначе бы мы из-за горизонта его не увидели с такого расстояния.

Омельчук: Между первым и последующими взрывами полярник Каневский выезжал на каникулы на материк?

Каневский: Нет, нет.

Омельчук: У вас не было даже возможности?

Каневский: Какое! Нет, конечно. Мы могли бы запросить, смена же прибывала регулярно, но нам она не полагалась, начались работы Международного геофизического года – летом 57-го года как раз – разгар. Мы нашему замечательному лейтенанту доложили, что, по существующим договорам, любой иностранец может приехать с инспекцией на нашу станцию «Русская Гавань», она ж сверхмеждународной числилась, потому что в ней гляциологическая программа уникального арктического характера. Понимаете? И он, международный гляциолог, мог бы запроситься сюда и приехать. Лейтенант ответил: «Ну и уйдет в сторону моря». Мы тогда впервые услышали такую забавную формулировку. Помните, что самолет Б-29 американский проник в воздушное пространство Советского Союза и после угроз со стороны наших доблестных ПВОР удалился в сторону моря? За два-три дня до очередного испытания, о котором лейтенант узнавал по шифрованной сво-

ей связи через наших радистов, нас всех удаляли с ледника, кого за 15 километров, а кого и за 40. Наша станция «Барьер Сомнений» была в 15-ти километрах от берега, а вторая самая дальняя – «Водораздел» – в сорока километрах. Причем – через зоны трещин. Вы легко это увидите, что за поездки тракторов на такие расстояния. Нас удаляли. Иногда пешком приходилось бежать. Вот, в частности, Наташа бежала. В смысле не в панике, а пришел сотрудник (у нас рация не работала на «Барьере Сомнений»), прибежал на лыжах:

– Ребятки, эвакуируемся, послезавтра взрыв.

А было, допустим, 29-е число какого-то месяца, октября, вероятно. Месяц метеорологических наблюдений очень важно завершить, чтобы цикл 30-31 день был, а не 28. Мы Наташу отправили, с ним остались вот впритык до, ну, чтоб оставалось там несколько часов до взрыва. А ее на лыжах отправили одну на всякий случай, на берег. Она безрассудно пошла без карабина, хотя за год до этого ко мне приходил медведь в этот район.

Омельчук: Зиновий Михайлович, можно считать Новую Землю – бросовой землей?

Каневский: Я однажды привел в книге «Льды и судьбы» четверостишие Николая Гумилева, тогда абсолютно запрещенного поэта, но вот со стороны цензуры недосмотр был. Просмотрели:

А вечный снег и синяя, как чаша
Порфирная сокровищница льда,
Страшна земля такая же, как наша,
Но не рождающая никогда...

Я написал, что это вот как бы о Новой Земле, о Гренландии, об Арктике. Хотя, конечно, это просто поэтическое. Страшна земля, да, ледяная, нерождающая. Хотя если считать семь миллионов птиц новоземельских на птичьих базарах, я думаю, это такой уникальный уголок и такая мощь, я бы сказал, потенциальная для туризма, для орнитологов, для экологов, что можно считать ее просто рождающей и мысли, и идеи, и творчество, и – что угодно. Что касается бросовая: если ее настолько бросят, что будут захоранивать там остатки ядерного оружия – это абсолютный ужас. Ледники ведь живые, они движутся. Мои новоземельские движутся со скоростью до 150 метров в год. Это огромная скорость, только антарктические и гренландские движутся быстрее. Рано или поздно, скорее рано, потому что вся ширина ледникового щита с запада на восток до Карского моря 80 километров, в этом месте они просто сползут...

Омельчук: И чем это грозит человечеству?

Каневский: Это грозит заражением вод Мирового океана, всего рыбного, промыслового, планктонного, какого угодно – богатства. И нашей гибелью. Невырождением даже. По Пастернаку: «Полной гибелью всерьез». Безоговорочно. Ну как может человечество прожить без Мирового океана?

Тот, кто открывал ее, назвал землю Новой. Он открывал новую землю для человечества. Но для такого ли человечества, которое не только свою Новую Землю хотело бы сделать мертвой, но и всю планету?

Смертью дышит сегодня с Новой Земли. У нас еще есть время задуматься, а если это близкое дыхание нашего близкого будущего?

Тыко Вылко – поэт и президент Новой Земли.

«Я писал все, что было зрением моим. Я, как и другие художники, думал, что если расскажу о красоте своей земли, то и в других людях пробудится любовь к ней и стремление сохранить ее мир и красоты от любых разрушений».

Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ

ТЕПЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕДЯНОЙ ГАВАНИ

Новоземельские записки

В детстве все приключенческие книги я читал с Атласом мира под рукой. Особенно этого требовали романы Жюль Верна. Прослеживал по карте маршрут судна «Дункан» по 38-й параллели, плавание «Наутилуса», искал таинственный остров капитана Немо. Даже «Три мушкетёра» заставили меня прорисовать карандашом путь героев книги по Гаврской дороге от Парижа к Ла-Маншу. Совсем недавно мне вновь пришлось взять с полки старый советский Атлас, отыскать на нём архипелаг Новая Земля и в северо-восточной его оконечности бухту, названную Виллемом Баренцем Ледяной гаванью. Там в 1596 году был затёрт льдами голландский корабль, искавший северный морской путь в Индию. Европейцы зимовали в течение 10 месяцев полярной ночи и вернулись домой на шлюпках. Правда, не все: 12 человек из 17. Сам Баренц умер на обратном пути.

Поисками этой голландской каравеллы уже много лет занимается полярный исследователь Дмитрий Кравченко. В 2012 году он организовал очередную экспедицию на Новую Землю, и (о, Судьба, спасибо тебе!) мне посчастливилось в ней участвовать. В команде гидроакустиков, водолазов, врача и инженера, я – человек, прямого отношения к работе экспедиции не имеющий. Моё дело – освещать. Сверхзадача – сделать фильм об этом походе. Поначалу предполагалось, что

мы поедем вдвоём с оператором, но позже выяснилось, что места для него не будет. Значит, снимать придётся самому. В качестве камеры мне выдали фотоаппарат, имеющий режим видеосъёмки. Курс молодого бойца-телеоператора пришлось проходить ускоренными темпами. В душе копошились несколько червей: оставляю на четыре недели жену с двумя детьми, одному из которых 9 месяцев, вливаюсь в новый коллектив (кто его знает, как примут?), но самый назойливый, точивший меня до возвращения домой, назывался «А вдруг не получится?».

Из Архангельска вышли 29 сентября 2012 года на судне Алдан. Это сейчас оно исследовательское, а всего несколько лет назад было рыболовно-креветочным траулером. Вместо цеха переработки рыбы и холодильников сделали каюты, вот и вся любовь. Настоящее морское путешествие, в настоящей поисковой экспедиции, в настоящую Арктику – понимание этого приходит только сейчас, когда формулируешь свои впечатления по истечении некоторого времени. Тогда я тоже формулировал, вёл дневник. Каждый вечер садился за ноутбук и писал о событиях уходящего дня. Но это была лишь констатация фактов, а сейчас я пытаюсь в это повествование вложить душу, увидеть какой-то знак. Из Архангельска до Ледяной гавани – пять дней пути, но это при относительном

штиле. Когда сильно штормило, приходилось прятаться в ближайших бухтах. Каждый день я поднимался на капитанский мостик и с удовольствием изучал большую карту Новой Земли, там-то она – подробней не придумаешь. Отслеживал маршрут.

Морской быт – отдельная история. Румбы, леерное ограждение, кильватер, траверз – слова эти читал и слышал, но теперь понял их истинную сущность. Никогда раньше не слышал слова «штормиться». Это значит пережить шторм, болтаясь в открытом море на самом малом ходу, постоянно вырубивая носом к волне. Слово «плавать» лучше вообще не употреблять. Плавают только дерьмо в проруби, моряки ходят. Когда штормит, тарелки в столовой ездят по полировке столов и из них выливается суп. Дабы этого избежать, стол покрывается мокрой простыней, и езда прекращается, а что касается выплесков за борт, то простынь потом просто загружается в стиральную машину, и всё. Когда штиль – красота. На палубе не валит с ног и можно спокойно любоваться на здешние скудные красоты. Когда глаза не разбегаются от обилия объектов, форм и красок, невольно подробнее вглядываешься в то, что имеется. А вокруг только ровная полоска горизонта. Когда вышли из Белого моря, с этого горизонта исчезали даже редкие кораблики. Новая Земля появилась в моей жизни рано утром, когда после очередного завтрака поднялся на палубу. Точёные сахарные горы тянулись по правому борту. До берега достаточно далеко, 12 морских миль, идём в нейтральных водах, заходить в территориальные российские в этом месте не позволяют военные. Кстати, как и большинство сограждан, до этой поездки я о Новой Земле знал лишь то, что там проводились секретные ядерные испытания. Но опасений у меня насчёт радиации никаких не было, тем более что в команде об этом вообще никто не вспоминал и не говорил. Монолит свинцово-синей фундаментальной воды венчают легкомысленные возвышенности, у которых уже и линий больше и цвет преобладает белый с тёмными мазками на впадинах. Над горами уже полное сумасшествие из об-

лаков кучевых и кучерявых, перистых и пористых, сквозь которые прожекторными лучами в редкие дырки прорывается солнце. Сумасшествие это относительное, и просматривается только на фоне остального стабильного замороженного пейзажа. Мать честная, что ж я не снимаю? Бегу в каюту, хватаю фотоаппарат, приступаю к работе. Настоящее сумасшествие царило в небе лишь одной ночью, это было северное сияние, но это надо видеть, описывать бесполезно.

Значимость этого путешествия, для себя лично, я ощутил только когда вернулся в Тюмень. Там же вся наша коллективная жизнь определялась, словом «повседневность». Все работали по профилю. Водолазы готовили снаряжение, надували лодки, проверяли моторы, инженеры и гидроакустики крепили на лодках оборудование для подводных поисков, матросы несли вахту, капитан со старпомом рулили судном, кок кашеварил, а я снимал. Снимал и писал. Связаться с Большой землёй мы могли только посредством электронной почты, которая отправляла сообщения в час по чайной ложке. Мобильники не работали. У капитана, конечно, был свой канал, но нам им пользоваться не позволялось. Поэтому каждый вечер, как только я заканчивал очередную главу дневника, инженер Сергей Власов запускал сообщение в сторону материка и всю ночь оно летело. Причём только на их экспедиционный адрес, а потом уже добрая женщина Маша Смольянинова отправляла мои опусы в Тюмень и размещала в Интернете. Так хоть в Тюмени знали, что я жив-здоров, и читали мои дневники в рамках программы «Русская Арктика» на «Радио России «Регион-Тюмень». Прибыли в Ледяную гавань. Гор здесь нет. Полоска берега – это галька, обкатанная волнами, как на черноморском побережье Кавказа. Удивительно, но на берегу несметное количество морской капусты. Наш командор Дмитрий Фёдорович Кравченко говорит, что это следствие потепления, раньше такого не было. Стало теплее и водоросли интенсивнее растут. Немного вглубь берега, и округлые глыбы замещаются угловатыми острыми камнями такого же небольшого размера, как будто только из камнедробилки.

Весь берег покрыт брёвнами различного возраста и степени многолетней обработки морем. Всё припорошено лёгким снежком. Называется вся эта древесина «плавник», поскольку плавал когда-то по морям по волнам, а потом был выброшен на берег. Из этого плавника участники экспедиции Русского географического общества в 2009 году построили точную копию дома, в котором зимовали голландцы в 1596-1597 годах. Голландцам когда-то этот материал помог выжить, из него дом построили, им же и топили. Само место стоянки средневековых европейских моряков находится в пяти километрах от современной копии, у мыса Спорый Наволок на широте 76 градусов 15 минут. От их зимовья осталось только четыре нижних бревна, первый венец. Неподальку водружён крест пятиметровой высоты, хорошо видный с моря. Здесь и будем искать каравеллу. Каждое утро я засовываю фотоаппарат в целлофановый пакет, стягиваю горловину резинкой, помещаю в кофр, застёгиваю его на все молнии. С вечера у меня собран запасной комплект одежды: трусы, носки, штаны, свитер, футболка. Всё это так же помещено в полиэтиленовый пакет и, для верности, чтоб не промокло, несколько раз обмотано скотчем. Утром со всей этой амуницией, плюс штатив, выхожу на палубу. Погрузка в лодку – отдельный аттракцион. Надувную лодку с мотором за борт спускают краном, в ней находится человек, который должен отцепить лодку от крана и пришвартоваться к кораблю отдельными концами. От воды до палубы – метров пять. С борта спускают верёвочную лестницу с деревянными перекладинами, по ней экспедиционеры лезут в лодку. Всё это, мягко говоря, шевелится. Глубоко и размеренно – судно, лихорадочно – лодка, да и лестница качается. В это время матросы на верёвках спускают коробки с оборудованием, продуктами, запасной одеждой, ружья и карабины, генератор, горючку, мой штатив. Фотоаппарат от себя не отпускаю, лезу с ним. Всё качается, он за всё цепляется, ужас! Не могу не снять с воды, как идёт погрузка, и как отходим от судна. Распаковываю фотоаппарат, кругом солёные брызги, они замерзают на объективе. До берега идём око-

ло получаса. Успеваю поснимать и заколечеть. Сидеть на ледяном полу без движения – никакого удовольствия. У берега волна значительно круче, чем в море. На каждом из нас высокие резиновые сапоги, переходящие в резиновые же брюки. Необходимо грамотно выпрыгнуть из лодки в прибой, чтобы не намочить. На этот случай и предназначен запасной комплект одежды. Размещаемся в зимовье, разжигаем очаг, сложенный из крупных камней, начинаем кашеварить. И только когда гречка с тушёной уже были готовы, я впервые за наше путешествие услышал слово «Арктика», а ведь я уже и забыл, где мы находимся. Получилось так, что всё мы с собой взяли, вплоть до котла, в котором кашу сварили, а вот ложки и миски не захватили. Такой комплект оказался только у одного из нас. И он сказал: «Ну, вы даёте, ребята. Я, когда из Архангельска в Москву поездом еду, и то миску и ложку с собой беру, а вы в Арктику отправились...»

Самое сильное впечатление осталось от встречи с медведями. Посещали они нас ежедневно, любопытные. Убивать их нельзя, поэтому основной боезапас к ружьям и карабинам – сигнальные ракеты, резиновые пули и мелкая дробь. Есть, конечно, патроны посерьёзнее, но это на самый крайний случай. Появляется медведь всегда неожиданно. Белая шуба на белом снегу становится заметной уже на расстоянии выстрела. Когда это случилось первый раз, я стал орать, чтобы не стреляли, а дали его поснимать. Медведь обходил зимовье полукругом, нюхая воздух и не спуская с нас глаз. Красивый, грациозный, хотя, вероятно, это определение и не совсем подходит к медведю, но так и есть. Полукруг сужается, и тут более опытные товарищи открыли огонь. Сначала, для острастки, ракетами. Но медведь только подпрыгнул от неожиданности, но тактики не сменил. В ход пошли резиновые пули, повелитель Арктики ретировался. В другой раз вышел из-за небольшого мыска по кромке берега. Визита этих милых зверюшек всегда ждешь с суши, поэтому, в основном, все держатся спиной к морю. Не знаю, когда бы мы его заметили, если бы не ребята в лодке, которые обследовали дно. Они-то по рации

нам сказали: «К вам идёт медведь». Развернулись, а он уже тут как тут! В этот момент мы жарили на костре сосиски, могли бы и предположить, что запах не оставит мишку равнодушным. Тут уж я снимал вволю. Близко, на фоне черных, омытых прибоем камней, да и сыграл он как заправский артист, походил туда-сюда, понюхал. Ушел, конечно, когда стали стрелять. Голодно им в это время. Спасительный лёд, по которому можно уйти дальше к северу и там охотиться на нерпу, ещё не встал, вот и едят морскую капусту, да друг друга. Нашли обглоданный медвежий череп, свеженький. Съесть этого несчастного кроме своих сородичей, больше некому. Правда, нашёл я у Баренцева креста олениный рог, старый прогнивший. Когда он здесь бродил – неизвестно.

Ребята бороздят море и берег со своими приборами, я снимаю. Ежедневно совершаю пешие прогулки от зимовья до Баренцева креста, ежедневно погрузка, выгрузка, окоченевшие руки, а если небольшая волна, то и весь продрогший, и мокрый до трусов. Напитавшийся водой пуховик весит килограммов десять. Просто запикиваю его в стиральную машину и ставлю на «отжим».

Постоянно точит червь «а вдруг не получится», стараюсь снимать разнопланово и много, но для того, чтобы получился полноценный фильм с эффектом присутствия автора, необходимо записать стендапы. Все заняты своим делом, да и телеоператоров в команде нет. Надо, чтобы в кадре был не только я и голая каменная пустыня за спиной, но и, например, Баренцев крест, зимовье, флаг над ним, люди, копошащиеся у костра. Нахожу на берегу палку, примерно моего роста, устанавливаю в вертикальное положение посредством обкладывания нижней её части камнями. Просто в грунт парк не воткнуть, он насквозь промёрзший. На верхушку надеваю варежку. Устанавливаю фотоаппарат на штатив, беру фокус по варежке, кадр строю так, чтобы там был тот же крест, костёр, зимовье и т.д. Включаю запись, роняю палку с варежкой, встаю на её место и начинаю «стендапиться».

Чтобы на своей шкуре почувствовать то, что чувствовали

голландцы в XVI веке, решаем заночевать в зимовье. Но это пошли три человека – наш командор Дмитрий Кравченко, единственная женщина в нашей команде Вероника Соловьёва и я. Взяли с собой спальные мешки, тёплую одежду, рацию, несколько фальшфейсеров. Лодка ушла на Алдан, а мы начали готовиться к ночёвке. В основном приготовления заключались в сборе дров, т.е. плавника. Ночь ступила быстро. Под конвоем Фёдорыча с «Береттой» сходили в туалет. Над зимовьем нависла Большая медведица. Закрылись на все засовы, для чистоты эксперимента вырубил генератор, лампочки потухли. У голландцев генератора не было. Тёплые стены избы освещал только горящий очаг, да свечи на столе, за которым мы слушали рассказы командора о предшествующих экспедициях. Фёдорыч знает массу стихов и замечательно их читает, так что скучать не приходилось. Серьёзно докучал дым от мокрых поленьев, ел глаза, поэтому, когда догорела очередная партия, подбрасывать больше не стали. Залезли в спальники и попытались уснуть. Мне кажется, что я не сомкнул глаз ни на минуту. Во-первых, дико холодно, а во-вторых, страшно, как бы не пришли местные ребята в белых шубках. Однако, Фёдорыч наутро сказал, что я даже храпел. Получилось так, что именно эта ночь нашей экспедиции оказалась самой холодной, до минус 15 градусов. Чай в кружках замёрз. Когда вышли из зимовья с «Береттой» наперевес, обнаружили вокруг множество медвежьих следов и прокушенную канистру с бензином. На её стенках остались два круглых отверстия от медвежьих клыков.

Каравеллу мы не нашли. Обнаружили на берегу только куски шпангоутов (ребра корабля), которые отправились впоследствии на углеродный анализ, чтобы установить их возраст. Из этого уже можно будет делать выводы: голландский корабль или нет. Спустили российский флаг, который развевался над избой все время нашего пребывания на Новой Земле, свернули и флаг фонда «Север наш», под которым проходили наши изыскания. На обратном пути, впрочем, как и тогда, государственный флаг реял за кормой, а «Север наш» – на

центральном флагштоке. Капитан объявил в матюгальник, что держим курс на Архангельск и велел всем стоять по местам.

Не было дня, чтобы я не вспоминал об этой экспедиции. История распорядилась так, что огромная часть российской территории находится за Полярным кругом. Это и Север Евразии, и острова, и шельф. Наполеон говорил, что география – это приговор. Судьба приговорила Россию исследовать, осваивать и беречь этот край. Арктика – это не только географическое и экономическое понятие, но и культурное. Север-

ный полюс, Северный морской путь, ледокольный флот, полярные исследователи. Всё это часть нашей истории и культуры. Голландская экспедиция в Индию теперь тоже наша история, в которую мне посчастливилось заглянуть. Фильм получил название «Хождение за три моря Игоря Емельянова». Морей было пройдено действительно три: Белое, Баренцево, Карское. А «Хождение» само образовалось по образу путешествия Афанасия Никитина, и тоже в Индию. Не плаваньем же его называть.

БОГ УЛЫБАЛСЯ

Земля любит

Фёдор КОВТУН

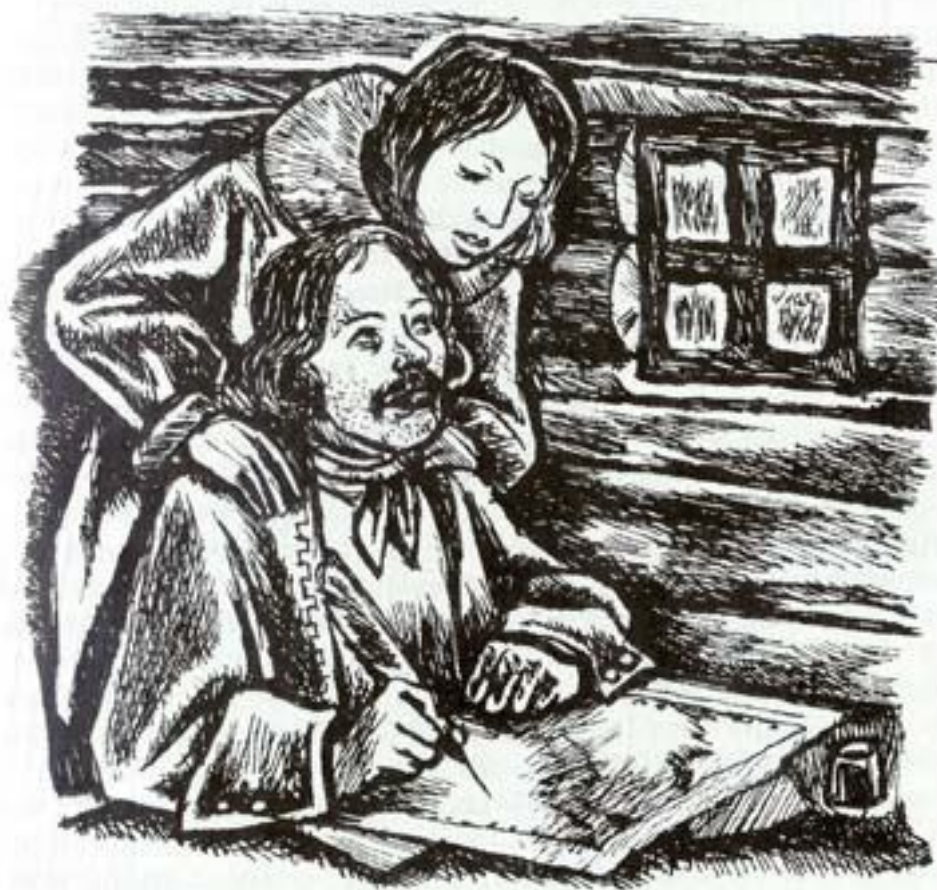

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

«...ОПИСЬ ДЕЛАЛ ШТУРМАН ИВАНОВ»

Поразительна скромность русских первопроходцев!

«В Обдорск прибыли 18 октября, и на этот раз мне отвели квартиру с окнами, обтянутыми налимьей шкурою, а под полом вода. В такой-то хате я должен был составлять карты нашей описи. Остальные дни октября месяца погода стояла здесь тихая и ясная, с небольшими морозами».

На мысе Дровяном путешественники «простояли три дня за сильною выюгою. В первый раз мы испытали такую сильную выюгу: нельзя было открыть глаза против ветра, и в десяти сажнях мы не различали предметов; выходявшие из чума возвращались назад уже на голос; в течение ночи чум заносило снегом более чем наполовину, и вовнутрь его набивалось премного снега. Во все это время мы сидели в чуме — то дрожа от холода, то плача от дыма, если разводили огонь».

«Начали показываться кустарники ольхового и соснового леса. Эти кустарники весьма затрудняли опись и наконец стали так густы, что мы уже были совершенно остановлены ими: не было возможности не только ехать, но даже и пешком идти, тем более что места вообще болотисты. Продираясь в кустарниках, Рагозин повредил себе глаз».

Эти три довольно обширные цитаты взяты из путевого дневника штурмана двенадцатого класса с простыми русскими именем и фамилией — Иван Иванов. В декабре памятного 1825 года «высочайшей волей» он был назначен начальником Восточного отряда Печорской экспедиции, снаряженной Государ-

ственным Адмиралтейским департаментом, и уже следующей весной приступил к описи арктических берегов России. Осенью 1826 года его отряд вступил в пределы тогдашней Тобольской губернии. Иванов располагал одним грамотным специалистом – Николай Маркович Рагозин имел чин штурманского помощника.

Что особенно поражает в штурманских записках, так то, как лишь мимоходом, одной строкой в них отмечаются всеческие препятствия и преграды. Да и цитированные намеки на превратности судьбы путешественника в записках чрезвычайно редки, они теряются вот в таких повседневных фиксациях почти размеренного быта штурмана и его спутников:

«7 июля, окончив наблюдения, отправились далее.

31 июля, получив новую смену оленей, отправились далее.

9 августа приехали к мысу Салетта и остановились для наблюдения. Этот низменный, песчаный мыс образует здесь небольшой мелкий залив».

И с тем же эпическим спокойствием, без пояснений, как само собой разумеющееся, штурман 12-го класса вставляет в свои заметки:

– Этот мыс назван мною Сарычевым.

– Большой остров, названный мною Литке.

– Я назвал ее губою Крузенштерна.

– Этот мыс назван мною Головинным.

Иван Никифорович несколько не сомневается в своем праве давать имена доселе непоименованным местностям, так же, как не сомневается, что работу, согласно инструкциям Адмиралтейства, нужно делать добросовестно.

Об этом человеке известно очень немного. Но, прочтя его записки о том, как он вел опись берегов Ямала, выносишь ясно и ярко сложившийся образ обстоятельного русского человека, не привыкшего пугаться никакой работы, не теряющего рассудка в любой сложной ситуации, человека, который и не подозревал, что совершает дело, которое потомки назовут героическим.

И только в самом конце записок у него вырвется:

«3 апреля я получил предписание возвратиться в Санкт-Петербург. Это меня чрезвычайно обрадовало, сряду три года я провел в этом суровом климате, в снегах и болотах...»

«Это меня очень обрадовало» – как все же скромно и негромко сказано.

Поразительна еще одна вещь в записках Иванова. Когда прочитано уже больше половины страниц, тебя вдруг ошарашат мимоходом сказанные слова: «Господин Шаренберг удивлялся легкости наших повозок для поездок в таком суровом климате, и был удивлен еще более, когда узнал, что моя жена сопровождала меня в продолжение всей экспедиции».

Было чему удивляться чиновнику особых поручений при Тобольском гражданском губернаторе надворному советнику Шаренбергу: ведь история российской географии знала лишь имя одной отважной спутницы – Марии Прончищевой, первой полярной исследовательницы.

Календарь отмечал последекабрьскую эпоху: как тут не вспомнить отважных декабристок! Верность русской женщины поистине граничит с подвигом. И если на страницах записок нет, кроме этого, упоминаний о пятом члене экспедиции, то, судя по всему, Авдотья Иванова просто и мужественно переносила все те тяготы, которые выпали ее спутникам.

Опись ямальных берегов Иванов начал в конце апреля 1827 года, вернувшись с обдорской зимовки к реке Каре, где остановил опись в прошлом году. В Гидрографическое депо в Петербурге благополучно были отосланы составленные по материалам предыдущих исследований карты, окончательно проверены хронометры, зато случайно был разбит термометр. А так как он был единственным, на этом пришлось прекратить метеорологические наблюдения. «Минус шесть градусов в полдень при умеренном весте», – не забыл занести в путевой дневник Иван Никифорович.

Путешествие, если верить запискам, кроме неудачного начала, проходило без особых приключений. Правда, при переходе через Полярный Урал штурман не поверил своим проводникам и рискнул двигаться при сильном западном ветре,

однако тут же «должен был на опыте убедиться в справедливости предостережений»: ураганный ветер опрокинул несколько повозок и чуть не разворотил лодку, которая перевернулась под вихревым порывом раза четыре.

В Белужей губе Иванов наблюдал охоту береговых ненцев на белугу, которую ревом и стуком загоняли на мелкое место. В благодарность одному из охотников штурман подарил свою офицерскую шпагу. Кажется, в этих местах она была пригодна только для этого.

На реке Моржовка путешественники и сами «упромыслили моржа – самку со щенком».

Начинались северные сияния, пахло зимой. Иванов хотел дожидаться, пока замерзнет пролив, чтобы перебраться на остров Белый. Но оленеводы его отговорили: на острове не рос ягель. Ничего не оставалось делать, как, поставив рядом с малыгинским знаком свой крест, двигаться назад.

Зимовал штурман в уже упомянутой избе с окнами, обтянутыми налимьей кожей, и щелястым полом. Только вмешательство надворного советника Шаренберга, случившегося здесь наездом и весьма удивленного участием в экспедиции женщины, заставило обдорского заседателя отвести исследователю более сносное жилье.

В феврале подготовка к новому сезону была закончена. На этот раз выехали пораньше, уже 20 марта находились в пути.

Прежде, чем переправиться на южный берег острова Белого, пришлось основательно уговаривать оленеводов. Они ни в какую не хотели ехать на остров. В записках появилась не характерная для Иванова запись: «Я не знал, на что решиться». Проводники не выполнили приказания запасти мох на полуострове, чтобы работать на Белом, пока хватит корма. В конце концов были отобраны лучшие олени на восемь смен, и Рагозин самостоятельно, без проводников, переправился через пролив Малыгина. Он работал на острове, пока выдержали олени. Позднее на остров съездил и сам начальник экспедиции. Опись велась почти три недели. Олени падали от изнурения. Рагозин работал сутки напролет, возвращаясь, когда

спускалась короткая майская ночь. Проводники роптали – в тундре без оленей легко погибнуть. Иванов и сам видел, что оленям нужен отдых. 20 мая описи Белого был дан отбой. И сразу грянула трехдневная майская выюга, в это время вполне привычная в здешних местах.

Опись обского берега полуострова шла своим чередом, только ближе к югу пересеченная местность, берег, покрытый непроходимыми кустарниками, мешали чрезвычайно. Поэтому кое-где опись пришлось вести «скачками». В последний день сентября экспедиция подошла к устью Полуя.

На этот раз Иванову отвели светлую (со стеклами) квартиру.

Всю зиму Иван Никифорович занимался составлением карт по полученным данным. Его опись примечательна еще и тем, что завершается она не совсем обычно: этнографическими заметками, которые штурман делал на протяжении всего пути во время общения со своими проводниками – ханты и ненцами. Иванов обстоятельно (это качество было присуще ему особо) отметил самые характерные обычаи, промыслы, нравы, религиозные верования тундровиков. Но «Опись» была опубликована лишь спустя два десятилетия после экспедиции, и ивановские этнографические записки уже не могли получить того признания, которое они заслужили.

В апреле руководитель экспедиции получил распоряжение сворачивать работы и возвращаться в столицу.

21 мая Иванов был в Тобольске, а 28 июня – в Санкт-Петербурге. Скорости в то время мерялись не часами, а днями, неделями, месяцами, порой – годами.

Главный подвиг этого скромного человека – карты полуострова Ямал. «Собранные материалы по гидрографии северных берегов России, – свидетельствует компетентный морской историк Василий Пасецкий, – были использованы в первых советских лоциях».

Известно, что Иванов закончил службу в чине полковника Корпуса флотских штурманов. Но, конечно, память он заслужил не чином. Памятником ему стала географическая карта.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ТРАГЕДИЯ ВО ЛЬДАХ

Путешествие Павла Крузенштерна-младшего — одна из самых трагических страниц в истории освоения и изучения Карского моря. На его плавание большие надежды возлагал Сидоров. Корабли Крузенштерна должны были пройти за один сезон путь из Печорского моря в устье Енисея. Но шхуну «Ермак» ожидал трагический конец у западных берегов Ямала...

Первое сентября 1862 года было необычным. Именно в этот день по всей стране торжественно отмечался День Тысячелетия России. Трудно представить, чтобы кто-то из россиян встречал эту дату в более тяжелых условиях, чем экипаж «Ермака». Под убийственными порывами ветра матросы ставили на льдине палатку, вытаскивали из трюма провизию и дрова для того, чтобы сварить пищу и обогреться.

Чтобы поднять боевой дух команды, Крузенштерн торжественно объявил о Тысячелетии России. Матросам выдали двойную порцию водки, и прямо на льду для них сварили пунш. Веселые песни, раздававшиеся в этот вечер, казалось, противоречили критическому положению экипажа. А капитан вспоминал в эту ночь начало.

Экспедиция снаряжалась на частные пожертвования, главную часть средств вложил Сидоров. Были зафрахтованы стопятидесятитонной грузоподъемности шхуна «Ермак» и небольшой палубный бот «Эмбрио», построенный в Норвегии. Крузенштерн постарался набрать хорошую, слаженную команду, знающих специалистов. Штурманами у него были Вильгельм Матисен и выпускник Архангельского шкипер-

ского училища унтер-штурман Черноусов. Волонтером напросился в экспедицию барон Алексей Будберг. На «Ермаке» находились тринадцать матросов, вольнонаемный повар, два юнги – дети крестьян из Пустозерска, боцман Панкратов и редкий по тем временам на судне гость – фельдшер Лычев. Трюмы шхуны загрузили продовольствием на шестнадцать месяцев. Все это говорило об обстоятельности подготовки, о том, что лейтенант Крузенштерн готовился к долгому и трудному плаванию. Репутация Карского моря как «ледового мешка» заставляла быть основательным. Внук знаменитого адмирала готовился не только к борьбе с барьерами высоких широт, он намеревался пробить брешь в сформировавшемся общественном мнении о непроходимости Карского моря. Обе задачи по тем временам были невероятно трудны. Печора в том году вскрылась поздно, только первого августа лейтенант Крузенштерн приказал сниматься с якоря. Баренцево море сразу показало свой трудный нрав. Шестого августа на горизонте появились тяжелые темные тучи и грянула редкая в этих широтах сильнейшая гроза.

Уже у острова Варандея моряки увидели льды. Суда начали лавировать, чтобы пробиться к островному берегу, где хотели пополнить запасы пресной воды. На маневры во льдах ушло почти трое суток. Палубный бот приходилось время от времени брать на буксир, чтобы провести по деловому коридору. В густом льду буксир не помогал, и тогда экипаж «Эмбрио» или тянул свою яхту бурлацкой бечевой, или пробивался вперед с помощью шестов, или же весь экипаж – три матроса и боцман из мезенских поморов Михаил Рогочев – садился на весла. В Карском море Крузенштерн решил пробиваться через пролив Югорский Шар. Казалось, здесь судьба улыбнулась мореплавателям, они быстро миновали полосу воды, отделявшую Вайгач от материка, и встали на якорную стоянку уже у восточного берега острова. Промышленники на матером берегу, увидев шхуну, поднявшись для лучшего обзора на крышу своего промстана, приветственно махали малахаями. На острове стояли и ненецкие чумы, однако аборигены были более сдержанны в проявлении чувств.

В Карское море вошли ночью. Куда ни бросишь взгляд – везде виднелись льды, льды, льды, громоздившиеся, словно горы.

К утру моряки поняли, что полагаться на «порядочность» пролива преждевременно. Стала прибывать вода, скорость течения воды в Карское море достигла четырех узлов. Пролит, еще несколько часов назад почти чистый, моментально наполнился огромными глыбами. Мыс, под защитой которого стояли шхуна и бот, оказался весьма ненадежным. Крузенштерн оценил положение как «критическое». Нужно было немедленно сниматься с якоря, поднимать паруса. «Ермак» с трудом лавировал среди льдов, однако столкновения с ними так и не избежал. «Эмбрио» скрылся где-то за плавучими горами, мелькнула только мачта. Со шхуны никакой помощи оказать боту не могли. Казалось, это последняя встреча.

Удары льдин раздавались то с правого, то с левого бортов. Только третья листовничная обшивка шхуны позволила обойтись без крупных пробоин.

Следующий день был более благоприятным. Со шхуны увидели «Эмбрио».

Однако 16 августа густой туман разделил два судна, теперь уже надолго. Унтер-офицер Короткий две недели дождался «Ермака» у Югорского Шара. Матросы на оленях доехали до устья реки Кары, предупредили кочующих оленеводов, самодскому старшине наказано было помочь морякам. Продовольствия на боте оставалось немного, поэтому было решено возвращаться.

«Ермак» же попадал то в лед, то в штиль, то в туман. Капитан счел за благо завести якорь на большую льдину и следовать за ней, словно на буксире. 18 августа судно оказалось в Карском море. Порой прояснялось, и капитан торопился сделать обсервацию, определиться по карте. Но прояснения были слишком коротки, почти мгновенно они сменялись туманом или шквалом.

Наступление льдов продолжалось и на следующий день.

Шхуну накренило влево так, что стоять на палубе стало трудно. По приказу капитана матросы начали выносить с судна бочки с солониной и маслом. На льдины были вытащены и гребные суда. Море словно играло с моряками. В самый разгар разгрузки пошел дождь и напирющее движение льдов прекратилось. После ночной выюги наступило ясное утро. Но погода продержалась недолго, упал туман, повалил снег. Команда получила приказ Крузенштерна быть готовой к авральной выгрузке на лед. Каждая минута грозила обернуться последней. Впрочем, хотя последующие несколько дней погода и была наисквернейшей, но напор льдов ослаб. Осмотр шхуны показал: правый борт продавлен льдами, от течи спасало лишь то, что «Ермак» почти лежал на левом борту. В следующий же вечер трехсаженная льдина, как нарочно, зашла под киль шхуны и перевернула ее на правый борт. У всех на судне были собраны котомки. Временами шхуна так трещала, что кто-нибудь спросонья хватал собранное и бросался к борту.

Двадцативосьмилетний капитан же показывал пример невозмутимости. При самой малейшей возможности он доставал приборы и занимался наблюдениями. Павел Крузенштерн был внуком знаменитого кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича и сыном полярного исследователя Павла Ивановича. Моряцкая кровь, выдержанная тремя поколениями, давала о себе знать.

«Ермак» беспомощно дрейфовал в Байдарацком заливе.

Наступила календарная осень. Второго сентября моряки убедились в ненадежности ледового убежища. Льдина, на которой стояла палатка, треснула пополам. Это заставило Крузенштерна серьезно задуматься о дальнейшей судьбе экспедиции. Если раньше он еще имел надежду, что может провести зимовку на льдине, то теперь вынужден был отказаться от этой иллюзии. Море крошило льды, шестисаженым полям хватало одного не особо сильного шторма.

Можно ли было полагаться на ледовое убежище, если штормы последуют один за другим? Капитан решил, что надо

исподволь готовиться к оставлению «Ермака».

На следующий день напором льдов палубу судна превратило в горб, по которому и ходить-то смог бы лишь акробат. Трещали борта, перегнулись мачты. С рассветом Крузенштерн приказал начать разгрузку шхуны.

Кораблю оставалось жить всего несколько дней.

Крузенштерн решил, что будет лучше, если все придут к единому мнению, и назначил совет, в который вошли и выборные из матросов. Штурман Матисен, подштурман Червоусов, боцман Панкратов, матросы Попов, Резанов и Молчанов единодушно решили, что оставаться на судне чрезвычайно опасно: топлива хватало всего на четыре месяца, через некоторое время пришлось бы пустить на дрова шхуну и остаться без корабля. В любом случае следовало выбираться на материк, к жилью, к людям. Крузенштерн надеялся, встретив на берегу оленных ненцев, позднее вернуться обратно и попытаться спасти корабль.

В заранее подготовленные лодки сгрузили все необходимое, в отдельных ящиках находились инструменты, книги, карты. Все оделись по возможности теплее, ранец каждого весил не менее двух пудов.

Девятого сентября повар работал всю ночь. Не жалея припасов, он готовил прощальный завтрак. В четыре часа ночи все уже были на ногах. Трапеза получилась не особо веселой. Экипаж прощался с «Ермаком». На столе в капитанской каюте Крузенштерн оставил запись, где сообщал координаты шхуны, положение перед уходом, перечислял членов экипажа и указывал, куда отряд держит путь. Он еще не верил, что «Ермак» бесследно исчезнет во льдах океана...

Позади оставался силуэт побитого, растерзанного «Ермака», впереди, кроме торосов, ничего не было видно. Казалось, что главные трудности позади. Но только казалось...

С компасом впереди шел Павел Крузенштерн. Остерегаясь встречи с «хозяевами льдов», захватили с собой четыре винтовки, три револьвера, два пистолета, двустволку, порох, пули, дробь. Но многое, казавшееся необходимым, пришлось

все-таки бросить. Капитана не покидала надежда, что он еще вернется к своей шхуне.

К полудню мачты «Ермака» уже нельзя было увидеть даже в подзорную трубу. Остановившись на отдых, обнаружили, что пропал кузнечный мастер Ситников. С боцманом Панкратовым Крузенштерн отправился на поиски пропавшего. Через три версты они обнаружили пьяного кузнеца. Тот переусердствовал, когда пили ром на дорогу, и сейчас не мог подняться. Приведенный в чувство, кузнец плакал и повторял:

— Ваше благородие, оставьте меня, мне суждено умереть здесь.

Капитан рискнул снять с пьяницы ненешкую шубу — малицу, полагая, что холод быстро проймает Ситникова, вышибет ром, и кузнец догонит караван по следам товарищей. Надежда на это была мала, но тащить тяжеленного молотобойца по

торосам вряд ли бы у кого нашлись силы. Ситников сам поставил себя вне экипажа.

Не прошло и часа, как шагнувшего впереди командира остановил истошный крик. Тонул матрос Григорий Вишняков, с тяжелой ношей попавший в озеро пресной воды. Только расторопность матроса Резанова, который вмиг сбросил ранец, скатку и малицу и успел протянуть тонущему пику, спасла Вишнякову жизнь. Сухим бельем и одеждой с ним поделился каждый.

Следующее утро принесло неожиданную радость. Завтрак был прерван чьим-то возгласом:

— Ситников!

Действительно, холод хорошо «похмелил» кузнеца и он сумел нагнать товарищей.

Встретившуюся длинную полынью решили не переходить, это бы отняло слишком много времени, а с помощью троса устроили паром из небольшой льдины. Она могла поднимать двух человек и сделала одиннадцать рейсов. Все настолько устали от изнуряющей ходьбы, что бросали не только полушубки, сапоги и рубашки, но даже курительные трубки и сухари.

Штурман Матисен почувствовал сильные боли в груди, тошноту. Ослабел и фельдшер Лычев.

Приближавшийся берег давал о себе знать — разводье появлялось все больше, и все чаще приходилось прибегать к помощи импровизированных паромов. Крузенштерн решительно вел людей на восток. Там, на твердой земле, можно было рассчитывать на спасение. Утром одиннадцатого, выбравшись из лужи, которая всегда образовывалась под утро от теплого тела, лейтенант поднес к глазам подзорную трубу и увидел вдалеке темную полосу.

Его радостный возглас: «Берег!» словно придал людям новые силы. Они всматривались в белую даль и, кажется, видели желанный берег без бинокля. Теперь каждый старался сменить капитана на его трудному посту первопрокладывателя дороги. Никто в эти мгновения не верил, что самое трудное

еще не минуло. Впереди виделось большое пространство мелкобитого льда. Некоторые льдины были столь мелки, что ступать на них во всю опору было опасно, можно только касаться. Капитан и здесь пошел первым, ловко орудуя пикой, перебрасывая тело с одной льдины на другую. За ним последовали другие. Никто не обернулся, когда ледяное крошево оказалось позади: страшно переживать все заново. А впереди снова дымилось черное разводье. Как обычно, решили воспользоваться природным паромом. Быстро подыскали подходящую льдину и начали перебираться на противоположный берег полыньи. Когда достигли середины, перед плавучим островом неожиданно появилось шесть клыкастых морд – моржи. Они безбоязненно плыли к льдине, явно намереваясь устроиться рядом с людьми. Крузенштерн ударил палкой вожака, вылезавшего из воды, но тот словно не почувствовал удара. Остальные звери, следуя за ведущим, могли потопить ненадежную льдину. Капитану хватило хладнокровия и в этот момент: выхватив винтовку, он почти в упор всадил пулю вожаку в лоб. Моржи скрылись, а паром продолжал путь.

До берега оставалось версты четыре, не более. Спасение было близко. Но казалось, что природа поклялась не пропустить моряков к спасительному берегу.

Уже виднелась полоса сплошного берегового припая, когда капитан определил, что невесть откуда взявшееся течение несет их льдину от берега. Скоро земля исчезла из виду, а опущенный лот показал резкое увеличение глубины. Подкапывался шторм, порывы ветра были шквальными, от мороза задубела промокшая одежда. Льдину раскачивало, в любой момент она могла расколоться. Смерть в тот момент, когда все уверовали в спасение, была особенно страшна. Льдина все же раскололась. Четверо оставшихся на маленьком обломке смогли перепрыгнуть к остальным только в самый последний момент.

Дремали на качающейся льдине, прижавшись друг к другу. Всех спасали только малицы из оленьего меха, без них люди давно бы окоченели от холода и сырости. На следующий ве-

чер, гулко ухнув, ледяное прибежище раскололось пополам. Крупная волна свободно прокатывалась по куску льда, на котором сгрудились два десятка озябших, продрогших людей. Штурман Матисен, который уже с трудом дышал, передавал капитану свои последние желания.

Крузенштерн рассказывал матросам о случаях, когда мореходы спасались и при более сложных ситуациях, но он и сам видел, как в глазах моряков гасли искры последней надежды. Повалил мокрый снег, и сушиться уже не представлялось никакой возможности. Порыв северного ветра мог превратить эту группу людей в ледяную скульптуру. Но, когда уже все смирились со своей участью, начало проясняться и брошенный капитаном лот показал, что льдину повернуло к берегу. К вечеру моряки умудрились перебраться на громадную ледяную гору, которая подмяла под себя их недавнее прибежище.

«Закат солнца был великолепный», – отметил в своем журнале Павел Крузенштерн. Запись эта свидетельствовала и о подъеме духа. Шансы на спасение вновь становились реальны. Но, как уже не раз случалось во время этого трагического дрейфа, льды снова понесло на запад от берега. Усталые люди сооружали себе, чтобы как-то укрыться от шквального ветра, ледяные домики и невесело шутили, что это хорошие гробницы.

Радостей и на следующий день выпало немного. С утра пошел мокрый снег, превратившийся в дождь, вымочивший всех до последней нитки. Вольнонаемный повар Павел Ларионов попался на воровстве: сэкономил свои сухари и лазил по чужим ранцам. Его осудили, но многие столь пали духом, что безразлично смотрели на это.

Наступило воскресенье – шестнадцатое сентября. Командир, хотя надежды покидали уже и этого мужественного человека, все же отдал решительный приказ двигаться на восток. Шли под дождем, проваливаясь в озера на льдинах и попадая в разводья. Люди падали на ровных местах. Крузенштерн решил дать морякам получасовой отдых, велел съесть двойную порцию сухарей.

«Последняя верста была необыкновенно тяжела для нас. – Я привожу цитату из записок Павла Крузенштерна, которые он опубликовал через год в «Морском сборнике». – Около двух часов я сам был до того уставшим, что помогала только сила воли, с величайшим трудом тащился я вперед, грудь и плечи болели донельзя. Берег не дался нам без упорного боя, я не знаю – попали бы мы вообще на него без матроса Попова? Он шел передовым последнее время, и я любовался его неустрашимостью и находчивостью в преодолении всякого рода препятствий – все остальные довольно равнодушно смотрели на берег, как и на лед, и у каждого из них было одно желание: лечь и отдохнуть. Наконец в семь часов осталось не более 50 сажен до берега, но здесь мы уже не находили средств переплыть! Остаться мокрыми на льду – значит, замерзнуть, поэтому я приказал каждому, кто как знает и может, идти на берег, держаться по возможности двум или трем людям вместе и друг друга вытаскивать из воды, если бы кто-нибудь провалился. Боцман Панкратов с двумя человеками первые достигли берега и громкое «ура» их разнеслось в темноте, повторенное отголоском с горы. В восемь часов наконец мы все соединились на высоком холме, мокрые до нитки, потому что все падали в воду, некоторые по шею. Хотя мы были голодны, холодны и мокры, и дров никаких не нашли, но мысль, что мы наконец на берегу и что теперь уж не унесет в море, нас согревала!»

Но впереди ведь лежала большая, малолюдная, холодная, труднопроходимая тундра. Однако звезда удачи, которая, казалось, уже давно забыла об экипаже шхуны «Ермак», на этот раз неожиданно улыбнулась отважным морякам. Наутро они увидели стойбище крупного оленевода Сэротетто.

Мы вправе задать себе вопрос: что дала науке эта экспедиция? Нет сомнения в том, что противники освоения Северного морского пути воспользовались неудачей, ведь плавание еще раз подтверждало их теорию о непроходимости Карского моря. Да, это так. Но плавание продемонстрировало и неустрашимость наших моряков, их отвагу, решимость, стойкость. А ведь кое-кто из русских морских чиновников считал, что на арктические плаванья способны только англичане да норвежцы.

Нужно отдать должное и руководителю экспедиции – лейтенанту Павлу Крузенштерну. Читателя его записок-рапорта «Об экспедиции к устью реки Енисея, предпринятой в 1862 году», пожалуй, удивит то, что в описание самых сложных и опасных ситуаций, которых было предостаточно во время этого плавания, он непременно вставляет результаты своих астрономических наблюдений. Промеры глубин и пробы грунтов брались даже тогда, когда многие мысленно уже прощались с жизнью. Дрейф «Ермака» можно смело назвать первым научным исследованием Байдарацкого залива и прибрежных вод западного берега Ямала.

Плавание «Ермака» – не только трагическая, но и одна из самых славных страниц в истории отечественных арктических мореплаваний. Павел же Крузенштерн умрет через несколько лет совсем молодым.

ЗОЛОТАЯ ЗАПОНКА ЖЮЛЬЕТТЫ ЖАН

Газета «Комсомольская правда» регулярно освещала ход научно-спортивной полярной экспедиции, снаряженной по ее инициативе.

Что же привлекло в Карском море молодых энтузиастов? Они ищут следы парусно-моторного судна «Геркулес», следы его пропавшего без вести экипажа. Между четырьмя группами распределены участки Карского моря, ведутся поиски там, где, по мнению участников, удача наиболее вероятна.

О трагедии «Геркулеса» и его отважного командира – географа, этнографа, экономиста, полярного исследователя Владимира Александровича Русанова, написано немало. Привлекают внимание его яркая судьба, трагический эпилог.

Участник социал-демократических кружков, он был сослан царским самодержавием на Север. В 1903 году Русанов совершил свое первое путешествие по Баренцеву морю и с тех пор неизлечимо «заболел» Севером.

Уже в следующем году он выступает с проектом, который опережает мысли многих видных исследователей Арктики: предлагает создать сеть гидрометеорологических станций по всему северному побережью России, чтобы обеспечить бесперебойное плавание судов по Северному морскому пути.

В эти годы отважным путешественником завладела мысль

о сквозном проходе Северным морским путем от Баренцева моря до Берингова пролива. Но неопытному новичку в Арктике делать нечего. Поэтому Русанов принимает участие как геолог в нескольких экспедициях на Новую Землю. Достигает очень значительных успехов, пересекает эти острова, что раньше не удавалось сделать ни одному из исследователей. В 1910 году на моторном паруснике «Дмитрий Солунский» он достиг самой северной оконечности Новой Земли – мыса Желания. За эти исследования Французская академия удостоивает его высших ученых наград – «академических пальм». Международный авторитет побуждает русское правительство поручить Владимиру Александровичу руководство экспедицией на Шпицберген, чтобы, обследовав угольные месторождения этого северного архипелага, установить российские заявочные столбы. Для экспедиции Русанов закупает судно «Геркулес» норвежской постройки. Но Шпицберген Русанов выбирает лишь базой для дальнейшего путешествия северо-восточным проходом. Своими планами он поделился только с самыми близкими, не ставя в известность организаторов экспедиции. Геолог Р. Самойлович и зоолог З. Сватос со Шпицбергена возвращаются в Россию, а экипаж «Геркулеса» продолжает плавание на восток. Он невелик, этот экипаж. Кроме

Русанова и восьми человек команды в него входят капитан, океанограф А. Кучин, прославившийся тем, что несколько лет назад доставил в Антарктиду экспедицию Руала Амундсена, покорившую Южный полюс, и Жюльетта Жан — студентка Сорбоннского университета в Париже, врач и невеста Владимира Александровича, бывшая с ним до конца.

Последнее известие об экспедиции датировано 18 августа 1912 года. На фактории Маточкин Шар, где жили ненцы, Русанов оставил записку, адресованную для передачи в Петербург.

«Иду к северо-восточной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год, все здоровы. Русанов».

Он все учел, даже продовольствие на год.

На этом след теряется. Безусловно, отважный исследователь и его самоотверженные спутники погибли. Но когда, где? Уважение к памяти этого выдающегося ученого и общественного деятеля требует, чтобы разгадка полярной трагедии

была найдена.

Сразу после исчезновения «Геркулеса» в 1914 году Гидрографическое управление снарядило поисковую экспедицию, и хотя возглавлял ее опытный моряк-полярник Отто Свердруп, тяжелые ледовые условия не дали возможности его судну «Эклипс» провести широкие обследования в месте предполагаемой гибели.

Современники Русанова были настроены пессимистически. Можно воспроизвести мнение редактора «Записок по гидрографии» С.А. Советова, который, явно выражая точку зрения специалистов Главного гидрографического управления, с плохо скрытым раздражением писал: «Полярные плавания требуют особенно тщательной организации, крепких, надежных судов, специально приспособленных для борьбы со льдами и отлично снабженных всем на несколько лет плавания; скороспелые и малообдуманные экспедиции, каковыми были несомненно экспедиции... геолога Русанова, имеют мало шансов на успех».

Точка зрения «сами виноваты» господствовала некоторое время. Потом стало не до потерянных экспедиций.

Лишь в 1934 году советские гидрографы на моторно-парусном боте «Сталинец» обнаружили на острове Вейсэль у берега Харитона Лаптева столб из плавника с вырезанной надписью «Геркулес» 1913 год». Чуть позже неподалеку от шхер Минина были обнаружены вещи участников русановской экспедиции: мореходная книжка матроса Чукчина, серебряные часы матроса Попова, горная буссоль, патроны, фотоаппарат, золотая запонка Жюльетты. Берег Харитона Лаптева — это крайняя восточная часть Карского моря, шхеры же Минина находятся недалеко от Гыданского полуострова. Не говорят ли эти находки, что экипаж «Геркулеса», уже потерпевшего крушение, двигался на восток Таймырского полуострова? Экспедиция «Комсомольской правды» ведет поиск как раз в этом районе.

Несколько другой точки зрения придерживается известный морской историк, профессор Михаил Иванович Белов, кото-

рый тоже принимает деятельное участие в разгадке этой полярной тайны. Он рассказывал мне, что следы пропавшей экспедиции необходимо искать и на севере полуострова Ямал. Для подтверждения этого довольно рискованного мнения Белов приводит несколько интересных данных. Еще в 1919 году Карская белогвардейская экспедиция под командованием капитана Мессера обнаружила на переходе от острова Белого до Югорского Шара опрокинувшееся норвежское судно. Так как было известно, что никакие другие норвежские куттера не терпели бедствия в этом районе, моряки предположили, что это судно Русанова. Однако ледокол не смог доставить судно в какой-нибудь порт.

Ледовый патруль Карского моря уже совсем недавно видел в бухте Преображения останки какого-то судна, но из-за шторма не смог подойти к топкому берегу.

Нужно вспомнить мнение Л. Брейтфуса, возглавлявшего в десятых годах нашего века гидрометеорологическую часть Главного гидрографического управления. Этот статский советник, большой авторитет в тогдашних полярных предприятиях, проанализировав погодную обстановку в Баренцевом море в 1912 году, сделал предположение, что «Геркулес» не смог пробиться в Карском море: год был исключительным по ледовитости. В то же время в Баренцевом море бушевали штормы, достаточно мощные для «Геркулеса». Вывод Брейтфуса был таков: судно Русанова потерпело крушение в Баренцевом море на подступах к Новой Земле.

Однако находки на островах Мона слишком убедительное доказательство того, что русановская экспедиция пробралась к восточной окраине Карского моря.

Почему же она повернула назад, к Ямалу? Нам сейчас трудно ответить на этот вопрос, но в тех сложных и трагических обстоятельствах Русанов и Кучин могли принять самое непонятное сейчас для нас решение, которое для них тогда казалось единственно верным и спасительным.

Можно также предположить, что экипаж «Геркулеса» выбрался из ледового плена не одной, а двумя или даже не-

сколькими группами и найденные предметы экспедиции в разных и довольно отдаленных частях Карского моря принадлежат именно разным группам, ни одной из которых не удалось избежать смертельных объятий жестокой Арктики.

Молодые энтузиасты из научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды» преследуют благородные цели, пытаясь разгадать одну из самых таинственных полярных трагедий, восстановить сюжет подвига отважного геолога и его спутников.

Пока же золотая запонка Жюльетты — молчаливый, ничего не сказавший свидетель разыгравшейся на безмолвных просторах Арктики драмы.

**СИБИРСКАЯ
ПЛАТФОРМА**

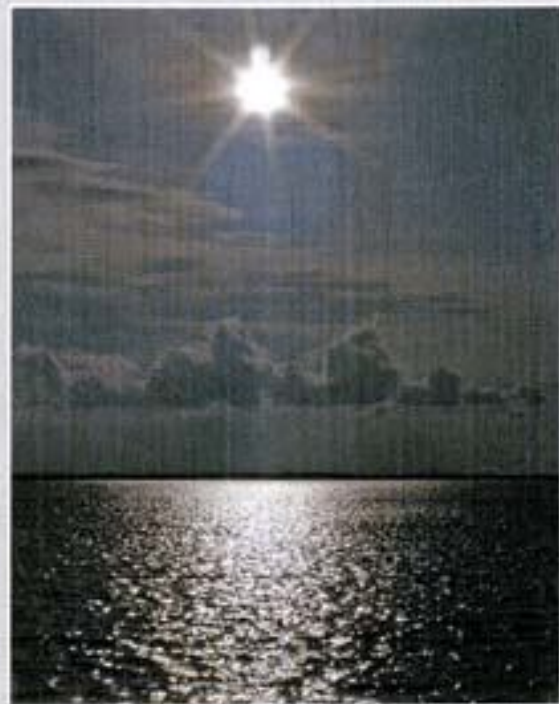
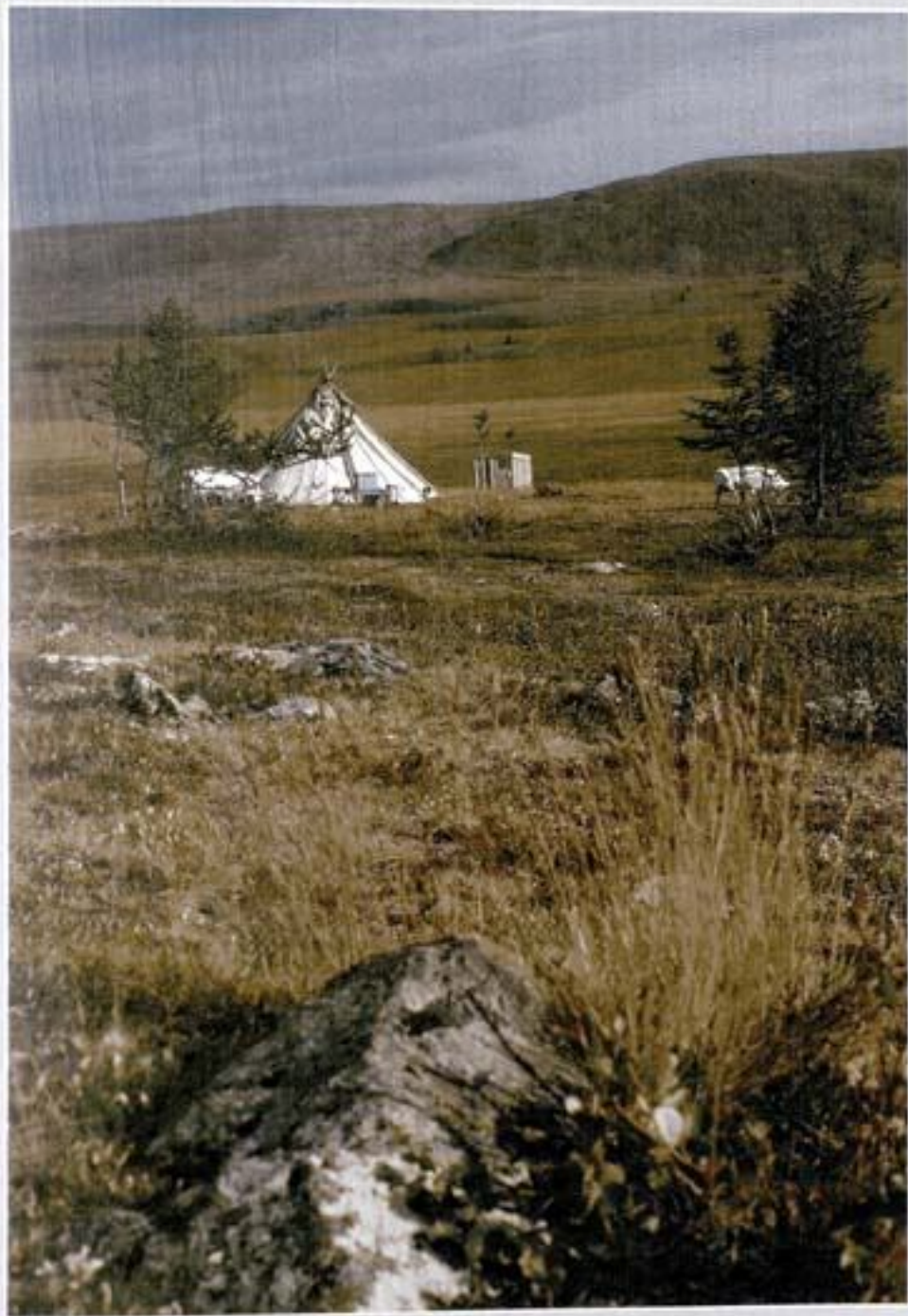
Большая земля

Сергей ЛЫКАСОВ
Фёдор КОВТУН

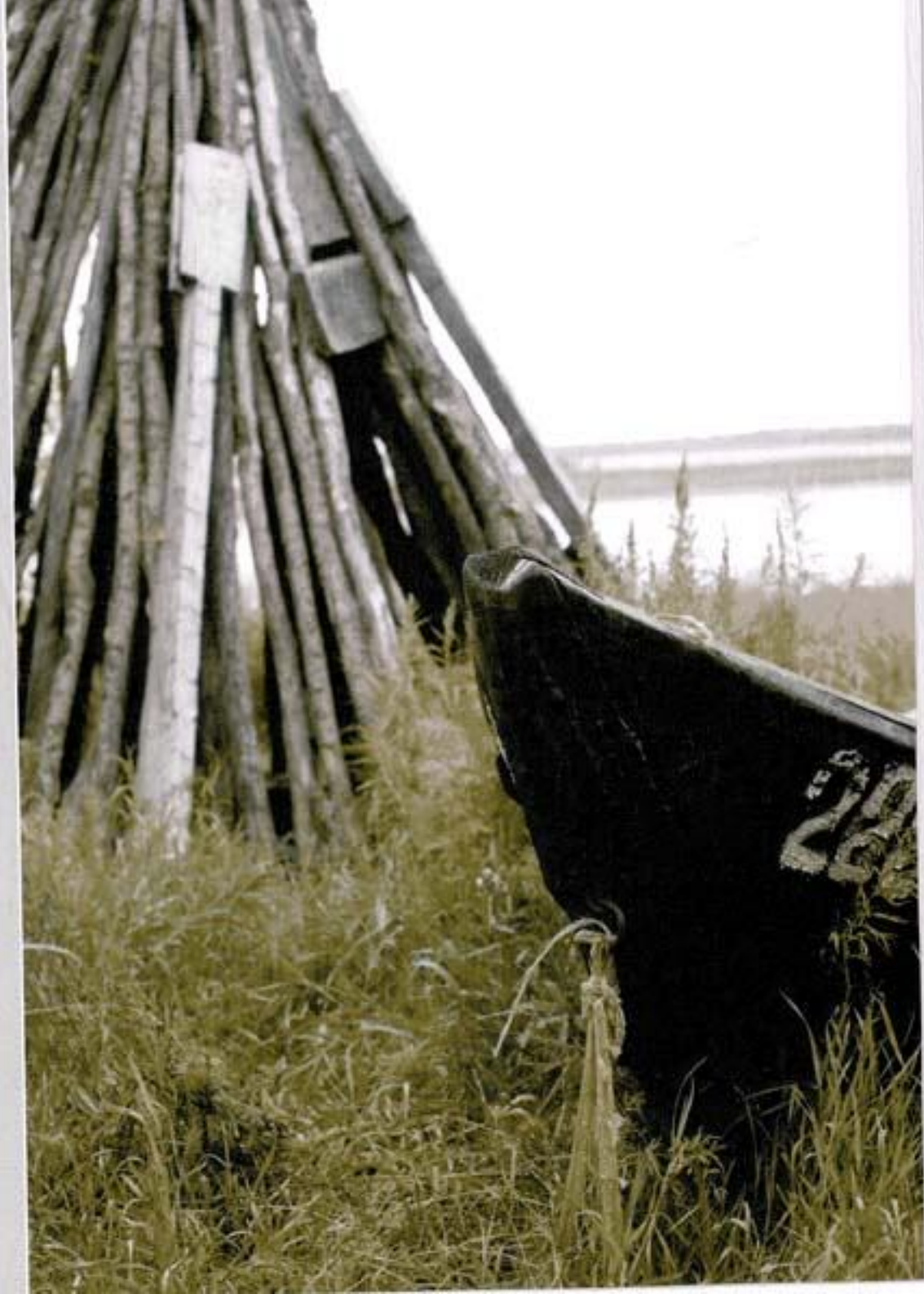
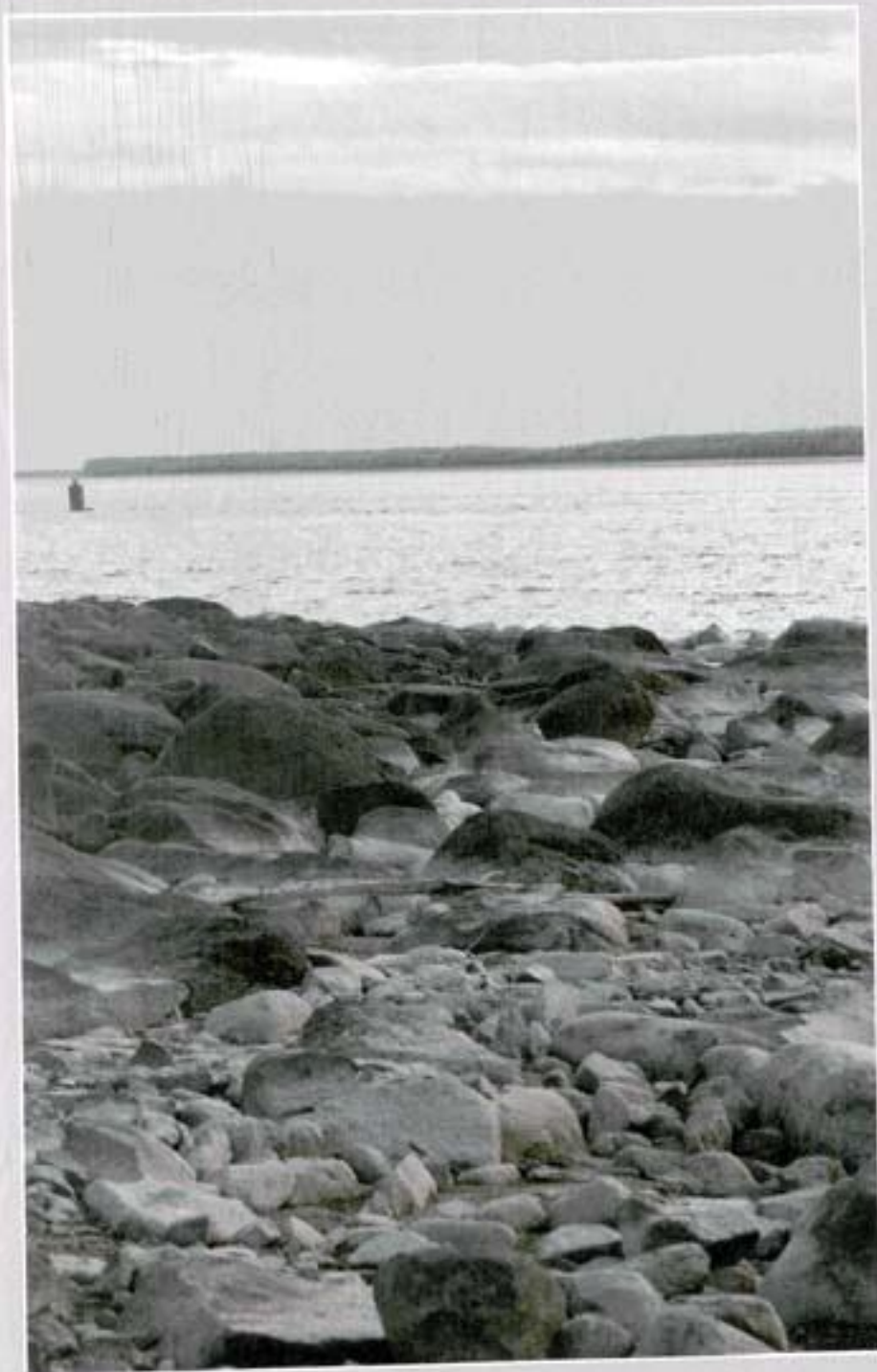

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

СОЛЕННЫЙ ЯМАЛ

Режим ожидания
сценарийВедущий:

— Он, действительно, по-настоящему соленый, полуостров Ямал. Как студеное Карское море, омывающее его берега. Он сам — недавнее море. Кому посчастливилось строить здесь — знает: настоящая соленая земля. Наверняка, солон пот тех, кто приходит осваивать эту соленую землю.

Крылов: Мы приехали с Украины комсомольским отрядом. На ж/д вокзале в Лабытнангах митинг. Привезли сюда на Обскую, уже строили четыре общежития, строительство третьего заканчивалось, а два уже введены. Нас расселили. Когда ехали — предполагали, что жить будем в палатках. Еще снег лежал по откосам железнодорожного полотна. Нас прекрасно приняли — командир на всю жизнь Нак Владимир Григорьевич и его зам. Востоков Валерий Николаевич, они как положено встречали.

Омельчук: Трансстроевцем стал нечаянно?

Крылов: Негаданно. Ехали сюда, согласны были на любую работу. В шахте у себя я работал проходчиком горизонтальных наклонных выработок.

Омельчук: К 93-му году комсомольский энтузиазм закончился?

Крылов: Да почему он прошел? Комсомольцы вкусили северной работы. Все повысили свою квалификацию, не только гвозди забивать. Некоторые начальниками участка работают, закончили институты.

Омельчук: Работа зверская?

Крылов: У монтера работа сложная. Себе сам порой не позавидуешь. Но привыкли. Хорошие законные деньги. Есть поводы порадоваться.

Омельчук: Есть внутреннее ощущение – обязательно дойду до Бованенково?

Крылов: Почему бы нет? Особенно запомнились 208-й и 209-й километры трассы. Зима, мы зимой по пониженному профилю укладывали решетку, надо возить скалу в «голову». Трудные километры: пурга, мороз. Руководство подтвердит. Где-то дня за три-четыре положили. Сразу «вертушка» пошла. Это ж какой год? Самый трудный.

Омельчук: Полуостров Ямал – тяжеловат?

Крылов: Если нормально к нему относиться – и он к тебе нормально. Мне нравится.

Ведущий:

– Они пришли на Ямал – и бывалые бамовцы, и необстрелянные комсомольцы из донецких шахт, чтобы проложить невиданную магистраль – так глубоко в Заполярье, на таких непрочных ненадежных грунтах, на этой жидкой морской земле железнодорожных трасс на планете Земля не строил никто. Но других вариантов взять подземные богатства Ямала не имелось, и родина, советская страна, в 1985 году – в первый год перестройки – решила и приказала: надо строить железнодорожную трассу. Небывалую. Но надо.

Наши смогут.

Ровно 20 лет назад появился Ямалтрансстрой.

Они многое смогли.

Но...

Посмотрите старые кадры телехроники десятилетней давности.

Нет, не перечеркнутые жизни... Они – последние романтики работающего пролетариата, последние романтики Союза. Первые романтики России.

Омельчук: Бригадир Евгений Северин верит, что железная дойдет до конечного адресата?

Северин: Препятствий много. Я вообще удивляюсь на эту стройку, многое впервые вижу. Ребенку понятно, чем быстрее вложенный рубль дает отдачу, тем лучше. А мы тут то шатко, то неважно. Сначала дадут деньги, потом закроют. То работаем, то стоим. Дорога, знаем, нужна. Даже местные ненцы, оленеводы, ханты – приезжают за дровами, уже радуются: дорога есть.

Омельчук: Леонид Зыков верит в то, что дорога к газовым месторождениям Ямала нужна государству?

Зыков: Я здесь не первый год, она стране нужна как воздух. Дорога имеет конечной своей целью именно Харасавэй. Очень богатое месторождение. Ну и попутно до Бованенково.

Ведущий:

– Первая проблема – когда все только начиналось – началось: не угробить заполярную тундру. Обязательно: сохранить местный уникальный уклад жизни. Ямалтрансстрой эту – не строительную: духовно-нравственную задачу решал основательно.

Бабин: Я, наверное, первый испытал все страхи. Дорожники пришли, не зная наших обычаев, традиций. Не разбирались даже в оленях. Думали, как на Байкале – но там дикарь, а здесь олень ведь домашний. Дикого вообще не встретишь. Поперву могли отстрелять оленя, на вездеходной технике ездить куда доведет. А если раз по тундре проехал – о ягеле забудь, затоптал навек. Нас сразу насторожило. Но строители сами напросились на разговоры, мы раскрыли им глаза на нашу жизнь, на наши обычаи и традиции, как положено себя вести. Немножко улеглось. Сейчас железная дорога легла, рядом с дорогой моя бригада выпасает свое стадо. Сильно большого ущерба трасса не нанесла. Тундровики «железки» не боятся. Смирились.

Омельчук: Я нахожусь на 206-ом километре трассы железной дороги Лабытнанги-Обская-Бованенково, это территория Ямальского района. Вон там, на юге, безымянная речка и граница с Приуральским районом. Сегодня это конечная точка дороги. Голова укладки. Здесь она притормозилась. Эти шпалы и рельсы дожидаются своего часа. Мертвый сезон. Он затянулся. Но этих рельс хватит до Бованенково. В общем-то не так много осталось. Сколько? Километров 250. Ровно половина.

Ведущий:

– Владимир Григорьевич Нак – легенда Ямала.

Это он привел сюда своих бывалых соратников, он взял на себя решение дерзкой трудно-выполнимой задачи по временам. Двадцать лет ямальского пути – 20 лет жизни.

Судьба.

Нак: Железная дорога – это ж не самоцель. Когда будет принято окончательное решение, что газ – в конкретный период – должен пойти с Ямала, тогда мы и забудем серебряный костыль. Газовикам ничего не останется делать, как обеспечить необходимое финансирование. Мы не зря сохраняли свою базу. Мы ее держим, несмотря на все сложности, люди терпят, потому что все понимают – впереди работа, газ Ямала нужен. Это же баланс России. Жалко, понятно, что время уходит. Годы. Один, второй, уже третий. Сегодня Газпром может обходиться без газа с полуострова. Самое главное: совершенно особые условия строительства – норм и правил для стройки не существует. Нет практики отечественной. В мировой практике нет аналогов. Параллельно, ведя строительство, мы работали вместе с наукой: проектировщики на базе этой стройки разрабатывают нормы. Про паникеров и дезертиров я бы не стал говорить. Сопротивление этой стройке было со стороны экологов, со стороны аборигенов. Но это временно, люди поняли, что вреда дорога не приносит, только пользу. За время режима ожидания поредели мы здорово, сами видите. Два драматических вопроса. Первое – сохранение костяка и базы стройки. Это огромные затраты, если опять с нуля начинать стройку. Второй вопрос – железная дорога требует эксплуатации. Если ее прекратить – через два года ничего не останется. Сложное удовольствие. Ради этого мы держимся. Были задержки финансирования, задолженность по зарплате доходила до года. Год нормально людям платить не могли. Крутились, как могли. Но люди понимали, во имя чего они приехали. Ради чего? Плнуть? Это неправильно. Мы ж совершенно не ради этого сохраняли и себя, коллектив и стройку. Хочу повторить. Я мог бы пойти по пути многих крупных организаций. Ликвидировать Ямалтрансстрой, создать какое-нибудь ООО и заниматься где-нибудь капитальным ремонтом. Можно было. Жили бы не хуже, а может, даже лучше, чем сейчас. Но мы поставили другую задачу. Мы должны построить именно эту дорогу. Много сложного. Мы вышли фактически в голое поле, Обская – это же поле, один домик и станционное здание. Больше ничего. Мы создали жилой массив. Пред. Тюменского облисполкома Чернухин приехал, был поражен, кроме жилья и общежитий уже стояли и столовая, и школа, и детский сад, и клуб, и магазины. Плюс инженерия, сети, мы построили очистные сооружения. Лабытнанги лет 25 уже строят современные очистные, а мы – за год. Поселок развивался, производственная база, приличная капитальная база. Построили цех очень эффективного утеплителя из расплавленного гранита, тончайшая нить является экологически чистой. Сегодня Игорь Владимирович Нак – генеральный директор Ямалтрансстроя, командует стройкой. Он пришел сюда прямо из института, прошел весь путь, все этапы, начинал монтером пути, тянул трассу на Когалым. Пользуется авторитетом. А не потому, что я его отец. Он профессионал. Энергичный и преданный этой дороге. Понимаете?

Ведущий:

– Дорога – всегда испытание.

Здесь, на этой трассе, испытывает не только Полярный Ямал, пожалуй, экзаменует само время. Два века сразу.

Самое трудное время России.

Ямальская трасса показала, что в стране остался несокрушимый рабочий класс, неистовые работяги — куда там хваленной наполеоновской гвардии! Она под Москвой пропала, а тут честное Заполярье.

Народ — главный капитал страны. Рабочий народ. Последнее время могло поколебать в него веру. Но здесь — не поколебало. В Ямалтранстрое это осознаешь особенно. Да и сам Ямалтранстрой — с его мощным опытом — уникальный капитал России.

Только как бы Россия — по своей привычной легкомысленности — об этом не забыла.

Моргачев: Меня занесло на эту стройку бамовским ветром. Закончили БАМ, я поехал по вызову. Здесь начинал с нуля. С первого звена. Помните, пытались в 86-м перед Новым годом. С первой попытки не получилось — зимой на нуле первое звено ложили.

Омельчук: Запомнились все километры — 268?

Моргачев: Зимой — морозы, пурга, поломки. Летом — мошка. Мелкая, но беспощадная. Не сладко. Каждый километр запомнился. Вечная жижа, вечная мерзлота, летом полотно оттаивает, проседает, чиним, чтобы ходили поезда.

Омельчук: Настроение давно стало портиться?

Моргачев: Жизнь тяжелая. Цены дорожают? Дорожают. Денег уже не очень много получаем. Существоем.

Омельчук: Какие заработки?

Моргачев: У всех по-разному. У меня выходит 15 тысяч.

Омельчук: На 15 тысяч в Лабытнангах можно прожить?

Моргачев: Трудно. Сами видели, какие продукты. Это ж не одному, плюс семья. Сын — третий курс в Москве. Учится на компьютерные технологии. Сказал: сюда не приеду.

Омельчук: Иван Петрович, настроение первых лет — сделаем, прорвемся и быстро?

Моргачев: Тогда действовала другая система. Страна приказала — надо! Комсомол, допустим, ответил — есть. В старые времена как было? Сейчас каждый варится в своем котле.

Омельчук: Но прорвемся на Бованенково?

Моргачев: Я бы как сказал? Мы-то прорвемся, но все зависит от финансирования. Нет его — соответственно, нет материалов. Лично я, по-моему, до Бованенково уже не дойду.

Омельчук: Но будет дан приказ?

Моргачев: За три года? Нет!

Омельчук: Холостяком приехал?

Пляшечников: Я ее сюда привез. Она никогда не жаловалась. На этой стройке только крепкие мужики и крепкие женщины.

Омельчук: Что за 20 лет настроил?

Пляшечников: 268 километров. Все мои. Все прошел. На каждом километре литр пота.

Омельчук: Ведро пота — ведро водки?

Пляшечников: (Смех) Здесь даже когда дожди льют – сухо. Вначале интереснее было. Лозунги были. Обещали. Сейчас не обещают ничего.

Омельчук: Русский мужик, он терпеливый?

Пляшечников: А куда деваться? Добьем.

Ведущий:

– Чтобы развиваться – надо строить дороги. Для такой территории, как Ямал – особенно важно. На Ямале дорог прокладывают немало. И авто, и железных, и воздушных. Но не без проблем. На Ямале все проблемы – всегда в квадрате. Заполярье.

Омельчук: Сергей Николаевич, когда решили строить железную дорогу по Ямалу до Харасавзя в каком лагере числился?

Харючи: В оппонентах. Сомнения в безупречности железной дороги – терзали точно. Она пересекает основные маршруты кочевий оленьих стад. В чем сомнения? – согласятся ли проектировщики делать переходы на маршрутах, непрерывные рельсы – серьезное препятствие для оленеводов. Провели облет оленеводческих стад, встретились с коллективами тундровых пастухов – проектировщики, промышленники, строители приезжали, рассказывали, объясняли. На полуострове Ямал, насколько помню, 26 нефтегазовых месторождений разведанных. Что их, так и оставлять? Тундра поняла абсолютно.

Омельчук: Никого, кто готов лечь на рельсы?

Харючи: Были горячие головы. Были-были. Ненцы – горячие парни. Но двинулся согласительный процесс, все поняли и действительно согласились, но с замечаниями. Никто не спрашивает, зачем я еду по этой дороге на оленьей упряжке: навестить родственников в Лабытнангах, посетить Салехард, увидеться с детьми-студентами, с друзьями.

Худи: Это самые ягельные места, где мы сейчас стоим. И в лето, и зимой, и осенью постоянно кочуют оленеводческие стада.

Омельчук: Много дорожка напортила ягельников?

Худи: В принципе она много не испортила, она же узкая, сколько там? – 10-15 метров. Дорога-то ягелю не мешает. Особых неудобств нету.

Омельчук: Ювелирно работают транспортные строители? Или место вольное: километр туда – километр сюда?

Худи: Здесь такая вольница невозможна. Каждый километр, буквально каждый метр согласовывается, идет по согласию и разрешению коренного населения.

Омельчук: Обиженных ни одного?

Худи: По-крупному – не было.

Омельчук: Твои олени где пасутся?

Худи: Мои олени? Километров пять отсюда на восток.

Омельчук: Твой белый олень не обижался на дорогу?

Худи: Не обижался. Приходит сюда в гости. Олень с дорогой мирится, люди тоже. Ненец мирится. И хант, и коми. Здесь же не только ненцы живут, и ханты, и коми, все оленеводы здесь каслают.

Ведущий:

– Освоение Ямала, полуострова Ямал – это настоящее или будущее? Близкое будущее? Дальнее? Вопросов очень много. Со стратегией освоения явно много неувязок.

И как всегда: все начинается с дороги. И – с проблем этой дороги.

Железнодорожная магистраль «Обская – Бованенково» остановилась на 267-м километре. До конечной станции – еще сколько же заполярных верст. Почему не движемся вперед? Есть объективные причины для остановки, заминки, задержки?

Артеев: Все прекрасно понимают. Вопрос наполнения бюджетов связан с активизацией крупномасштабной деятельности Газпрома, прежде всего, на полуострове Ямал. Заявление, сделанное представителем Газпрома, что освоение откладывается до 2015 года, естественно, воспринято неоднозначно и руководством округа, и населением. Можно все же ожидать, что крупномасштабные строительные работы в части газопроводов начнутся уже до 2010 года. Что касается железной дороги, естественно, это будет активизировано в ближайшие 2-3 года.

Омельчук: Стратегический запас России?

Артеев: Стратегический резерв.

Омельчук: Когда такая мощная организация – Ямалтрансстрой, если не простаивает, то не используется на полную мощность, можно говорить, что был допущен все-таки серьезный стратегический просчет?

Артеев: Решение о стройке принималось на излете советских времен. Решение замечательное, но советская власть исчезла. Сегодня коллектив составляют дети тех, кто строил БАМ. Коллектив с хорошими традициями. Вспомнить главного ветерана, Почетного гражданина Ямала Владимира Георгиевича Нака. От него пошла новая железнодорожная династия. Оптимально и безусловно действует принцип: чем раньше, тем лучше. Обратного пути нет.

Ведущий:

– Эта стройка – поэма.

Эпос.

Драма.
Всё справедливо.
Всё – честная правда.

Великий Сталин однажды железнодорожно замахнулся на полуостров Ямал. У вождя – не получилось. А замах был ко времени: если бы тогда рельсы дошли до Нового Порта на Обской губе – история освоения Ямала писалась бы совершенно иначе. И при чем здесь со-
слагательные наклонения? Урок.

Магистраль до Бованенково – грандиозная стройка рубежа веков – новая попытка России повернуться лицом к проблемам развития своего – по Менделееву – арктического «фасада». У стройки – солидная история. Ямалтрансстрой на трудном полуострове решил много проблем трансарктического освоения. Ямалтрансстрой – история испытания, история преодоления. Это годы профессионального мужества и – что самое важное – работы на перспективу.

Нак: Пустых лет по определению быть не может. Когда возникли некие сомнения в целесообразности строительства дороги, мы очень активно занялись бюджетным строительством в национальных поселках. Много построили для Приуральяского района, это и сам райцентр Аксарка, и Белоярск, это и фабрики Щучья, Лаборовая, где сегодня концентрируются коренные жители. Построили много транспортных объектов для округа: в Салехарде, в Лабытнангах. Для Ямалтрансстрой не было остановки, это постоянно действующий организм. Нормальный труженик, нормальный человек не может сидеть без работы.

Омельчук: Для руководителя психологически сложно переносить эти постоянные кризисы, постоянные тупиковые ситуации, работу, я бы сказал, в режиме ожидания. Стрессово?

Нак: Я не стал бы на этом спотыкаться – стрессовые ситуации, просто работа в рынке достаточно сложна. Не ради праздного любопытства мы работали в жилищном строительстве, занимались производством строительных материалов. Законы экономики, законы бизнеса – коллектив принимал решения в короткие сроки перепрофилировать свою деятельность, направить в русло, где доход более эффективен.

Омельчук: Тяжела рыночная школа на примере Ямалтрансстрой?

Нак: Она счастливая, но тяжелая.

Омельчук: Такой вопрос, Игорь Владимирович. Вы занимались историей северных железнодорожных строек. Я вот подумал: нет ли эдакого «заклятия Берии»: все дороги на российском севере, на Ямале, на севере Красноярского края, на Таймыре, к которым напрямую причастен, не к ночи будь помянут, Лаврентий Павлович Берия, над ними какое-то проклятие висит. «Мертвая дорога» Салехард – Игарка. Здесь, на Ямале, тяжелая несостоявшаяся дорога до Нового Порта. Мистика бывает? Нет такого проклятия?

Нак: Вы знаете, в жизни все делается с благословения Божьего. Вы правы, на севере легких дорог не бывает. Наша, если не самая тяжелая, то нелегкая. Но я уверен, Бог нам помогает в нашем большом деле. Заметьте, все железные дороги на севере России строили или несвободные люди,

или эки. А наша стройка – стройка свободных людей. Впервые в истории северной России. Так что диктаторские заклания на нас не распространяются.

Омельчук: Пессимистов в Ямалтрансстрое не осталось?

Нак: Как анекдот звучит? «Кто такой лессимист? – Хорошо осведомленный оптимист!» Мы хорошо осведомлены.

Ведущий:

– 20 лет Ямалтрансстрой
20 лет современной России.

Непростое время.

Сложнейшие годы.

Перед большим стартом надо собраться, сосредоточиться. Мы сегодня ощущаем свою Россию накануне небывалого взлета. Она выстояла в трудные времена – и это хороший плацдарм для разбега.

В Ямалтрансстрое всё – как у России. Он работал и держался. Держался, чтобы работать. Сделал всё. Готов к большому старту.

Ямалтрансстрой сегодня – история будущего. Отсчет начинается. Время пошло. Время этой истории.

На «Соленом Ямале» работала съемочная группа
телерадиокомпании «Регион-Тюмень»:

Анатолий Омельчук – журналист

Эдуард Улыбин – режиссер

Сергей Лыкасов – телеоператор

Александр Шешуков – телеоператор

Анастасия Баянкина – корреспондент

Ледовый дневник

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

САЛУН «СЕВЕР»

Я уже и в «Славянском базаре» с Колей Бондровским погулял, и в «Метрополе» с Гришей Кружковым посидел, но все-таки истово верил, что круче салехардского «Севера» ресторана не бывает! Родной.

Чего там хорошего! Водка дорогая, дым коромыслом, пьяная, плебейская публика, замызганные официантки. Но официантки – это особо: свои люди.

А! Салун. Вот что напоминал ресторан «Север» – салун эпохи нефтяной лихорадки. На Ямале. Без кольтов и ковбоев. Разве что в морду.

У каждого поколения наверняка должна быть своя золотая лихорадка – нефтяная. Нет, не каждому посчастливится. А вот тебе – попёрло! Чего ты рвался в Салехард? Чего тебе не сиделось в замечательно аристократической арктической Дудинке? Хорошая компания, почти большие деньги, чудная работа на радио, хорошенькие предстоящие девушки... Чего ж тебе не посиделось в Дудинке? Просто... На Таймыре не предстояло никакой лихорадки. А в Салехарде, на Ямале – началась! Как раз начиналась. И твой извилистый маршрут «Дудинка – Алыкель – Воркута – Лабытнанги» на самом деле самый прямой, наипрямейший путь – к твоей нефтяной лихорадке. А ресторан «Север» просто-напросто символизировал твой неслучайный жизненный Клондайк. Это у всех вас, первопроходцев, так: салуны, выпивка, страшенькие девчонки, чопорный половой, голосистые апостолы фарта.

Так о чем это я?

О ресторане «Север».

С Дудинским «Элдэном» промахнулись, с «Элдэном» пьяного романа не вышло, а «Север» надолго стал твоим родным салуном. Как только завелся лишний советский рубль – куда: на Север – туда, в «Север». Тем более, что он под боком у комитета, твоего комитета – по РВ Ямало-Ненецкого окрисполкома. Стейк – из залежалой оленины, борщ – вчерашний. Пиво кислое, перемороженное и недельной давности.

Дрянь. Просто дрянь. Как его пили? Это вообще можно пить?

Может быть, пиво-то было хорошее, пока его не разбавляли. Что за национальная традиция такая советская, если пиво казенное – то обязательно его разбавлять. Водопроводной водой.

Но другого не было. Случалось и бутылочное (его не разбавишь), но его из Воркуты везли долго, перемораживали. Тоже дрянь. Но другого не было.

Почему на Севере хотелось пива? Хорошего пивка. Хотелось. Но другого не было.

Дым стоял коромыслом. Еще и «Беломор» курили, и изысканный «Казбек», хотя в основном уже перешли на болгарские «Шипки» и «Варны».

Советский общепит эпохи Клондайка. Собутыльники – свои ребята. Пьяницы со стажем.

Это были времена, когда официантки казались богинями. Недоступными. Первоначально недоступными. Бывают же счастливые времена, когда даже официантки дичайше провинциальных ресторанов кажутся недоступными богинями.

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕЛОСИПЕДИСТ

Где-то я ненароком наткнулся, мельком, мимоходом в советской газете, что в приснопамятном тридцать седьмом некто Глеб Травин совершил экскурсию, прогулку по северной кромке Советского Союза. Прямоком от мыса Узлена на Чукотке до мыса на Кольском полуострове на границе с Норвегией. На велосипеде. За одну зиму. Насквозь. Арктическим фасадом страны по льдам Северного океана.

Рядовая проходная заметочка, кто-то ненароком вспомнил, что вот и такой фактик случился в арктической истории страны Советов. Такая заурядная заметка, что я не сразу встрепенулся.

Только позднее меня током ударило: да как такое возможно? да такое вообще возможно ли?! На велосипеде? По льдам Ледовитого океана? Один? Полярной зимой? Да как же он жил? Да где ночевал? Уж про грозных белых медведей можно и не вспоминать.

Лажа!

Фуфло!

Брехня советской прессы!

И почему же никто не знает этого советского героя?

Если ж это действительно было – герой же! Герой Советского Союза.

А тут – непонятный молчок и никакого триумфа.

Странное!

Невероятное!

Невозможное!

Я ринулся на поиски.

Оказалось, что Глеб Травин жив-здоров, и спокойно проживает у себя в городе Пскове. Он псковский мужик, как они себя там называют – скобарь.

Я организовал случай и оказался в замечательном русском городе Пскове. Сезон был – шел знаменитый на Чудском озере псковский рыбец – снеток. Эта мелкая рыбешка идет недолгое время, и мне как раз погодилося попробовать этот выдающийся русский деликатес. Хорошо! Но никакого сравнения с нашим муксуном на Оби. Хотя запоминается. Мелкий. И едят его сразу целиком.

Глеб Васильевич Травин проживал в заурядной хрущевке, в тесной стандартной двухкомнатной квартире совокупно со своими домочадцами. Сухой костистый старик. Под восемьдесят.

Он все подтвердил. Так и есть. На велосипеде. Кромкой берега Ледовитого океана. Мало того. Он хранил свою командировочную книгу – в настоящем кожаном потертom переплете блокнот с печатями на каждом листе. Основательный мужик, он по трассе своего велопутешествия заезжал во все сельсоветы-поссоветы на берегах всех советских ледовитых морей. Возможно, это представляло основную для него сложность – с хорошей ледяной трассы ему приходилось сворачивать к берегу, чаще всего пробираться через ледяные торосы и сугробы на берегу. В одном сельсовете ему пришлось проторчать целую неделю – председатель пребывал в жутком запое и печать не ставил, пока не отрезвел.

Я внимательно пролистал ямальскую часть блокнота. Фактория Дровяная, село Тамбей, полярная станция Марра-Сале. Все честь по чести. Такое не придумаешь.

На маленьком балкончике хранился и знаменитый велосипед. Да все еще на нем ездит. Поразительно! Рама с ободья-

ми. Больше ничего. Такой не подведет. Только багажник позамысловатее – ведь на нем отчаянный велопроходец умещал весь свой арктический пожиток.

Дед четко помнил – он был армейским спортсменом и захотел доказать, что советскому велосипедисту Северный морской путь – зимой! – совершенно по зубам.

Нет, Родина его ничем не наградила. Нет-нет.

А за что?

Он меня проводил и присел на скамеечку перед домом. Сидел прямо. Осанка гвардейская. Тяжелой такой кости дед.

Я пошел искать приличную столовку, чтоб скушать свой прощальный снеток!

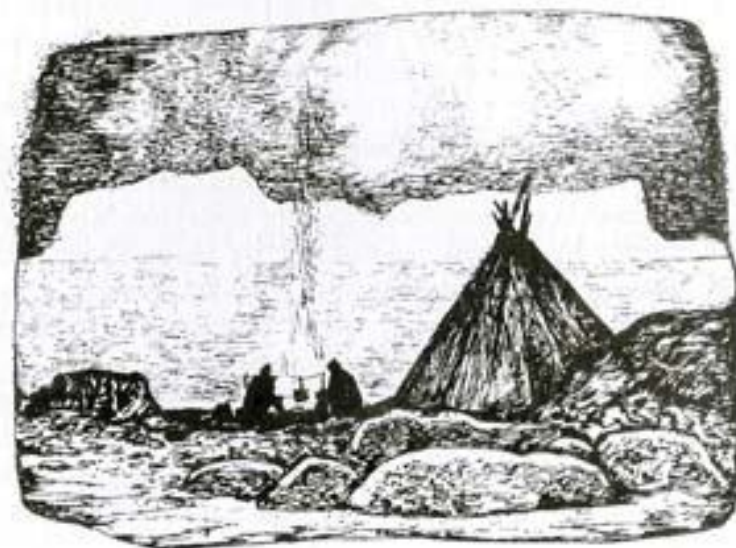
Советская держава все время искала свой символ. Трудовой. Героический. Алексей Стаханов. Александр Матросов.

Лукавила и привирала, исправляла биографии.

Я смотрел на бодрого старика Глеба Травина:

– Вот он – символ советского энтузиазма и оптимизма. Зачем искать, придумывать и лукавить!

Нормальный честный энтузиаст. Ни прибавить ни убавить.

ГЛАВНАЯ БОРОДА АРКТИКИ

Перед Россией грандиозная задача – доказать свои арктические приоритеты.

Кроме того. Чей Северный полюс?

Понятно, Северный (как и Южный полюс) должен принадлежать всему человечеству. Но чей он?

У России прекрасные шансы.

Кроме российской Сибири-суши, есть еще Сибирь погруженная. Подводные хребты Ломоносова, Менделеева, Гаккеля – это все та же Сибирь, но Сибирь подводная, под льдами и водами Северного Ледовитого океана.

Северный полюс находится как раз на одном из этих погруженных хребтов – и, таким образом, не что иное, как та же погруженная Сибирь.

У нас в России есть Чилингаров. Артур Николаевич Чилингаров. Герой Советского Союза и России. Депутат ГосДумы России. Выдающийся современный полярный исследователь. В России есть Чилингаров, и, я полагаю, арктические приоритеты России будут доказаны.

Конечно, брэнд. Произнесите: Артур Чилингаров.

Что сразу всплывает: Северный полюс, Арктическая Россия. Главный полярник России.

Ну и, пожалуй, главная борода России. Прославленная. Знаменитее нет. Я, правда, позабыл поинтересоваться: чему Артур Николаевич посвятил свою бороду. Как правило, у такой шикарной бороды своя история.

Честно признаемся: не случись Артура Чилингарова – помнила бы сейчас Россия в свои постоянно трудные годы про свою Арктику?

Понятно, Чилингаров – авантюрист, не просто международный – высочайшего класса.

Но как иначе разбудить отечественного бюрократа и вялую власть?

А ведь ясно: Арктика – это шанс России. Это пуповина XXI века. Прав

великий Ломоносов в своем пророчестве о могуществе российском, прирастающем и Сибирью, и северными ледовитыми морями. Можно пророчествовать. Можно действовать. Чилингаров действует. У него много оппонентов и критиков. Особенно мирового калибра, международного. Арктический натовский империализм (США, Канада, Исландия, Норвегия) против него.

Но это правило: чем больше дело – тем больше критиков.

Омельчук: Артур Николаевич, экспедиция «Арктика» продолжается?

Чилингаров: В рамках Международного полярного года, инициатором которого была Россия, мы, конечно, подтолкну-

ли интерес к Арктике. Помимо этого: у кого-то зависть, у кого интерес, у кого стремление обогнать Россию. Появились деньги, многие страны в эти годы планируют строительство собственного ледокольного флота, и, естественно, более бурную экспедиционную деятельность. Но и мы не останавливаемся. У нас есть четкая позиция, есть полярная доктрина, утвержденная Президентом России. В рамках нашей арктической стратегии и этой доктрины мы развиваем высокоширотные (в Арктике и Антарктике) работы. Атомный отечественный флот вернулся в государство – в Россию, многие годы он был акционерным обществом.

Омельчук: Был беспризорным?

Чилингаров: Естественно. Акционерное общество – это частники, это в принципе неправильно для стратегических целей страны. Сегодня он в государственной корпорации, есть планы по строительству нового атомного флота. Сегодня благодаря именно этому флоту Россия, конечно, лидирует в арктических исследованиях. Но останавливаться нельзя. Принято решение, идет проектирование нового атомного ледокола. Последний мы построили больше 20-ти лет назад. В рамках полярной доктрины мы активно продвигаем организационные мероприятия, должна быть управленческая структура «Севморпуть». Архангельск – столица «Севморпути», он имеет мощный судостроительный потенциал. В «Севморпуть» – не только система навигация и обеспечение безопасных плаваний, это, понятно, мощные судостроительные структуры. В Минтрансе, в агентстве морского и речного флота, такие решения уже есть. Под экспедиционную деятельность надо вышибать деньги, мы получали финансирования под Междуна-

родный полярный год. Минфин очень обрадовался, когда он закончился. У нас две задачи: «Севморпуть» и шельф.

Омельчук: Как много удалось по программе Международного полярного года выбить и пробить?

Чилингаров: У нас возобновились дрейфующие станции «Северный Полюс». Сегодня очередной «СП» во льдах, там, за полюсом, шестнадцать ученых уже более 7 месяцев дрейфуют, кроме них никого больше нет в Ледовитом океане сегодня на этот момент. Это российская дрейфующая станция, она работает по плану. Начата подготовка новой станции. Это направление мы будем продолжать, уникально наблюдение с естественной платформы, со льда, интерес очень большой. Конечно, должна быть общая задача – изучение Ледовитого

океана в рамках климата планеты и более конкретная – шельф. Заявку мы можем тянуть до 2013 года, мы подавали один раз, у меня там на стене висит карта рельефа дна Ледовитого океана, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы доказать, что Россия прирастает не только Сибирью, но и ледовитыми морями. Есть целый комплекс научных наблюдений, к которому подключены Академии наук, Гидрометслужба, Министерство природных ресурсов. Естественно, исторически Архангельск: поморы и архангелгородцы.

Омельчук: Русский Север начинался...

Чилингаров: Начинался русский Север, конечно, поэтому Мурманск не конкурирует, у него есть своя транспортная программа, в Мурманске – морской порт. Ямал, Ямальский полуостров, все станции там знаю, на всех станциях бывал: работал, Новый Порт, Салемал, Тадибияха, остров Белый, Харасавэй, Мара-Сале. Везде я был, там работали мои друзья. Я активно участвовал, в том числе, в выгрузке на припай, это моя идея была – на Ямале. Я первый. В 1976-м году. Атомоход «Ленин» и морской сухогруз «Павел Пономарев».

Омельчук: Кстати, о полярных станциях, такая грустная страница...

Чилингаров: Восстанавливаем. «Остров Белый» мы восстановили. Будем привлекать, да, будем привлекать губернаторов. Есть программа.

Омельчук: Восстановить хотя бы в рамках 1914 года.

Чилингаров: В самое лучшее – в советское – время было 100 полярных станций. Это же не только наука, это и присутствие, понимаете. Интерес к Арктике, к островам, он есть и в других странах, очень много было проектов, связанных с изучением Северного морского пути. «Севморпуть», когда был, где он был, практически военизированная организация, каждый день подъем советского флага. Кроме науки, которая худо-бедно выполняется, мы восстановим.

Омельчук: 100 станций или...

Чилингаров: Сейчас столько не надо. 40 станций достаточно, с учетом того, что есть спутник, но они должны быть

на островах. Ямал – само собой, его называли «газовый континент», я очень рад, что железная дорога строится, та, которую называли «мертвой дорогой», «Воркута – Салехард», там погибло очень много людей, которые строили эту дорогу.

Омельчук: Артур Николаевич, Ваше отношение к версиям глобального потепления и роль Арктики – она первая жертва глобального потепления или выигрывающая сторона?

Чилингаров: Меня избрали членом-корреспондентом Российской Академии наук, я общаюсь с академиками, с учеными, с теми, кто активно изучает климат. Разные совершенно у многих позиции, в принципе, но все за то, чтобы мы продолжали наблюдение, потому что, возможно, это просто цикличность. Может быть.

Омельчук: Не все однозначно?

Чилингаров: Не так. Хотя натурные эксперименты говорят, что льда стало меньше, ледовитость в районе полюса ослабла, стало льда меньше. Организация дрейфующей станции труднее, мы ищем льдину на год, задача затрудняется, если раньше мы находили за 10 дней, сейчас месяц искали. Ученые к тому, что связано с прогнозами, чуть ли «Севморпуть» будет чистым ото льда, по-разному относятся. Здесь нужен долговременный, многовековой ряд наблюдений. В свое время много говорили об озоновых дырах. Акаде-

мик Израэль, главный у нас специалист по изменению климата, считает – цикличность. Это трудно ухватить, больше 100 лет, нет наблюдений. Поэтому никто не торопится, но, то, что ученые ищут решение и занимаются этим, я думаю, очень важно.

Омельчук: Когда Вы сидели вплотную, в Арктике, это были самые холодные годы, самые морозные?

Чилингаров: Холодно было, конечно, холодно. Я же ледовый разведчик, я летал на самолетах по трассе Северного морского пути, это самые лучшие годы мои, мечта была после окончания морского училища. Очень наблюдательный человек, мы же рисуем карту, тогда еще не было средств передачи на корабль, мы прямо зависали над кораблем и бросали вымпел, в котором пенал, в котором карта и рекомендации исследования во льдах.

Омельчук: Налетали норму на 5 пилотов?

Чилингаров: Я думаю. У нас саннорма в месяц 100 часов. Я эти 100 часов точно каждый месяц налетывал.

Омельчук: Скажите, Артур Николаевич, для себя мы доказали, что хребет Менделеева, Ломоносовский хребет – это Сибирский шельф?

Чилингаров: Есть человек очень грамотный, наш представитель, член комиссии Организации Объединенных Наций по шельфу, Юрий Казьмин, он говорит: «Чилингаров не зря столбил Северный Полюс, сибирская родословная хребта Ломоносова по предварительным данным подтверждена». «Чилингаров устанавливает там флаг. И правильно сделал. Таким образом, мы подтвердили, что и впредь будем претендовать на ресурсы морского дна до Северного полюса, заниматься исследованиями».

Омельчук: Мы себя, Россию, убедим, а трудно будет убедить ученых и политический мир?

Чилингаров: На счет политического, это другая совсем история. Для меня важно, я советский и российский полярный исследователь. У меня одна позиция по этому поводу. Научный мир, ученых можно убедить только исследованиями

и доказательствами. С политиками очень трудно. Могу прямо вам сказать, оценивая возможности в Арктике... В Антарктиде, конечно, американцы опережают всех и по базам, и по техническому оснащению, имеют свои самолеты, их «геркулесы» садятся на лыжах, взлетают на колесах. У нас этого нет. Южный полюс, их станция находится, гигантская станция сегодня, на которую они потратили большие деньги, это чисто их преимущество. На Южный Полюс без их согласия попасть нельзя. В Арктике, хоть мы и за международное сотрудничество, но сегодня мы имеем такой атомный флот, который может в любую точку Ледовитого океана доставить ученых. У нас есть отработанный способ организации лагерей непосредственно в районе полюса. Лагерь «Борнео» мы организуем уникальным способом, практикуем взаимодействие с военно-воздушными силами, с десантниками, с десантным сбросом на парашютах всего необходимого для лагеря. Способ отработан, в районе полюса есть российская дрейфующая полярная база, о чем это говорит? Никто другой сегодня такого сделать не сможет. Это нам удалось сохранить с советских времен. Моя инициатива, чтобы Совет безопасности вылетел в Арктику, мы провели рабочую встречу на земле Франца Иосифа, никогда так высоко, я имею в виду в высоких широтах, не собирались руководители двух палат парламента, министр обороны, секретарь Совбеза Патрушев. Проходила там рабочая встреча.

Омельчук: Скажите, когда Россия утратила арктический сектор Советского Союза?

Чилингаров: При Сталине была линия проведена от Мурманска до Северного полюса и до Уэлена на Чукотке, и было написано на всех картах: полярные владения СССР. Но под влиянием демократических перемен мы ратифицировали конвенцию по морскому праву.

Омельчук: Могли не ратифицировать?

Чилингаров: Соединенные Штаты до сих пор не ратифицировали. Канада имеет. Но мы ратифицировали конвенцию и подчиняемся международным договорам. Такая была ситуация, на тот период, сегодня другая.

Омельчук: Скажите, Артур Николаевич, не было бы Чилингарова: прощай, российская Арктика? Никто бы в стране, честно говоря, не занимался бы этим. Как Вам это удастся?

Чилингаров: Ну, не совсем так. Видимо, судьба – я лидер

сегодня, государство меня не забыло, поэтому я весь в орденах, и обязан, пока бьется сердце, заниматься защитой арктических интересов России. Кто-то должен... Так судьба распорядилась.

Омельчук: Раскройте все-таки секрет – как удастся?

Чилингаров: Удастся. Удастся пока. Вчера меня избрали президентом Полярной Академии в Санкт-Петербурге, я хочу больше сил посвятить подготовке кадров. Надеюсь, оживлю работу Полярной Академии.

Омельчук: Президент Медведев слетает на Северный полюс?

Чилингаров: Я думаю. Есть вопросы безопасности. Важно, конечно, присутствие главы государства на родной территории. «Севморпуть» в советское время – гигантское дело, великий проект, была возможность разведать полезные ископаемые, те, которые сегодня практически кормят Россию. И нефть, и газ, золото, алмазы. Это все же с помощью Северного морского пути разведывалось, геологи, базы работали. После Советского Союза Россия это получила, живем сегодня за этот счет. Посмотрите карту – все по трассе Северного морского пути. Задачу поставил Президент Дмитрий Медведев, чтобы поколение через 50 лет получило такой же запас полезных ископаемых. Это прочность государства, вот для наших внуков, правнуков. Это российское. У нас есть шанс такой гигантский запас полезных ископаемых оставить по наследству. Такая задача, поэтому мы и боремся сегодня и за хребет Ломоносова, и хребет Гаккеля, и хребет Менделеева. Параллельно делаем погружения на дно озера Байкал, которое имеет гигантские запасы пресной воды, а вода очень скоро будет такая же дорогая, как и нефть.

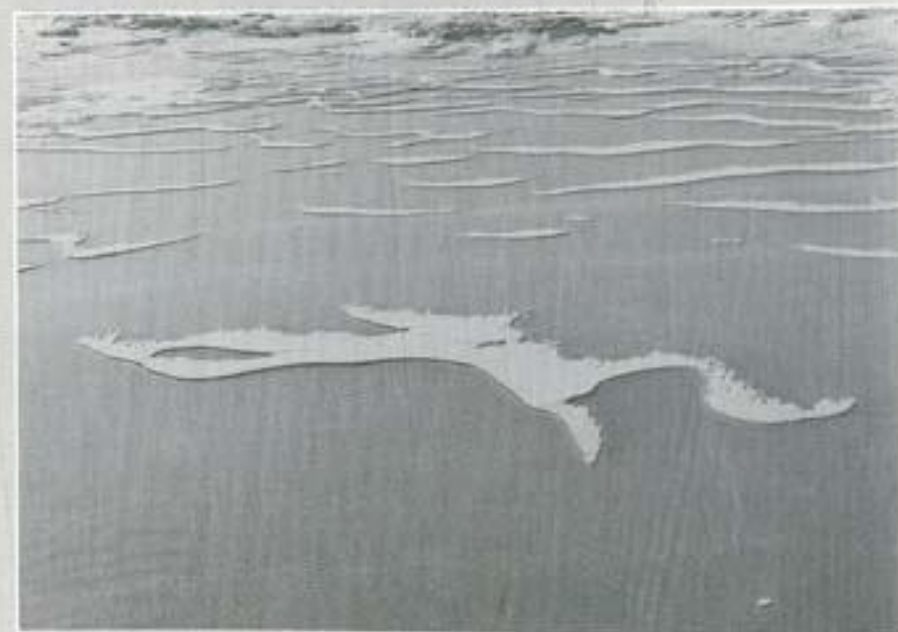
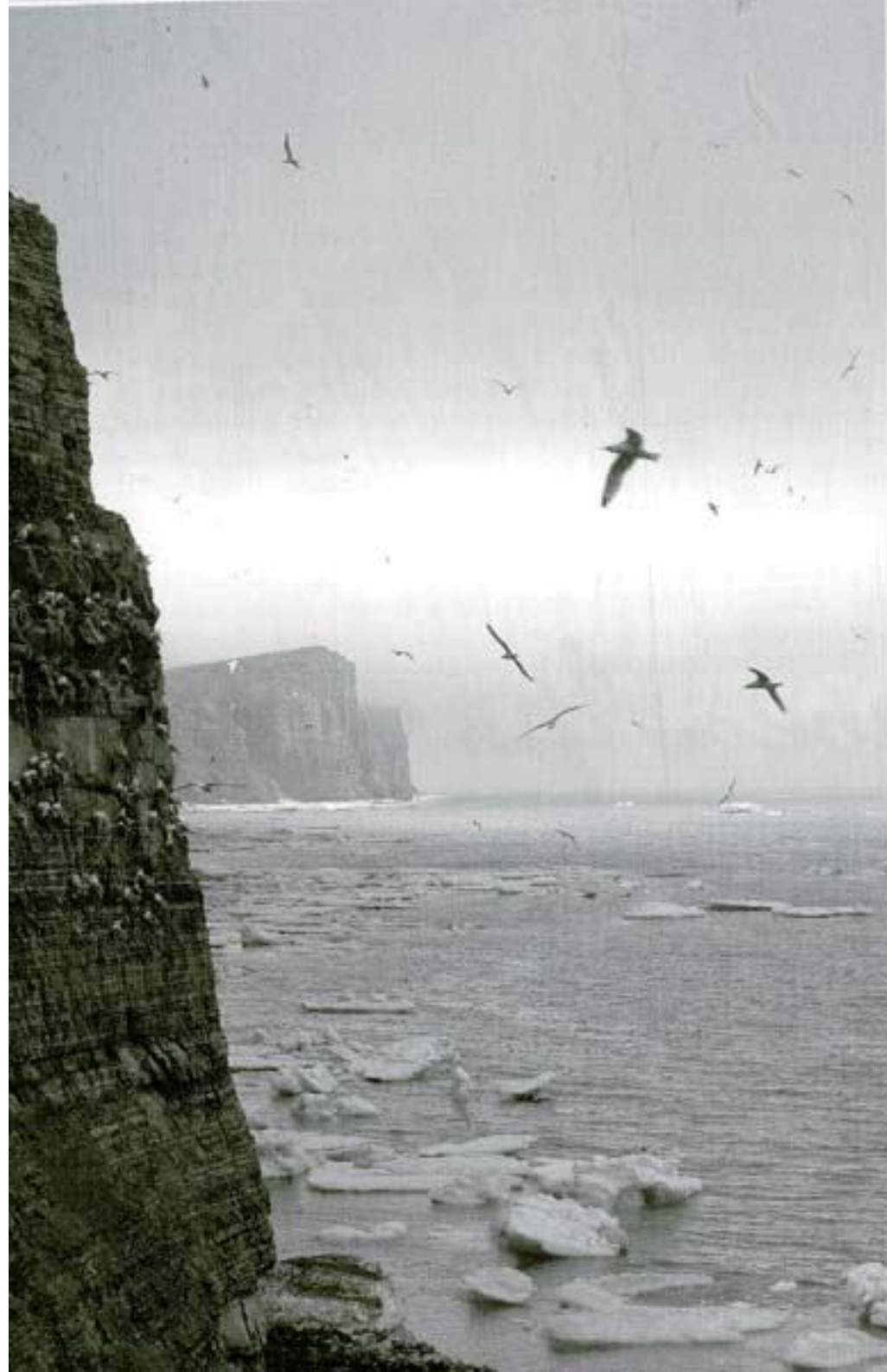
Омельчук: Артур Николаевич, у России арктическая душа?

Чилингаров: Конечно. Арктическая. Ваша, сибирская душа.

сырой космос

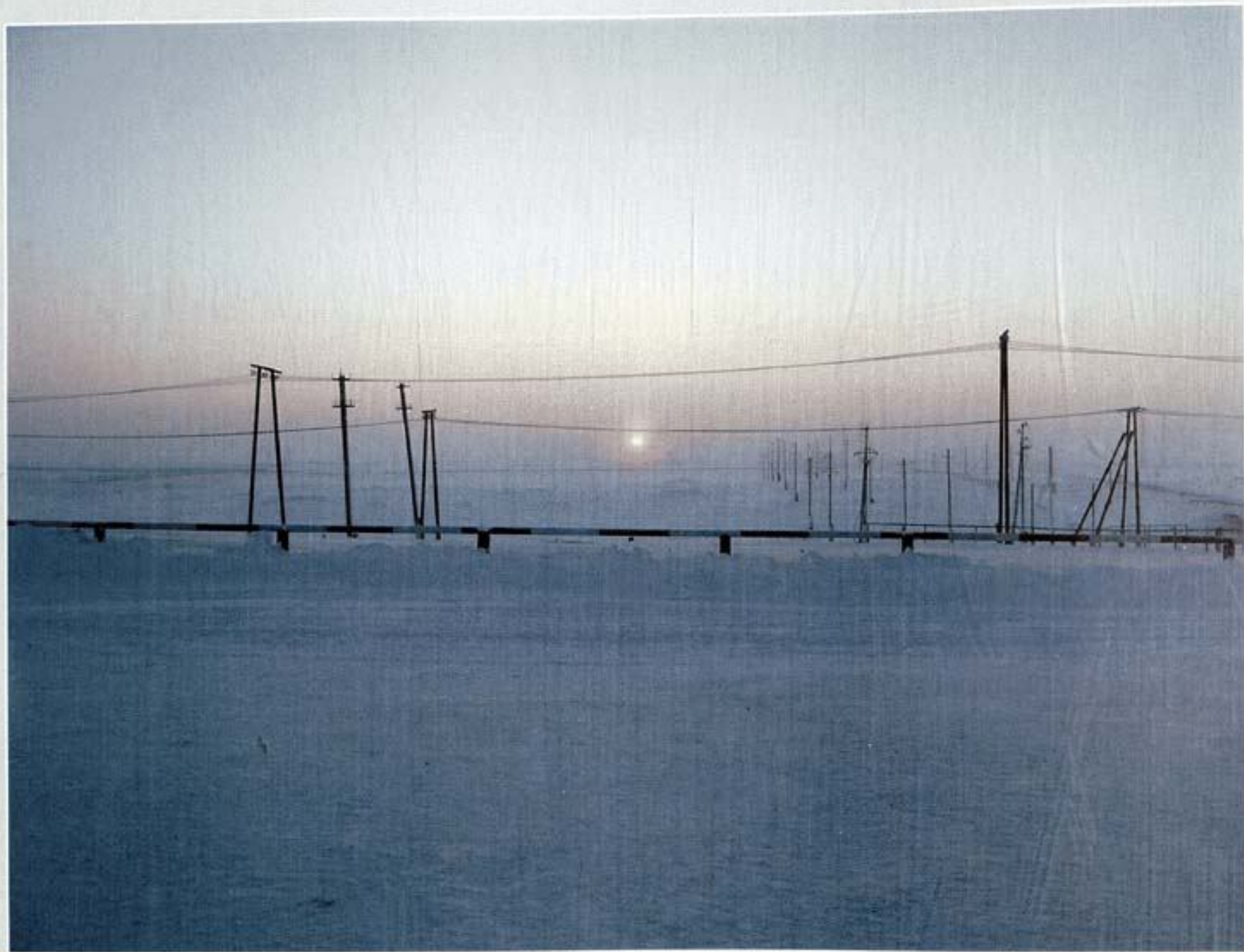
Земноморье Арктики

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ПРИГОРШНЯ ОКЕАНА

Пробую на вкус... океан. Северный Ледовитый.

Что за причуда? Да так получилось.

В заполярный Харасавэй впервые попал летом. Летели над Байдарацким заливом: солнце, июль, море, пространство и видимость «миллион на миллион». Внизу – белое на голубом. Белые льды на голубой морской воде. Большие поля льда. Июль.

Карское море – голубое, а льды еще не сошли. Масштабные льды. На ослепительно небесно-голубом – ослепительно белое.

Думал, что это только начало. Но... Довелось увидеть всего раз в жизни. Белое на голубом.

Такое не повторяется. А летел и думал – буду видеть это вечно. Получилось: раз в жизни.

Приземлились в Харасавэе, расселились в балках у брутальных буровиков, я побежал на берег. Море вблизи – грязновато серое, свинцовое, мрачное и невзрачное. Это сверху можно придаваться иллюзиям, восторгаться белым на голубом. Харасавэйский берег песчаный, осыпающийся – океанского намыва. Но я почапал по береговой песчаной няше, чтобы все-таки попробовать его на вкус – настоящий Ледовитый.

Он – Северный – малосол. Малосолёный. (На всех речках и великих реках, выпадающих в Карское, любят малосол. Мук-

суновый, нельмовый, омулевый, сиговый).

Карская соль – без горчинки.

Много великих рек в Студеное море впадает, несут пресную воду.

Я пятерню растопырил и, что осталось в пригоршне, – лизнул. Поцеловал океан.

Получилось нечаянно, но вошло в систему.

Потом было Мурманское море, из Мурманска мы ледоколами с Вовой Третьяковым шли на тот же Харасавэй.

В Мурманске океанская вода шла под пиво, мы с Вовой никак не могли напиться хваленного и недоступного «Мурманского». Мурманск – закрытый город. Атомный флот. База атомного флота.

В Уэлле за поселком есть две натоптанных тропинки: пойдешь направо – выйдешь на обрывистый берег Тихого, налево – на пологий бережок Ледовитого. Была полярная весна, март, но у правого берега как-то нечаянно образовалась полынья. Лужа лужей, но – океан же! Зачерпнуть ладошкой и – пожалуйста – океан в ладони.

Нет, он и здесь тоже не горький, Ледовитый, солоноват в меру.

– Ты там поосторожней! – крикнул мне шеф Константин Иванович Миронов, не поняв моих церемониальных приду-

рочных ритуалов.

Для коллекции я сбегал и направо – поцеловать Тихий. Вот Великий был и горек, и солоноват. Пересолён. Ледовитый – родной, а Тихий – всехний.

Я целовал его в Диксоне, провожая сухогруз «Выру». В разгаре таймырского лета он был обжигающе сурово сыро холоден.

В Нуме на Гренландии удалось прихватить пригоршню тамошнего Ледовитого только с пирса. Зато в Кангерлуусе на ловле айсбергов на туристической безнадежной шхуне океан сам шел в руки.

А вот в Прадхо-Бее я загляделся на оленуху с олененком под аляскинской нефтетрассой и напрочь забыл про свою священную обязанность – здороваться с океаном. Впрочем, там

трудно было бы пройти в воды оушена – зыбкие пески.

Вот он – свирепствует, но в пригоршню не прихватить. Американский норов – никому, кроме как нам.

И как же он на вкус?

Я же пробовал и Тихий, и Атлантический, даже Индийского прихватил у Оманских берегов.

Не коллекционирую океаны, но – пробую. Почему бы нет?

Я – не дарвинист, поэтому – вышел из океана. На земле всего один океан. Одна земля, один океан – на всю планету. Сырая плоть воды.

Пригоршня океана. Вкус Ледовитого – вкус нераскрывшейся и, может быть, застывающей, еще несостоявшейся непронувшейся розы. Вкус зарождающейся живой жизни.

Целую... океан! Ледовитый океан твоей нежности.

РОДНОЙ МИР

Чужие берега

Александр КУХТЕРИН

北 极 圈

СОДЕРЖАНИЕ

Прекрасный Полярный круг	3
Полярный круг проходит через сердце. Анатолий Омельчук	13
Он такой единственный. Сергей Лыкасов	19
Арктический лидер России. Анатолий Омельчук	27
Тёплая земля	35
ЖИТЕЙСКАЯ АРКТИКА. Юрий Неёлов	43
Ветер для Черномырдина	44
Черномырдинская щука	45
Государственная деликатность	46
Селькупский посол	47
Тундровая валюта	47
Президентская малица	49
Губернаторский «Никон»	49
Острова в Океане	50
Губернаторская участь	51
Тундра со всеми удобствами	52
Живописный Ямал	61
Босиком по Полярному кругу. Анатолий Омельчук	67
Стаж одиночества. Анатолий Омельчук	69
Привыкла странствовать душа. Александр Кухтерин	75
Арктика без приключений. Анатолий Омельчук	82
Суровая нежность. Эдуард Улыбин, Сергей Лыкасов	91
Живая белая земля. Анатолий Омельчук	104
Тайга туманная. Фёдор Ковтун	109
Арест в Диксоне. Анатолий Омельчук	122
Художник с Волчьей реки. Анатолий Омельчук	123
Разведка. Александр Кухтерин	128

Блистательная Колыма. Александр Кухтерин	131
Соседи по планете. Андрей Шапран	137
Это ты, Чукотка? Анатолий Омельчук	149
Американская Сибирь. Эдуард Улыбин	159
Рашен таймс. Анатолий Омельчук	170
Чужое счастье. Анатолий Омельчук	185
Так похожа... Эдуард Улыбин	195
Ловушка для снов. Анатолий Омельчук	202
Гостеприимные льды. Эдуард Улыбин	209
Неопознанная Гренландия. Анатолий Омельчук	218
Уикэнд в Исландии. Анатолий Омельчук	226
Северный путь. Эдуард Улыбин	235
Платформа. Анатолий Омельчук	245
На арктических ветрах. Эдуард Улыбин	257
Одиночество гения. Анатолий Омельчук	262
Мемуары о Российской империи	271
Палтус в Мурманске. Анатолий Омельчук	275
Запасная земля человечества. Максим Марченко, Игорь Емельянов	277
«...и изгнали народ мой с Новой земли». Анатолий Омельчук	290
Тёплые воспоминания о ледяной гавани. Игорь Емельянов	300
Земля любит. Фёдор Ковтун	305
«...опись делал штурман Иванов». Анатолий Омельчук	313
Трагедия во льдах. Анатолий Омельчук	316
Золотая запонка Жюльетты Жан. Анатолий Омельчук	322
Большая земля. Сергей Лыкасов, Фёдор Ковтун	325
Соленый Ямал. Анатолий Омельчук	333
Ледовый дневник. Анатолий Омельчук	343
Салун «Север». Анатолий Омельчук	352
Арктический велосипедист. Анатолий Омельчук	353
Главная борода Арктики. Анатолий Омельчук	355
Земноморье Арктики	361
Пригоршня океана. Анатолий Омельчук	367
Чужие берега. Александр Кухтерин	369

北 极 圈

300р. 00к.

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Юрий Неёлов
Анатолий Омельчук
Эдуард Улыбин

Фотографии и тексты:
Сергей Лыкасов, Максим Марченко, Андрей Шапран,
Фёдор Ковтун, Игорь Емельянов, Александр Кухтерин

Графика: Александр Кухтерин

Редактор: Валентина Шилина
Корректор: Надежда Рассохина
Дизайн-макет, верстка: Виктор Головков

Подписано в печать 05.07.2013

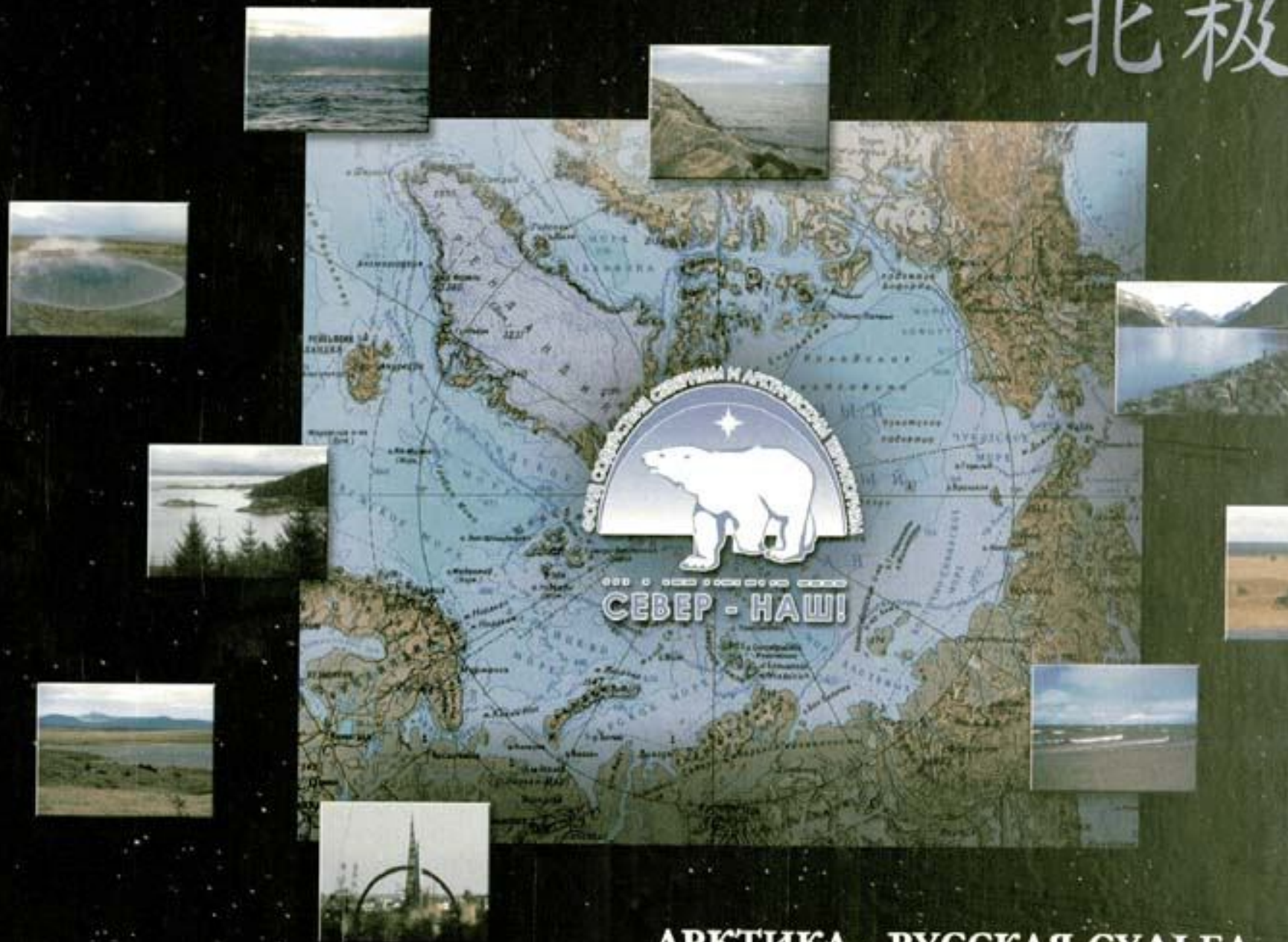

СЕВЕР - НАШ!

Фотокнига издана за счет средств
НО «Фонд содействия северным и арктическим территориям «Север наш»
625048, г. Тюмень, ул. Максима Горького, дом 68, корпус 1/8

Издательство ООО «Инфо-плюс»
Тюмень, ул. Энергетиков 58
info@in-plus.ru / www.in-plus.ru

北极圈

АРКТИКА - РУССКАЯ СУДЬБА

Историк Алаш